INTERCONNECTIONS BETWEEN
EUROPE AND RUSSIA UP TO 1794

RUSSIAN STUDIES HU

2024/1

EDITED BY GYULA SZVÁK
COEDITOR: DÁNIEL BAGI

RussianStudiesHu

Editor-in-chief / Главный редактор / Főszerkesztő: Szvák Gyula, DSc

Deputy Editor-in-chief / Заместитель главново редактора /
Főszerkesztő-helyettes: Sashalmi Endre, DSc

Executive Editor / Ведущий редактор / Vezetőszerkesztő: Bagi Dániel, DSc

Members / Члены редакции / Tagok: Vladimir Boldin, PhD
Farkas Ádám, PhD
Igari Léna

Publisher / Издатель / Kiadó
Alapítvány az Orosz Nyelvért és Kultúráért

Published by / Ответственный издатель / Felelős kiadó
Az Alapítvány az Orosz Nyelvért és Kultúráért elnöke
1088 Budapest, Múzeum krt. 6–8.

Contact / Контакты / Kapcsolat
centre@russianstudies.hu
Website: https://www.russianstudies.hu

ISSN 2677-1640 RussianStudiesHu (print)
ISSN 2677-0660 https://www.russianstudies.hu (online)

© Alapítvány az Orosz Nyelvért és Kultúráért, 2024
All rights reserved

Editorial Board

Member of RAS Veniamin Alekseev (Yekaterinburg) • Professor Evgenii Anisimov (Saint Petersburg)
Professor Dániel Bagi (Budapest) • Professor Emeritus Chester S. L. Dunning (College Station,
Texas A & M University) • Professor Márta Font (Pécs) • Paul Mellon Distinguished Professor
Wendy Z. Goldman (Pittsburgh) • Corresponding Member of RAS Andrei Golovnev (Saint Petersburg)
Professor Hieronim Grala (Warsaw) • Professor Claudio S. Ingerflom (Buenos Aires)
Head of the editorial board, Professor Emeritus Tamás Krausz (Budapest)
Professor Andrei Medushevsky (Moscow) • Professor Emeritus Peter Pastor (New Jersey)
Jay Richard Judson Distinguished Professor Donald J. Raleigh (Chapel Hill) • Professor Dmitrii Redin
(Yekaterinburg) • Corresponding Member of RAS Lorina Repina (Moscow) • Professor Richard Sakwa
(Canterbury) • Professor Endre Sashalmi (Pécs) • Professor Ludwig Steindorff (Kiel)
Professor Emeritus Léna Szilárd (Sassari) • Professor Emeritus Gyula Szvák (Budapest)
Professor Igor Tyumentsev (Volgograd) • Professor Andrei Yurganov (Moscow)

Редакционная коллегия

Академик РАН Вениамин Васильевич Алексеев (Екатеринбург) • Профессор Евгений Викторович
Анисимов (Санкт-Петербург) • Профессор Даниел Баги (Будапешт) • Заслуженный профессор
Венди З. Голдман (Питтсбург) • Член-корреспондент РАН Андрей Владимирович Головнёв
(Санкт-Петербург) • Профессор Иероним Граля (Варшава) • Профессор-эмерит Честер С. Л. Даннинг
(Колледж-Стейшен, Техасский университет A&M) • Профессор Клаудио С. Ингерфлом (Буэнос Айрес)
Председатель редколлегии, профессор-эмерит Тамаш Краус (Будапешт)
Профессор Андрей Николаевич Медушевский (Москва) • Профессор-эмерит Петер Пастор
(Нью-Джерси) • Заслуженный профессор Дональд Дж. Рейли (Чапел Хилл)
Профессор Дмитрий Алексеевич Редин (Екатеринбург) • Член-корреспондент РАН
Лорина Петровна Репина (Москва) • Профессор Ричард Саква (Кентербери)
Профессор-эмерит Дюла Свак (Будапешт) • Профессор-эмерит Лена Силард (Сассари)
Профессор Игорь Олегович Тюменцев (Волгоград) • Профессор Марта Фонт (Печ)
Профессор Эндре Шашхалми (Печ) • Профессор Людвиг Штайндорфф (Кил)
Профессор Андрей Львович Юрганов (Москва)

Szerkesztőbizottság

Venyiamin Alekszejev akadémikus (Jekatyerinburg) • Jevgenyij Anyiszimov professzor (Szentpétervár)
Bagi Dániel professzor (Budapest) • Chester S. L. Dunning professor emeritus (College Station,
Texas A & M University) • Font Márta professzor (Pécs) • Wendy Z. Goldman “Paul Mellon” Professzor
(Pittsburgh) • Andrej Golovnyov OTA levelező tag (Szentpétervár) • Hieronim Grala professzor (Varsó)
Claudio S. Ingerflom professzor (Buenos Aires) • Andrej Jurganov professzor (Moszkva)
Krausz Tamás professor emeritus, elnök (Budapest) • Andrej Medusevszkij professzor (Moszkva)
Peter Pastor professor emeritus (New Jersey) • Donald J. Raleigh “Jay Judson” professzor
(Chapel Hill) • Dmitrij Regyin professzor (Jekatyerinburg) • Lorina Repina OTA levelező tag (Moszkva)
Richard Sakwa professzor (Canterbury) • Sashalmi Endre professzor (Pécs) •
Ludwig Steindorff professzor (Kiel) • Szilárd Léna professor emeritus (Sassari)
Szvák Gyula professor emeritus (Budapest) • Igor Tyumencev professzor (Volgográd)

Contents / Содержание / Tartalom

Interconnections Between Europe and Russia up to 1794 /
Взаимоотношения между Европой и Россией до 1794 г. /
Az Európa és Oroszország közötti viszonyok az 1794-ig terjedő időben

11 **Alexander I. Filyushkin**
Debate on Russian Saints
in European Narratives about Sixteenth-Century Muscovy

29 **Paweł Żmudzki**
Did Prince Lev Wish to Become Duke of Kraków in 1280?

47 **Sergey M. Ryabov**
Русско-французская торговля на Балтике в условиях
шведской блокады «нарвского плавания» в 1570-е годы
Russian-French Trade in the Baltic Sea During the Swedish Blockade
of the “Narva Navigation” in the 1570s

69 **Igor O. Tyumentsev**
Казаки и иноземные солдаты под знаменами самозванцев
в Смутное время начала XVII столетия
The Cossacks and Foreign Soldiers Under the Banners of Impostors
in the Time of Troubles of the Early 17th Century

81 **Brigitta Schvéd**
“To Preserve that Balance of Power on which the Happiness
and Prosperity of Europe Depend” – Discourse on the First
Partition of Poland and the European Balance of Power in London
Newspapers (1771–1774)

109 **Sándor Gebei**
Исторические корни польско–русской конфронтации: зарождение,
16 век – углубление, 17 век – непримиримость, 18 век
The Historical Roots of the Polish-Russian Confrontation:
Its Origin (16th Century) – Its Deepening (17th Century) – Its
Irreconcilability (18th Century)

Essays / Статьи / Tanulmányok

139 **Gyula Szvák**
Периодизации Российской истории
Russian History Writing and its Periodisations

157 **Endre Sashalmi**
Command and Contract in Russia from the Mid-16th Century to 1725: Contractor State, Private Entrepreneurs(hip), and Supplying the Russian Armed Forces

185 **Maya S. Petrova**
Дмитрий Герасимов и его последователи о глаголе
Dmitry Gerasimov and his Followers on the Verb

Opuscula Prima

215 **Marta Cyuńczyk**
Grigory G. Gagarin's 19th-Century Frescoes and Decoration in the Sioni Cathedral in Tbilisi

Review articles / Обзоры / Szemle

239 **Katalin Schrek**
Power and State – Reconsidered (A Review)

Lectori Salutem!

RussianStudiesHu is an open-access online academic periodical covering historical Russian Studies. It uses double-blind peer review and, since 2021, has published two issues a year, with online content being continually expanded throughout the year. Besides being accessible on the periodical's own website, issues are freely accessible at the Eötvös Loránd University of Sciences' repository (https://edit.elte.hu), the Electronic Periodicals Archive & Database of the Hungarian Electronic Library (https://epa.oszk.hu) as well as in many other major international databases, including Scopus. The periodical materials are also made available in printed format by the Publisher.

Manuscripts are accepted in English and Russian, and in rare, exceptional cases, in Hungarian, on condition that the article has not been published elsewhere in any language. *RussianStudiesHu* welcomes authors who can provide an academic treatment of any issue related to Eastern Slavic, Russian or Soviet history (including their Hungarian and Eastern European aspects), either as a historian or by means of a related discipline, provided they accept the periodical's Rules of Publication.

Our "Guest Column" is a space for scholars of Russian Studies in the widest possible meaning of the term, while our "Opuscula Prima" column offers a publication opportunity to the winners of the Hungarian national "Russian Studies Thesis of the Year" competition and other Russian Studies scholars just starting out.

RussianStudiesHu does not give preferential treatment to any 'genre,' method or trend in historiography. However, the direction of the periodical's endeavors is clearly demonstrated by its "Historiographies of Russia's History (2000–2020)" series launched in 2021, a series that spanned several issues. The material in the themed section of the current issue examines the interconnections between Europe and Russia up to 1794.

The russianstudies.hu webpage, which provides the web platform for *RussianStudiesHu*, was established in the autumn of 2019 by members of the body that succeeded Eötvös Loránd University's Centre for Russian Studies. ELTE's History Institute provides the periodical with a professional-institutional base. Exceptional scholars from the world of international historical Russian studies have collaborated in the work of *RussianStudiesHu*, thereby enabling the journal to move beyond the limits not only of a specific university workshop but also of Russian studies in Hungary, and to serve the cause of universal knowledge. As one author has put it, "this forum serves as a meeting place of various historiographies," and a mediator between Western and Eastern Russian Studies.

RussianStudiesHu is an independent, apolitical journal that aims always to be governed by strictly academic criteria. It must, however, along with the discipline as a whole, react to the brutal changes in the world that started early in 2022. Society expects to be given a valid explanation of the peculiar development of Russian history, and we, as a part of international Russian studies, are attempting to fulfill this 'order from society' to the best of our knowledge and expertise.

The creators of the russianstudies.hu research website, and the online periodical *RussianStudiesHu* extend a warm welcome to their readers!

Gyula Szvák – Editor-in-Chief

Lectori Salutem!

Онлайн-издание *RussianStudiesHu* – это проходящая двойное слепое рецензирование (peer reviewed) научная онлайн-периодика по исторической русистике, которая кроме своего веб-сайта, находится в свободном доступе в репозитории Университета им. Лоранда Этвёша (https://edit.elte.hu), и в архиве и базе данных электронных периодических изданий Венгерской электронной библиотеки (https://epa.oszk.hu), а также в ряде крупных международных баз данных, включая Scopus. Материалы издания также публикуются Издательством в печатной форме.

Публикации принимаются на английском, русском и, в редких исключениях, на венгерском языках. К публикации в журнале принимаются научные статьи, содержащие новые, ранее не публиковавшиеся результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала.

Мы приглашаем к участию всех исследователей, работающих над любыми вопросами восточнославянской, русской и советской истории (включая венгерские и восточноевропейские аспекты) в научно-методологических рамках исторической науки или её вспомогательных дисциплин, принимающих наши правила публикации. В нашем «Гостевом разделе» мы предоставляем место и представителям «Russian Studies» в широком понимании этого термина, а раздел «Opuscula Prima» для лауреатов Всевенгерского университетского конкурса «Лучшая курсовая работа года», как и другим начинающим русистам.

Издание *RussianStudiesHu* не отдаёт предпочтение ни одному из исторических «жанров», методов или направлений, несмотря на то, что научные интересы его основателей сосредоточены прежде всего на историографии. Однако направление его устремлений наглядно демонстрируют работы из серии «Историографии российской истории (2000–2020)». Тематический отдел настоящего выпуска посвящен взаимоотношениям между Европой и Россией до 1794 г.

Интернет-ресурс russianstudies.hu, обеспечивающий web-площадку и профессиональную базу для *RussianStudiesHu*, был создан осенью 2019 г. членами Центра русистики Университета Этвёша Лоранда. Профессионально-институциональную базу обеспечивает Институт истории при Университете ELTE.

К деятельности издания *RussianStudiesHu* присоединились выдающиеся представители международной исторической русистики, таким образом, оно вышло за рамки не только конкретного университетского научного центра, но и отечественной русистики в целом, и встало на службу мировой науке. Словами одного из авторов, этот «forum is a meeting place of various historiographies», то есть посредник между западной и восточной русистикой.

RussianStudiesHu – независимый от политики журнал со строгими научными правилами. Однако ему – как и самой его дисциплине – неизбежно реагировать на брутальные изменения, начавшиеся в мире в начале 2022 года. Общество требует от нас раскрытия особенностей исторического развития России, и этот «социальный заказ» мы, как часть международной русистики, стремимся выполнять в меру наших лучших знаний и опыта.

Интернет-издание russianstudies.hu и онлайн журнал *RussianStudiesHu* приветствует своих читателей!

Дюла Свак – Главный редактор

Lectori Salutem!

A *RussianStudiesHu* 2021-től kezdődően évi két számmal megjelenő, az év folyamán állandóan bővülő nyílt hozzáférésű double blind peer review történeti ruszisztikai tudományos folyóirat, amely a saját honlapján kívül az Eötvös Loránd Tudományegyetem repozitóriumában (https://edit.elte.hu), az Elekronikus Periodika Archívum és Adatbázisban (https://epa.oszk.hu) és még számos nagy nemzetközi adatbázisban, így a Scopusban is, szabadon hozzáférhető. A folyóirat anyagait a Kiadó nyomtatott verzióban is publikálja.

Publikációkat angol, orosz vagy, ritka kivételként, magyar nyelven fogadunk, feltétel az első megjelenés. Minden szerzőt szívesen látunk, aki a keleti szláv, az oroszországi és a szovjet történelem bármely problémájának (beleértve a magyar és kelet-európai vonatkozásokat) történettudományos vagy más rokondiszciplína általi feldolgozását adja, és elfogadja a publikálási szabályainkat. „Vendég-rovatunk" teret biztosít a tág értelemben vett „Russian Studies" képviselői számára is, az Opuscula Prima rovat pedig az „Év Oroszdolgozata" országos egyetemi verseny nyerteseinek, valamint más kezdő ruszistának.

A *RussianStudiesHu* nem részesít előnyben semmilyen történetírói „műfajt", módszert vagy irányzatot. Törekvéseinek irányát mindazonáltal a 2021-ben útjára bocsájtott, több számon átívelő „Az oroszországi történelem historiográfiái (2000–2020)" című sorozat jól demonstrálja. A mostani szám tematikus része az Európa és Oroszország közötti viszonyokat vizsgálja az 1794-ig terjedő időszakban.

A *RussianStudiesHu*-nak webfelületet biztosító russianstudies.hu oldalt az Eötvös Loránd Tudományegyetem Ruszisztikai Központ utódszervezetének tagjai alapították 2019 őszén, a szakmai-intézményi bázist az ELTE Történeti Intézete biztosítja.

A *RussianStudiesHu* munkájához a nemzetközi történeti ruszisztika kiemelkedő képviselői csatlakoztak, s ezzel kilépett nem csupán egy konkrét egyetemi műhely, de a magyar ruszisztika keretei közül is, és az egyetemes tudomány szolgálatába állt. Ahogy egyik szerzője fogalmazott, ez egy „meeting place of various historiographies", egy mediátor a nyugati és keleti ruszisztika között.

A *RussianStudiesHu* szigorúan tudományos szempontokat szem előtt tartó, független, politikamentes folyóirat. A világban 2022 elején kezdődő brutális változásokra, azonban – amiképpen egész diszciplínájának – reagálnia kell. A körülöttünk lévő társadalom elvárja, hogy az orosz történelmi fejlődés sajátosságaira érvényes magyarázatokat kapjon, s ezt a „társadalmi megrendelést" mi, a nemzetközi ruszisztika részeiként, legjobb tudásunk és szakértelmünk szerint törekszünk teljesíteni.

A russianstudies.hu ruszisztikai műhelyoldal és a *RussianStudiesHu* online periodika üdvözli Olvasóit!

Szvák Gyula – főszerkesztő

Interconnections
Between Europe and Russia up to 1794

Взаимоотношения
между Европой и Россией до 1794 г.

Az Európa és Oroszország közötti viszonyok
az 1794-ig terjedő időben

A. I. FILYUSHKIN

DEBATE ON RUSSIAN SAINTS IN EUROPEAN NARRATIVES ABOUT SIXTEENTH-CENTURY MUSCOVY[1]

In the Late Middle Ages and the Early Modern Period, issues of endo- and exo-identity were closely related to religious affiliation. Description of the 'religion of Muscovites' played an important role in both Catholic and Protestant authors' works. This article examines the works of Jan Lasky, Johann Fabry, Matvey Mekhovsky, Sigismund von Herberstein, Alexander Gvagnini and Heinrich Staden as well as Ivan the Terrible's dispute with Jan Rokita. The author draws attention to the different interest in various aspects of religion shown by Catholics and Protestants. The Orthodox Church treated the Protestants worse, which is paradoxical given that Protestants (Danes, at one time Swedes) were allies of Ivan the Terrible. In 1596, the Brest Union was signed, which seemed to alleviate confrontation between the churches in Eastern Europe but in fact aggravated the conflict.

Keywords: Saints, Muscovy, Reformation, Jan Rokita, Ivan the Terrible.

Alexander I. Filyushkin – DSc in History, Professor, Head of the Department of Slavic and Balkan Studies at Saint Petersburg State University. E-mail: a.filushkin@spbu.ru ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2456-7514

1 This study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 21-48-04402): «Saints and Heroes: From Christianization to Nationalism. Symbol, Image, Memory (North-Western Russia, the Baltic States and Northern Europe)».

Citation: A. I. Filyushkin, "Debate on Russian Saints in European Narratives about Sixteenth-Century Muscovy", *RussianStudiesHu* 6, no. 1 (2024): 11–27. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2024.6.1

DOI: 10.38210/RUSTUDH.2024.6.1

In the Late Middle Ages and the Early Modern Period, the issues of endo- and exo-identity were closely related to religious affiliation. Description of the 'religion of Muscovites' played an important role in both Catholic and Protestant authors' works. Their stories were not always considered historically accurate since the primary source of information about Orthodoxy in Eastern Europe was often the religious order in the Grand Duchy of Lithuania. This was much more accessible for authors from Central Europe than the inaccessible lands of Muscovite Russia, and facts gleaned on the Orthodox Church of Kiev, Minsk, and Vilna were often extrapolated to Moscow.

European treatises have long been studied as a historical source on Russia, the tradition dating back to the famous book by V.O. Kliuchevskii.[2] The most thorough reviews are found in the works of Andreas Kappeler,[3] Stéphane Mund,[4] and Marshall T. Poe.[5] However, most works are too general in their character, doing little more than retelling the works of foreigners about Muscovy. The rest of these sources were mostly used as a resource by researchers to illustrate their conception of the oprichnina, the Livonian War, or to point out who was responsible for the death of Tsarevich Ivan Ivanovich of Russia in 1581, etc.

The origin of individual narratives and, more importantly, the genetic analysis of the ideas and information contained in the European treatises has been de-emphasized. Here researchers waver between complete denial[6] of their reliability and absolute trust. However, when considering the testimonies of Europeans about Russian history, the opposition of 'reliable' vs. 'unreliable' is totally unproductive. Even in the case of obvious errors and distortions, it is very important to answer the question why they occurred, what ideas and motives the author was guided by. The most reliable here is a concept based on texts of a different period, the Enlightenment, which was formulated by Dieter Groh[7] and

2 В. О. Ключевский, Сказания иностранцев о Московском государстве (Москва: Прометей, 1991).

3 Andreas Kappeler, *Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit: ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes* (Bern: Herbert Lann, 1972).

4 Stéphane Mund, *Orbis Russiarum: genèse et développement de la représentation du monde «russe» en Occident à la Renaissance* (Genève: Droz, 2003).

5 Marshall T. Poe, *A People Born to Slavery. Russia in Early Modern European Ethnography, 1476-1748* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2000).

6 Л. Е. Морозова, Иван Грозный глазами современников (Москва: Кучково поле, 2022).

7 Dieter Groh, *Russland und Das Selbstverständnis Europas; Ein Beitrag Zur Europäischen Geistesgeschichte* (Heidelberg: Universität Heidelberg, 1961).

confirmed by Larry Wolfe,[8] that Europeans when writing about Muscovy/Russia mostly minded their own business. They tried to describe their problems and offer solutions through a story about a foreign country by using its historical narratives as instructive illustrations. In this regard, it is interesting to study the way European researchers expressed their views on the Russian Orthodox religion and characterized it in the age of European religious wars.

The first such treatise was "On Russian Peoples and Their Wrong Beliefs" ("De rutenorum nationibus earumque erroribus") by Archbishop Jan Laski of Gniezno. It was read at the ninth session of the Fifth Lateran Council on April 5, 1514. Issues of the purity of faith were discussed at the sessions of the council held on December 8-19, 1513. They were devoted to the condemnation of every proposition contrary to the truth of the enlightened Christian faith. The Congress discussed how "Consequently, since in our days (which we endure with sorrow) the sower of cockle, the ancient enemy of the human race, has dared to scatter and multiply in the Lord's field some extremely pernicious errors, which have always been rejected by the faithful."[9]

The Catholic bishop listed the main wrongdoings of the Orthodox by pointing to the following facts: they "…deny that St. Peter is the true father and true High Priest of the Holy See, the only head of the militant Church, they claim that he has not received full authority from Christ; they consider him the successor of every Roman priest and say that he is equal to other priests. They also deny that the Roman Church is the head of all the Churches, the primary ruler and instructor… They also claim that all adherents of the Roman faith are not true Christians and will not be saved because they have fallen away from the Original Church; they admit that they alone are the only Christians, followers of Christ and the Apostles, and thus are among those to be saved. They say that the Pope, together with the Church of Rome, is a heretic of the Arian heresy…" (*hereinafter my translation – A.F.*)[10] The same applied to the cult of the saints, "They also blaspheme and condemn the Saints of the Church of

8 Larry Wolff, *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment* (Stanford University Press, 1994).

9 *Fifth Council of the Lateran*, http://www.intratext.com/IXT/ENG0067/_P9.HTM (Accessed: June 28, 2023).

10 "De Ruthenorum nationibus earumque errobus scriptum Johannis de Lasco Archiepiscopi Gnesnensis in concilio Lateranensi anno MDXIV productum", in *Historica Russiae Monumenta*, 1 (Petropoli: Typus Eduardi Pratzi, 1841), 124.

God of the Catholic Roman faith and of the Roman declaration of faith and subjection. They also shun images of the work and art of Catholics, and dishonor, however many they may be, and even burn crucifixes of the Savior and images of His Saints."

In fact, Jan Laski's real and only claim was that the Orthodox are not Catholics. Since they were different and alien, they were inherently considered heretics mired in their delusions. Since this was not enough (accusing a representative of another denomination of being different is hardly a strong argument), the archbishop made several exotic accusations depicting Orthodox priests as barbarians. For example, Jan Laski argued that a Russian priest should kiss the grave after the funeral rite. According to him, "They also say that their priests stumble when they kill a sparrow or any bird, and they do not gain back their righteousness until this bird rots completely under their arms. This is their punishment which is not so severe as when one kills a Christian."[11]

The Polish Catholic historian Maciej Miechowita, author of the treatise 'On the Two Sarmatias' (1517) paid little attention to Orthodox Christianity. He stressed the crimes of the Muscovites by making up the murder of Metropolitan Isidor in 1441. "...having achieved union with the Roman Church, he returned to Russia, but when he began to preach submission to Rome, the Muscovites deprived him of his ministry and killed him."[12] In fact, Isidor safely escaped from prison, became bishop of Nicosia in 1456-1463, and died in Rome in 1463. That said, Miechowita described the Russian church rather correctly, albeit briefly. He noted that the most revered saint was St. Nicholas, "There are many churches of different saints there (in Novgorod - *A.F.*), and there are churches of St. Nicholas, the most revered saint among the Russians, as many as there are days in a year."[13] In Miechowita's paper more attention is paid to geographical and ethnographic description than to religious differences. To him, these are obvious, yet not very important. As a Catholic, he is opposed to the Orthodox Christianity, but it does not interest him much.

Thus, Jan Laski's goal was simple and obvious. He meant to denounce schismatics as heretics. On the other hand, another treatise writer, the Catholic Johann Faber, had a more complicated goal. In 1525, in

11 De Ruthenorum nationibus, 126.

12 М. Меховский, Трактат о двух Сарматиях (Москва; Ленинград: Академия наук СССР, 1936), 98.

13 Ibid. 108.

Tubingen, Johann Faber, the coadjutor of the Viennese archbishop and personal confessor of the Austrian Archduke Ferdinand, met with Prince Ivan Zasekin-Yaroslavsky and clerk Semyon Trofimov, the ambassadors from Muscovy. Faber asked them about the church of the Muscovites. His interest was rooted in his position as a Catholic, an opponent of the Protestant heresy (Faber is known as an ardent opponent of Luther, author of the treatise 'Hammer against Lutheran Heresy', 1524).[14] Interested in various heresies, Faber hoped to gather material on the ways Christianity had developed. When analyzing the Muscovite church, he actually made invectives against Protestantism. The first edition of the treatise was published in 1526 in Basel.[15] It was entitled *The Church of the Muscovites Dwelling by the Arctic Sea* (in Latin original: *Moscouitarum iuxta mare glaciale religio*).

Faber was interested in the Russian religion as a stable faith capable of coping with heresies, unlike the Catholics who gave ground for Luther to appear: "...with more stability of soul than many of ours, they stand firm in their first faith perceived from the Apostle Andrew, his successors and the holy fathers, and absorbed by them like their mother's milk. They do not in any way allow any splits into various heresies to occur in their midst (how they are cured of heresies). If any misunderstanding should occur in the faith or in the rites of worship, they turn only to the spiritual [authority] of the archbishop and other bishops to resolve it all, leaving nothing to the fickle and inconsistent [reasoning] of the people."[16]

Faber particularly emphasizes Muscovites' respect for monasticism and canonized monks. He offers the Trinity-Sergius Lavra and St. Sergius of Radonezh as an example: "Not far from Moscow there is a monastery, famous for the miracles of St. Sergius where up to three hundred brethren live permanently in compliance with the charter of Basil the Great. There is a burial place of the hegumen Saint Sergius people come to worship even from very distant lands for it is glorified by many miracles worthy of the great wonder of Christians. One of the most remarkable which occurred a few years ago is giving sight to two blind men. For when the hegumen was still alive, people believed and were quite convinced that his saintliness allowed him through his prayers to ask for and obtain

14 О. Ф. Кудрявцев, Россия в первой половине *XVI* века: Взгляд из Европы (Москва: Информационно-издательское агентство «Русский мир», 1997), 135–140.

15 Johann Faber, *Ad Serenissimum principem Ferdinandum Archiducem Austriae, Moscovitarum iuxta mare glaciale religio* (Basileae: Io. Bebelius, 1526).

16 О. Ф. Кудрявцев, Россия в первой половине, 181.

much from God for mere mortals. Therefore, with unusual piety they visit his tomb in his honor."[17]

Faber particularly emphasizes the role of the cult of saints in the Orthodox church in contrast to the denial of the role of saints for Protestants. He enthusiastically describes the Russian ambassador's mobile shrine, which he saw in Tübingen, "Once, when I entered the chamber of the Blessed Franciscan brothers with the bedchamber of the head of the embassy, I saw the most beautiful image of the Blessed Virgin similar to that once made by St. Luke and, as the ambassadors said, kept in Moscow. There was also an image of the Incarnation of Our Lord, an image of Simeon holding Him carefully in his hands, an image of the Flight into Egypt; images of the Passion, the Resurrection, and the victorious ascension of the Lord into Heaven. There was another image with wonderfully depicted sorrows and joys of the Blessed Virgin Mary. Finally, there was an image of the apostles and their names."[18] It is surprising that Faber, a Catholic, considered Muscovites more worthy Christians than the German Protestants, "When we heard about this (piety of the Muscovites - *A.F.*) we were so shocked and seized with joy that we seemed devoid of mind because in matters relating to the Christian Church our Christians bear no comparison with them."[19] Faber's description of the Muscovite church is not devoid of mistakes. For example, he thought that the Orthodox Church believed in purgatory. Apparently, this belief was rooted in a desire to portray a better picture of the Muscovites, to set the 'right' Russians against the 'wrong' German Protestants.

Since Herberstein's goal was to expose the tyranny of Muscovite rulers and the vicious and deceitful nature of their power, he made his account of the Russian Church a listing of their unrighteous deeds and transgressions. According to him, Russian tyranny was manifested through the fact that they considered the words of their ruler equal to those of the prophets, "They consider all the sovereign himself believes to be right and immutable for all."[20] Russians are liars as they believe that Christianity in the Russian land should be associated with Apostle Andrew who "...came from Greece to the mouth of the Borysfen, sailed up

17 Ibid. 184.
18 Ibid. 195-196.
19 Ibid. 194.
20 С. Герберштейн, Записки о Московии, 1 (Москва: Памятники исторической мысли, 2008), 213.

the river to the mountains, where Kiev is now, and there he blessed and baptized the whole land. He erected his cross and predicted that in that place there would be great grace of God and many Christian temples."[21] The Russian despot, he wrote, humiliated and persecuted the righteous clergy in every possible way. Maximus the Greek, who denounced to the tsar the 'wrongness' of the Orthodox sacred books compared to Greek primary sources, was drowned. In fact, this never happened.[22] Only liars and hypocrites survived at the court of the Moscow sovereign. For example, Metropolitan Daniel who was obese, but treated his face with smoke in order to appear pale and exhausted by prayer and fasting.[23]

Russian clergymen, he reported, are totally dependent on the secular authorities and accept any arbitrariness and reprisals, up to and including corporal punishment, "We have seen the way drunken priests were publicly scourged in Moscow; at the same time the only thing they complained about was that they were punished by slaves, and not by boyars."[24] In his description of the rites of the Orthodox Church, Herberstein emphasizes the condemnation of the Latins and the difference between the Orthodoxy and Catholicism on the example of the denial of purgatory. Herberstein pays attention to schisms between the churches, pointing to their common roots: "In their hagiographies a few popes are honored among the saints; others, who lived after the famous schism, are cursed because they have departed from the rules of the Apostles, the Holy Fathers and the Seven Councils and call them heretics and schismatics, hating them more than even the Mohammedans."[25]

In Herberstein's paper, a separate section is devoted to Russian saints. He notes that Olga, the first Russian Christian, was the first Russian saint canonized by Holy Prince Vladimir,[26] and that she was also canonized and venerated along with the apostles.[27] Boris and Gleb are also mentioned as saints.[28] The story of Basil II mentions the 'monastery of St. Sergius' considered him one of the most revered saints.[29] Herberstein calls

21 Ibid. 147
22 Ibid. 213.
23 Ibid. 151.
24 Ibid. 155.
25 Ibid. 161.
26 Ibid. 49.
27 Ibid. 60.
28 Ibid. 61.
29 Ibid. 217.

St. Nicholas of Myra the most venerated saint both among Russians and Mohammedan Tatars.[30]

In the second half of the 16th century, in addition to the Catholic view of Russian religion and saints, European writings also give the Protestant view. In 1570, the Czech preacher Jan Rokita arrived in Moscow as part of Jan Krotovsky's Polish diplomatic mission. As Andrei Ivanov noted, Rokita did not do this spontaneously, but on behalf of the Calvinist-Czech synod in Bykhov which entrusted him to spread Protestantism in Muscovy.[31] According to Rokita, his goal was as follows, "...there is no doubt that the kingdom of Christ will spread everywhere in the world. Up to now, the North has been plunged into the deepest darkness, but if it should please the Lord to kindle there a light and spread the Kingdom of Christ, I would willingly devote my whole life to it."[32] Jan Rokita allegedly succeeded in attending a meeting with the Russian tsar, Ivan the Terrible, and told him about the foundations of the Protestantism.

How did the dispute go? Historians uncritically accept the view that there was a public dispute, and this is based on an account of the publication of the Confession of Faith, in fact on a script of Rokita's speech by Jan Lasicki in 1582 and an account by the German pastor Paul Oderborn published in 1585. According to these sources, the tsar listened to Rokita's lengthy speeches, asked for them to be written down, and then handed over his answer in written form. The discussion was public, and Rokita won this intellectual confrontation.

As N. Marchalis rightly notes, "...we are dealing with various Protestant sources repeating the same thing, and no information from Russian sources. The situation suggests that the whole story is a myth created by historiographers being far from impartial."[33] The only fact that can be reliably stated is that Jan Rokita and Ivan the Terrible really did meet. Marchalis believes they met on not only one occasion, but at least two, and that there was a certain exchange of texts.

30 Ibid. 209.

31 Andrei V. Ivanov, "Reformation and the Muscovite Czar: Anti-Protestant Polemic in the Writings of Ivan the Terrible", *The Sixteenth Century Journal*, vol. 40, no. 4 (2009): 1114. See also: Jaroslav Bidlo, "Br. Jan Rokyta u cara Ivana Hrozného", Český časopis historický, no. 9 (1903): 1-32.

32 Cit. ex Д. Цветаев, Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований (Москва: Университетская типография, 1890), 546.

33 Н. Марчалис, Люторъ иже лютъ. Прение о вере царя Ивана Грозного с пастором Рокитой (Москва: Языки славянской культуры, 2009), 32–33.

The nature of the sources suggests Oderborn's view of the situation was inconsistent with the realities of the Rzeczpospolita's ambassadorial mission. Jan Rokita's *Confession of Faith* was originally published in 1582 by Jan Lasicki.[34] It includes 10 questions from Ivan IV and 10 short answers by Rokita. The tsar's questions are based on Rokita's answers, i.e. there is a written dialogue between them. P. L. Ruschinsky and D. Tsvetaev have suggested that the text was constructed by Lasicki on the basis of fuller transcripts of Rokita's speeches. Tsvetaev considers Oderborn's speech the more reliable.[35] Marchalis argues that the transcript had been made earlier, at least in 1572.[36] There is also a Polish edition of Jan Rokita's *Confession of Faith*, "Odpowiedz na pythanie Wielkiego Hospodara Moskowskiego na pismie podana" published in 1971 by V. Tumins.[37] Y. Bidło and V. Tumins consider this manuscript to have been penned by Rokita himself, whereas Marchalis doubts this and thinks that it is a copy made from Rokita's original text.

One way or another, there must have been a protograph, a text given to the tsar as *A Confession of Faith* by Jan Rokita. How did the communication go? Was it a kind of public dispute? . Marchalis's view of the situation is perhaps the most reasonable of all: "Unfortunately, we will never know how the text given to Ivan Vasilievich by Rokita and the 'speech' taken from it and published by Oderborn were related. Yet there is no doubt that the text the pastor gave to the tsar must have included all the passages quoted by Ivan the Terrible which were missing in Oderborn's story. Consequently, it must have included much of the textual material from Rokita's *Odpowiedz* as we know it now. Later, Rokita 'recreated' the dispute in the way he would have liked it to be in reality and included ten questions that had never been passed to him in writing. He also divided the narrative into ten parts and added introductory formulas for his answers."[38] The revised and edited version was published by Lasicki in 1582.

34 J. Lasicki, "Colloquium de religione Magni Ducis Moschorum cum Rohita ministro Ecclesiastratrum Bohemorum, quos mali Picardos vocant", in *De Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione, sacrificiis, nuptiarum funerum ritu: e diversis scriptoribus, quorum nomina versa pagina indicat* (Spirae Nemetum: ex officina typographica Bernardi Albini), 1-10.

35 П. Л. Рущинский, Религиозный быт русских по сведениям иностранных писателей *XVI и XVII* веков (Москва: Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1871), 332–333; Д. Цветаев, Op. cit., 551.

36 Н. Марчалис, Op. cit., 46–48.

37 V. Tumins, *Tsar Ivan IV's Reply to Jan Rokita* (Paris: Mouton, 1971).

38 Н. Марчалис, Op. cit., 49–50.

A Confession of Faith had an enclosure in the form of Ivan the Terrible's reply in five Slavonic manuscripts and two translations.[39] As early as 1582, Lasicki published the tsar's polemical speech with polemical comments translated into Latin.[40] The researchers paid much closer attention to the tsar's reply than the texts of Rokita himself. On the basis of this, Ivan the Terrible's religious views, the peculiarities of his literary manner, etc. were reconstructed. Apparently, the tsar replied to Rokita not orally, but in writing.

Oderborn, on the other hand, depicts a completely different version of the discussion. First, Ivan the Terrible allegedly makes a long speech criticizing Lutheranism. Then Oderborn puts in lengthy speeches by Rokita, that is, *A Confession of Faith* itself, but not in the form of ten questions and answers, but as a continuous text manifesting and glorifying Protestantism. The tsar's answer is never mentioned. According to Oderborn, "Rokita eagerly explained everything and triumphantly defended the truth." Tsar Ivan "...showed how pleasant this man's speech seemed to him demonstrating signs of unusual mercy, and even ordered everything they discussed during their lengthy dispute to be written down... Rokita was incredibly pleased, for he had succeeded in besetting a Muscovite, a sovereign [who had] enormous power, by persuading him with the most solid arguments of the Holy Scriptures, so that he rejected his former religious conceptions and was forced to remain silent."[41] (1. 105–106).

The pastor refers to the fact that he had received the script, or rather an outline of this speech, from Nikolai Talvash, who was present at the debate and wrote it down. However, Oderborn's whole scheme contradicts what we know of this debate from extant manuscripts and publications. Until Talvash's manuscript is found, the most reasonable point of view is that the debate took place in written form and proceeded according to the scenario described by N. Marchalis. Rokita handed the tsar some text along with diplomatic papers from J. Krotovsky's mission. Sometime later, he received a manuscript with a response from the tsar which he took to Europe. There it was widely discussed as a primary source on Muscovy religious views. Apparently, Rokita himself revised the original of *A Confession of Faith,* breaking it into 10 questions and answers taking

39 See review in Н. Марчалис, Op. cit., 51; see also bibliography and review of publications.

40 J. Lasicki, Op. cit., 11-169.

41 Paul Oderborn, *Ioannis Basilidis magni Moscoviae ducis vita* (Witebergae: Excudebant haeredes Ioannis Cratonis, 1585), Liber I, H3 v.

into account the tsar's statements, and this very version was published by Lasicki in 1582. Oderborn constructed Rokita's speeches based on Lasicki's edition and, perhaps – we cannot rule this out for sure – some notes by Talvash. Since it was important for him not to show the polemic, but to declare the principles of Protestantism and demonstrate its triumph, Oderborn completely omitted the tsar's answer. In fact, Rokita did not – and could not – convince the tsar. Andrei Ivanov emphasized that Ivan the Terrible simply declared the Czech preacher a deceiver ('a manipulator'), something obvious in the tsar's answer.[42]

One of the issues the Protestants paid particular attention to in their polemics with the Orthodox was the problem of saint veneration. According to Paul Oderborn, Jan Rokita explains why the problem of saint worship was so important to the Reformation: "Since, as the Lord says in the Book of Isaiah, "He has not given His glory to another god" (Isaiah 48:11), we do not therefore pray to saints accepted into Heaven and enjoying the sweetest contemplation of the great Father himself, nor do we call on them when in distress. For we know well that there is no explicit evidence of such a thing in the Scriptures. Thus, there is no covenant or promise from God by which we can honestly defend this superstition of calling upon and worshipping the saints which is very common. For the saints know not of our vows, and the Lord will not give them his glory. Is there anyone among the saints who could do such things?"[43]

This idea gave rise to rejecting the images of saints, both iconic and sculptural. Hence the riots and attacks on churches, both Catholic and Orthodox, by Protestants, "For idolatry, that is, veneration of statues, is a most terrible crime which was long ago condemned by the authority of the Council of Africa, where it was decided that there should be nothing in churches and nothing read in churches except the Canonical Scriptures…[44] Is it not strange for a Christian to be so stupid that he could not contemplate God except through an image, if it is at all possible to draw an image of God? A false image deceives… Through you the knowledge of work of God has been taken away from simple souls and from people who, being abundant with love, anxiously long to see God.

42 Andrei Ivanov, Op.cit., 1116.

43 Oderborn, Liber I, G5 v.

44 The African ecclesiastical councils were meetings of bishops at Carthage in 251–525. In this case, Oderborn cites the 33rd Rule of the Council of Carthage in 419 which reads, "It is decreed also that nothing be read in the church under the name of the Holy Scriptures except the canonical Scriptures."

Your idols have ears but cannot hear, they have hands but cannot feel. They undermine faith and piety, they make souls blind and bring empty hopes and worries, clouding the clarity of mind so that one cannot see which way leads to immortality and the most pleasant contemplation of the heavenly deity."[45]

Obviously, such propaganda by Jan Rokita could hardly touch Ivan the Terrible's heart. After the Russian Orthodox Church gained autocephaly in 1448, the cults of Orthodox saints became a fundamentally important component of religious life. The more saints the Russian kingdom had, the more confident it felt globally. This was necessary for the world's only sovereign Orthodox state as the Byzantium empire collapsed in 1453, Serbia and Bulgaria were conquered by Turks in the late 14th and early 15th centuries, respectively, and the Georgian kingdoms of Kartli, Kakheti, Imereti and the principality of Samtskhe were too weak and dependent to have historical influence in Europe.[46] Not for nothing were the Orthodox councils (congresses of clergy) held in places where many local cults became nationally recognized during the reign of Ivan the Terrible in 1547 and 1549. In other words, the number of saints officially canonized by the entire nation increased dramatically.

It was issues of church practice, including veneration of saints, icons, and statues that proved to be the main stumbling block to attempts to spread Protestantism in Russia in the 16th century. In fact, Russian diplomacy was more successful politically in cooperating with Protestant countries. Denmark was the first and only European country that recognized Ivan the Terrible's conquests in Livonia in 1562. In 1560–1568 an alliance between Ivan IV and the Swedish King Erik XIV was planned; Prince Magnus of Denmark was crowned King of Livonia in 1569–1578 at the will of Ivan the Terrible. Magnus' army fought in Livonia together with the Russian army.

But at the same time, it was the Protestants and the 'Lutheran heresy' that Ivan the Terrible declared Russia's primary enemy. In 1563, the main motivation for the campaign against Polotsk, a city in the Grand Duchy of Lithuania with a mixed Orthodox-Catholic population, was the spread of 'Lutheran heresy' there. The Russian army went to liberate the city

45 Oderborn, Liber I, H and next.

46 The Orthodox faith had a great influence on the specify of nation-building in Eastern Europe, see: М. В. Дмитриев, «Confessio vs natio. Византийская богословская традиция как препона в формировании дискурсов этнонациональной идентичности средневековой Руси», *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, no. 1 (2022): 83–104.

from heretics and establish the triumph of Orthodoxy.[47] Perhaps such an acute reaction to the Reformation was caused by the fact that the 'Latins' (Catholics) were traditional, age-old and habitual opponents, while Lutheranism was perceived as a dangerous new heresy.

European Protestants, however, could not miss their chance to retaliate. While the Catholic Church considered a union on the model of the Florence Union of 1439 a solution to the problem of Orthodoxy, Protestants proposed much more radical scenarios. One example is Heinrich Staden from Germany who came up with the idea of some kind of an execution to denounce Orthodox saints. According to him, Ivan the Terrible and his son, Tsarevich Ivan, had to be captured in Moscow, then taken to the Alps, to the sources of the Rhine and the Elbe. Russian captives had to be brought there as well and killed in front of the tsar, then put on logs, tied by the ankles, 30-50 per log, and allowed to float down the rivers. The tsar would wail and pray, yet his pleading would not help. According to Staden, through this punishment, firstly, Ivan would be convinced that tyranny is bad ("then they should put the killed tied to logs into the water and let them float so that the Grand Prince could see that no one should rely on their own power"). Secondly, this action would symbolize the triumph of Protestantism over Orthodoxy ("…his prayer and worship is a sin, for the Grand Prince cries out to God through Nicholas and other deceased saints"). Having seen the shaming of Ivan's fruitless prayer to his saints, the Protestants, according to Staden, would be convinced of the rightness of their church, while the Orthodox would feel disappointed.[48]

By the last quarter of the 16th century the differences between Catholic and Protestant views of the Muscovite church had largely converged. In Polish King Stephen Báthory's campaigns against Russia (1579, 1580, 1581) Catholics and Protestants fought together. Báthory had an international army comprised of Poles, Lithuanians, Russians, and Germans from various lands of the Holy Roman Empire, Livonian and Courland contingents, mercenaries from Hungary, France, England, Scotland, and Italy, etc. In the north of Estland, Swedes fought against Russians. They were all interested in the characteristics of their enemy, the Muscovites, and the first among them was the church. In 1582, the German pastor Paul Oderborn published

47 Sergei Bogatyrev, "Battle for the Divine Sophia? Ivan IV's Campaigns against Polotsk and Novgorod", *The Military and Society in Russia, 1450-1917* (Leiden: Brill, 2002), 325-363.

48 Г. Штаден, Записки о Московии, 1 (Москва: Древлехранилище, 2008), 317–319.

a book describing the Orthodox Church of the Grand Duchy of Lithuania and the Tatars.[49] Oderborn's work was reprinted[50] several times and included in collections of essays on Muscovy combined with the works of other authors: David Chitray,[51] Alexander Gwagnini,[52] and Jan Lasicki.[53] Oderborn's treatise on the religion of the Ruthenians began to be included in the 'country studies' compilations on the lands of the future Eastern Europe. People read them in various countries, and they shaped the views of the Orthodox as schismatics 'fundamentally alien' to Europeans.

After the mission of the papal legate Antonio Possevino failed in 1581-1582, the Orthodox clergy of the Polish-Lithuanian Commonwealth headed by Michael Ragosa, Gedeon Baloban and Cyril Terletsky took up the idea of a union between the Orthodox and the Catholics. The priests of the former Grand Duchy of Lithuania and the Vatican had opposing views on the essence of this union. In 1596, the Brest Union was signed which seemed to alleviate confrontation between the churches in Eastern Europe but in fact aggravated the conflict. According to historian Mikhail Dmitriev, it even caused the religious wars in Eastern Europe in the early 17th century.[54] However, this is an issue to be studied separately.

---

49 Paul Oderborn, *De Rvssorvm religione, ritibvs nvptiarvm, fvnerum, victu, vestitu, &c.: et de Tartarorvm religione ac moribus* (Rostock: Excudebat Stephanus Myliander, 1582). For an incomplete review of editions see Н. А. Лукьяненко, «Издание сочинений Пауля Одерборна», Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки, no. 2 (2007): 153–155.

50 Paul Oderborn, *De Russorum religione, ritibus nuptiarum, funerum, victu, vestitu etc. et de Tartarorum religione ac moribus vera et luculenta narratio* (Lipsiae: Georgius Defnerus imprimebat, 1586).

51 Dauidis Chytraei, *Oratio de statv ecclesiarum hoc tempore in Graecia, Asia, Boemia, &c. Epistolae Constantinopolitanae & aliae circiter XXX. Qvibvs in hac editione aliquot epistolae Graecae ac Latinae, Confessio fidei a Gennadio Patr. Mahometi II. Imp. Turc. exhibita, De Russorum & Tartarorum religione ac moribus [auctore Paulo Oderbornio], & veterum Borussorum sacrificijs [auctore Io. Meletio], & alia accesserunt. Adiuncta item Epistola Constantinopolitanae Ecclesiae ad Boemos* (Francofurti: Haeredes Andreae Wecheli, 1583).

52 Alessandro Guagnini, *Rerum Polonicarum Tomi tres Quorum Primus Omnium Poloniae Regum, A Lecho Primo Gentis Duce, Ad Stephanum Bathoreum* (Francofvrti: Excudebat Ioann. Wechelus: impensis Sigis. Feyerabendij, 1584).

53 *De russorum religione, ritibus nuptiarum, funerum, &c., et de tartarorum religione ac moribus* (Lipsiae, ex officina Abrahami Lambergi, 1589).

54 М. Д. Дмитриев, «Религиозные войны в Речи Посполитой? К вопросу о последствиях Брестской унии 1596 года», *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, no. 1 (2008): 3–22.

References

Jaroslav Bidlo, "Br. Jan Rokyta u cara Ivana Hrozného," *Cesky Casopis Historicky*, no. 9 (1903): 1–32.
Sergei Bogatyrev, "Battle for the Divine Sophia? Ivan IV's Campaigns against Polotsk and Novgorod", in *The Military and Society in Russia, 1450–1917* (Leiden: Brill, 2002), 325-363. https://doi.org/10.1163/9789047401070_020
Dauidis Chytraei, *Oratio de statv ecclesiarum hoc tempore in Graecia, Asia, Boemia, &c. Epistolae Constantinopolitanae & aliae circiter XXX. Qvibvs in hac editione aliquot epistolae Graecae ac Latinae, Confessio fidei a Gennadio Patr. Mahometi II. Imp. Turc. exhibita, De Russorum & Tartarorum religione ac moribus [auctore Paulo Oderbornio], & veterum Borussorum sacrificijs [auctore Io. Meletio], & alia accesserunt. Adiuncta item Epistola Constantinopolitanae Ecclesiae ad Boemos* [Speech on the State of Churches at This Time in Greece, Asia, Bohemia, etc. Constantinopolitan Letters and About Thirty Others, To Which in This Edition Have Been Added Several Greek and Latin letters, a Confession of Faith Exhibited by Gennadius, Patriarch of Constantinople, to Mohammed II, Emperor of the Turks, On the Religion and Customs of the Russians and Tatars [by Paulus Oderbornius], and on the Ancient Sacrifices of the Prussians [by Johann Meletius], and Other Matters. Also Appended is a Letter from the Constantinopolitan Church to the Bohemians] (Francofurti: Haeredes Andreae Wecheli, 1583).
"De Ruthenorum nationibus earumque errobus scriptum Johannis de Lasco Archiepiscopi Gnesnensis in concilio Lateranensi anno MDXIV productum" [Concerning the Ruthenian Nations and Their Errors, a Writing Presented by John Laski, Archbishop of Gniezno, at the Lateran Council in the Year 1514], in *Historica Russiae Monumenta*, 1 (Petropoli: Typus Eduardi Pratzi, 1841), 124.
M. V. Dmitriev, «Confessio vs natio. Vizantiiskaia bogoslovskaia traditsiia kak prepona v formirovanii diskursov etnonatsional'noi identichnosti srednevekovoi Rusi» [Confessio vs Natio: Byzantine Theological Tradition as an Obstacle in the Formation of Discourses on Ethnonational Identity in Medieval Rus], *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, no. 1 (2022): 83–104. https://doi.org/10.21638/spbu19.2022.105
M. D. Dmitriev, «Religioznye voiny v Rechi Pospolitoi? K voprosu o posledstviiakh Brestskoi unii 1596 goda», [Religious Wars in the Polish-Lithuanian Commonwealth? On the Question of the Consequences of the Union of Brest in 1596], *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana,* no. 1 (2008): 3–22.
Johann FabER, *Ad Serenissimum principem Ferdinandum Archiducem Austriae, Moscovitarum iuxta mare glaciale religio* [To the Most Serene Prince Ferdinand, Archduke of Austria, Regarding the Religion of the Muscovites Near the Arctic Sea] (Basileae: Io. Bebelius, 1526).
Fifth Council of the Lateran, http://www.intratext.com/IXT/ENG0067/_P9.HTM (Accessed: June 28, 2023).
Sigismund von Herberstein, *Zapiski o Moskovii* [Notes upon Russia] (Moskva: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2008), 213.
Dieter Groh, *Russland und Das Selbstverständnis Europas; Ein Beitrag Zur Europäischen Geistesgeschichte* [Russia and the Self-Understanding of Europe: A Contribution to European Intellectual History] (Heidelberg: Universität Heidelberg, 1961).

Alessandro Guagnini, *Rerum Polonicarum Tomi tres Quorum Primus Omnium Poloniae Regum, A Lecho Primo Gentis Duce, Ad Stephanum Bathoreum* [Three Volumes of Polish Affairs, of Which the First Concerns All the Kings of Poland, from Lech, the First Leader of the Nation, to Stephen Báthory] (Francofvrti: Excudebat Ioann. Wechelus: impensis Sigis. Feyerabendij, 1584).
Andrei. V. Ivanov, "Reformation and the Muscovite Czar: Anti-Protestant Polemic in the Writings of Ivan the Terrible", *The Sixteenth Century Journal*, vol. 40, no. 4 (2009): 1114. https://doi.org/10.1086/SCJ40541188
Andreas Kappeler, *Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit: ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes* [Ivan the Terrible as Reflected in Foreign Printed Materials of His Time: A Contribution to the History of the Western Image of Russia] (Bern: Herbert Lann, 1972).
V. O. Kliuchevskii, *Skazaniia inostrantsev o Moskovskom gosudarstve* [Foreign Accounts of the Moscow State] (Moskva: Prometei, 1991).
O. F. Kudriavtsev, *Rossiia v pervoi polovine XVI veka: Vzgliad iz Evropy* [Russia in the First Half of the 16th Century: A View from Europe] (Moskva: Informatsionno-izdatel'skoe agenstvo «Russkii mir», 1997), 135–140.
Jan Lasicki, "Colloquium de religione Magni Ducis Moschorum cum Rohita ministro Ecclesiastratrum Bohemorum, quos mali Picardos vocant" [Colloquium on the Religion of the Grand Duke of the Muscovites with Rohita, Minister of the Bohemian Churches, Whom the Wicked Call Picards], in *De Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione, sacrificiis, nuptiarum funerum ritu: e diversis scriptoribus, quorum nomina versa pagina indicat* (Spirae Nemetum: ex officina typographica Bernardi Albini), 1–10.
N. A. Luk'ianenko, «Izdanie sochinenii Paulia Oderborna» [Publication of the Works of Paul Oderborn], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seria: Istoriia i politicheskie nauki*, no. 2 (2007): 153–155.
Nikoletta Marchalis, *Liutor» izhe liut». Prenie o vere tsaria Ivana Groznogo s pastorom Rokitoi* [Luther, "the Fierce": A Dispute on the Faith of Tsar Ivan the Terrible with Pastor Rokita] (Moskva: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2009), 32–33.
Maciej Miechowita, *Traktat o dvukh Sarmatiiakh* [A Treatise on the Two Sarmatias] (Moskva, Leningrad: Akademiia nauk SSSR, 1936), 98.
L. E. Morozova, *Ivan Groznyi glazami sovremennikov* [In the Eyes of Contemporaries: Ivan the Terrible] (Moskva: Kuchkovo pole, 2022).
Stéphane Mund, *Orbis Russiarum: genèse et développement de la représentation du monde «russe» en Occident à la Renaissance* [Orbis Russiarum: The Genesis and Development of the Representation of the "Russian" World in the West during the Renaissance] (Genève: Droz, 2003).
Paul Oderborn, *De Russorum religione, ritibus nuptiarum, funerum, victu, vestitu etc. et de Tartarorum religione ac moribus vera et luculenta narratio* [Concerning the Religion, Customs of Marriages, Funerals, Food, Clothing, etc., of the Russians: And Concerning the Religion and Manners of the Tatars] (Lipsiae: Georgius Defnerus imprimebat, 1586).
Paul Oderborn, *Ioannis Basilidis magni Moscoviae ducis vita* [The Life of Ivan Vasilievich, Grand Duke of Moscow] (Witebergae: Excudebant haeredes Ioannis Cratonis, 1585).
Marshall Poe, *A People Born to Slavery. Russia in Early Modern European Ethnography, 1476-1748* (Ithaca, NY : Cornell University Press, 2000).

P. L. Rushchinskii, *Religioznyi byt russkikh po svedeniiam inostrannykh pisatelei XVI i XVII vekov* [The Religious Life of Russians According to Foreign Writers of the 16th and 17th Centuries] (Moskva: Obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete, 1871), 332–333.
Heinrich Staden, *Zapiski o Moskovii*, 1 [Notes upon Moscow] (Moskva: Drevlekhranilishe, 2008), 317–319.
D. B. Tsvetaev, *Protestantstvo i protestanty v Rossii do epokhi preobrazovanii* [Protestantism and Protestants in Russia Before the Era of Reforms] (Moskva: Universitetskaia tipografiia, 1890), 546.
Valerie. A. Tumins, *Tsar Ivan IV's Reply to Jan Rokita* (Paris: Mouton, 1971).
Larry Wolff, *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment* (Stanford University Press, 1994).

PAWEŁ ŻMUDZKI

DID PRINCE LEV WISH TO BECOME DUKE OF KRAKÓW IN 1280?[1]

Two independent sources report that Prince Lev intended to gain power in Kraków by force in 1280. The first is the Ruthenian *Galician-Volhynian Chronicle*, the second is the Latin text which is the common basis of the *Dzierzwa Chronicle* and the *Annals of Traska*. Researchers have wrongly considered this detail to be reliable. In both sources, Prince Lev is portrayed in a bad light and the plan to illegally seize power in Kraków is taken as one piece of evidence for Lev's wickedness. It seems much more likely, therefore, that the authors of these sources had malicious intent, and Lev's aspiration to control Krakow was falsely attributed.

Keywords: Prince Lev, Leszek the Black, Kraków, princely power

Paweł Żmudzki – Dr (PhD) hab. professor at the University of Warsaw, Faculty of History. E-mail: p.zmudzki@uw.edu.pl. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1012-6104

1 *Citation*: Paweł Żmudzki, "Did Prince Lev Wish to Become Duke of Kraków in 1280?", *RussianStudiesHu* 6, no. 1 (2024): 29–46. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2024.6.2

DOI: 10.38210/RUSTUDH.2024.6.2

The oldest Polish narrative (in Latin) of Lev's (the Prince of Halych's) invasion of Lesser Poland at the beginning of 1280 is preserved in two historiographical works: the *Dzierzwa Chronicle*,[2] written sometime before 1320, and the *Annals of Traska*,[3] written around 1340. Historians noticed long ago that both works contain entries praising the exploits of Leszek the Black, Prince of Kraków, Sandomierz, and Sieradz, which were probably written at his court.[4] Wojciech Drelicharz even coined a title, *Gesta Lestkonis,* for this collection of short tales.[5] As Wojciech Michalski has recently shown, it is quite certain that the *Annals of Traska* contain fuller and earlier versions of these entries lauding Leszek.[6]

The tale of the war against Lev is the only entry for 1280 in the *Annals of Traska*: 'In the first year after the election of Duke Leszek, came Lev, prince of Rus', with a great army of Tatars and Lithuanians and Rus', wishing to obtain the dukedoms of Kraków and Sandomierz. They were met by the inhabitants of Kraków and Sandomierz on the eve of the Feast of St Matthew the Apostle, a Friday, near Goźlice, namely the Voivodes Piotr, son of Albert, of Kraków, and Janusz, of Sandomierz, and Warsz, Castellan of Kraków, along with 600 men who were at hand, and they defeated an astounding number of Tatars, Lithuanians and Rus', since the Lord of Heaven granted them victory. He himself [Lev – P.Ż.] fled the next day, greatly ashamed. After fifteen days, Duke Leszek rode in pursuit, having with him thirty thousand cavalry and two thousand infantry, and miraculously plundered Lev's land, and destroyed the Rus' strongholds. And he returned home in peace and with glory, under the pontificate of Pope Nicholas, highest priest of the Church of Rome and Paweł, Bishop of Kraków.'[7]

---

2 Krzysztof Pawłowski (ed.), *Kronika Dzierzwy* (Kraków: Polska Akademia Umiejętności, Monumenta Poloniae Historica series nova, vol. 15, 2013), 83.

3 August Bielowski (ed.), *Rocznik Traski* (Lwów: Monumenta Poloniae Historica, vol. 2, 1872), 847.

4 Brygida Kürbis, *Dziejopisarstwo wielkopolskie XIII i XIV wieku* (Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1959), 263–265; Jacek Banaszkiewicz, *Kronika Dzierzwy XIV-wieczne kompendium historii ojczystej* (Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk: Ossolineum, 1979), 108.

5 Wojciech Drelicharz, *Annalistyka małopolska XIII-XV wieku. Kierunki rozwoju wielkich roczników kompilowanych* (Kraków: Polska Akademia Umiejętności Rozprawy Wydziału Historyczno-Filozoficznego vol. 99, 2003), 381-383, 454.

6 Wojciech Michalski, "Two Medieval Traditions of Lublin and Their Influence on the Local Community's Sense of Identity (13th? – the Beginning of the 17th Century)," *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska*. Sectio F, 72 (2017): 162; Wojciech Michalski, "Legenda fundacyjna dawnej lubelskiej fary św. Michała Archanioła," *Bibliotekarz Lubelski* 58–59 (2015–2016): 80.

7 August Bielowski (ed.), *Rocznik Traski*, 847.

According to the author of this entry, the Rus' prince wanted to obtain the dukedoms of Kraków and Sandomierz. Placing this information within the same sentence mentioning Leszek's election clearly suggests the lawless and usurpatory nature of the Halician ruler's actions. Traska certainly wished to discredit the invader and emphasise the legitimacy of the defensive and retaliatory actions taken by the legally elected duke. The remark concerning the size of Lev's great army, mostly composed of Tatars and Lithuanians, also serves to demean him. The Rus' appear only as the final entry in this list. This specific order is hardly due to chance. It is repeated again as part of the sentence noting the outcome of the battle of Goźlice. Seen from the perspective of Lesser Poland, this usurper was in fact using the fiercest pagan enemies of Christianity at the time. The participation of Lithuanian troops in the expedition would seem to have been the result of artistic licence on the part of the historian as he praised Leszek. These supposed Lithuanians are mentioned neither by the contemporary Rus' source (which I shall address in more detail shortly, but in light of its narrative, any cooperation between the Lithuanians and the Tatars at the beginning of 1280 would be difficult to imagine), nor by any of the more laconic mentions of the battle of Goźlice in other chronicles.[8] On the same basis, Jan Długosz enlarged the composition of the prince's army to include other local pagans, by adding the Yotvingians[9] to the list. All this allows us to suppose that the author of the entry in the *Annals of Traska*, by mentioning Lev's desire to seize power in Lesser Poland, was less intent on recording his actual intentions in mounting the invasion, and more on vilifying him in a rather typical manner.

8 This was noticed by Drelicharz, *Annalistyka małopolska*, 385. However, many historians have considered the participation of Lithuanians in this invasion as probable, or even certain: Stefan Krakowski, "Obrona pogranicza wschodniego Małopolski za Leszka Czarnego," *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Łódzkiego*, Seria 1, Nauki Humanistyczno Społeczne, Historia 15 (1960): 100; Zdzisław Szambelan, "Najazdy ruskie na ziemię sandomierską w XIII wieku," *Acta Universitatis Lodziensis*, Folia Historica 36 (1989): 23; Agnieszka Teterycz-Puzio, "Przyczyny i cele najazdów litewskich na ziemię sandomierską w XIII w.," *Rocznik Lubelski* 35 (2009): 17; Agnieszka Teterycz-Puzio, *Bolesław II mazowiecki. Na szlakach ku jedności (ok. 1253/58 – 24 IV 1313)* (Kraków: Avalon, 2015), 54; Łukasz Jaros, "Działalność militarna księcia krakowskiego, sandomierskiego i sieradzkiego Leszka Czarnego w latach 1279–1288," *Rocznik Oddziału Polskiego Towarzystwa Historycznego w Skarżysku-Kamiennej: Z dziejów regionu i miasta* 5 (2014): 19; Grzegorz Błaszczyk, *Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności*, vol. 1 (Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM 1998), 48.

9 Zofia Budkowa et al. (eds.), *Ioannis Dlugosii Annales seu Cronicae Incliti Regni Poloniae*, lib. 7–8, (Varsaviae: Państwowe Wydawnictwo Naukowe 1975), lib. 7, Year 1280, 211.

The author of the *Galician–Volhynian Chronicle*, in a tale most probably written at the same time the *Gesta Lestkonis* were recorded, in other words contemporaneously, also ascribed this desire to seize Kraków's throne to the Galician ruler. Originally, the Rus' source contained nearly no mention of what year events took place.[10] Yet the historical circumstances surrounding this narration (the death of Bolesław the Chaste and the election of Leszek the Black) allow us to be certain that the chronicler meant to describe the same events as those recorded in the *Annals of Traska*. The creators of the Hypatian Codex in the fifteenth century (who provided the chronicle with an absolute chronology from the creation of the world) were already sure of this and correctly dated the tale to the year 6788.[11] We do not know in what specific format the dates in the Hypatian Codex are given, but in any case, the year 6788 from the creation of the world would translate to either 1279–1280 or 1280–1281 in the Anno Domini system.

The tale is presented in the following manner in the *Galician-Volhynian-Chronicle*: "After the death of the great prince Bolesław there was no one who could reign in the Polish land because he had no son. Lev wanted the [Polish] land for himself, but the [Polish] boyars were strong and would not give him the country. But Bolesław had five nephews: Konrad and Bolesław, the two sons of Siemowit, and Leszek, Siemomysł, and Władysław, the three sons of Kazimierz. From among them the Polish boyars chose Leszek and placed him on Bolesław's throne in Kraków. And [thus] Leszek began [his] reign. Then Lev wanted to conquer part of the Polish land for himself, the cities on the borderland. He went to the godless and cursed [Tatar governor] Nogai to ask him for aid against the Poles. And [Nogai sent] the cursed Konchak, Kozej, and Kubatan to help him. When winter set in, they set out [against the Poles]. Lev and his son Yuri marched gladly in Tatar company, but Mstislav [of Łuck], Volodymyr, and Mstislav's son Danilo went [only] because they were compelled to do so by the Tatars. And thus, they all advanced upon Sandomierz. Upon reaching Sandomierz, they marched across the frozen Wisła to its other bank in the vicinity of the city itself. Lev crossed first with his army and his son Yuri and was followed by Mstislav and his son Danilo, [who in turn] were followed by the Tatars. After crossing [the river], they camped outside the city. They remained

10 Dariusz Dąbrowski, Adrian Jusupović et al., (eds.), *Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów)* (Kraków: Polska Akademia Umiejętności, Monumenta Poloniae Historica series nova, vol. 16, 2017), Wstęp, LXXVI–LXXXIII.

11 *Ипатьевская лѣтопись*, Полное собрание русских летописей, vol. 2, ed. 2 (Санкт-Петербургь, 1908), col. 881.

there for a short time and did not give battle. Then, *with great pride at the thought of marching to Kraków*, Lev advanced with a great host of regiments upon Kropiwnica.. Volodymyr, however, stayed behind with his army near the city. He was told that a great number of enemy soldiers had barricaded themselves in the forest with plenty of provisions. Their abatis had not been taken by any army because it was very well fortified. [Thereupon] Volodymyr dispatched his best men [against] it [led by] Kafilat the Selezenec. When they reached the abatis, the Poles engaged them in fierce battle [so that] they took it only with great difficulty, capturing many [enemy] soldiers and supplies. As we wrote before, Lev [had] already set out [toward Kraków] with his regiments. When the Rus' [and Tatar] broke their lines in order to loot, God visited His will upon [Lev]: the Poles killed many boyars and good servants from his regiments as well as some of the Tatars. Thus, Lev returned with great dishonor. Leszek set out against Lev and took the city of Przeworsk from him. He slaughtered all its inhabitants both young and old alike, set fire to the city, and returned home."[1]

The Rus' tale of Lev's invasion of Lesser Poland is constructed in an extremely ingenious manner. It starts with information which seemingly justifies the Galician prince's pretensions: after Bolesław the Chaste dies without an heir, there is no one to rule in Kraków. However, immediately afterwards, the chronicler lists as many as five nephews of the deceased. This fact, when added to the mention of the election carried out by powerful Polish "boyars", who did not want Lev but chose Leszek, one of Bolesław's nephews, would indicate that according to the Rus' author, the prince did not have the right to lay claim to the throne of Kraków. It is quite probable that the chronicler knew that the blood ties between the Galician ruler and Bolesław were much more tenuous.[2] In fact, it is not

1 Dąbrowski, Jusupović et al., (eds.), *Kronika halicko-wołyńska*, 499–504. The Khlebnikovsky Codex formed the basis for this edition. It is missing four words, which not only add precision to the events, but would also seem key to the construction of the figure of Lev within this tale. This phrase has survived in the Hypatian Codex, the oldest manuscript copy of the chronicle: *Ипатьевская лѣтопись*. col. 882. I have placed it in italics in the quote. The translation is based on George A. Perfecky (translator and ed.), *Galician-Volhynian Chronicle*, The Hypatian Codex, Part 2 (München: Wilhelm Fink Verlag 1973), 92.

2 For more on the kinship of King Danilo (Lev's father) with the Piasts through Danilo's grandmother, Agnes, Bolesław Wrymouth's daughter and the awareness of this kinship in the *Galician-Volhynian Chronicle* see Dariusz Dąbrowski, *Król Rusi Daniel Romanowicz. O ruskiej rodzinie książęcej, społeczeństwie i kulturze w XIII w.* (Kraków: Avalon 2016), 31–32.

long before there is mention of Lev's alternate plan – to seize Polish towns on the border. Whether this is a scaling down of the initial intention or simply the seizing of an opportunity which presented itself is a question that is not addressed.[3] Further along in the narration, this intention of conquering Kraków features again in the statement that the prince left Sandomierz and rode to Koprzywnica with the intention of marching on the capital of Lesser Poland. The author's remark, preserved in the Hypatian Codex, that Lev rode on Kraków "с гордостью великою" (with great pride) proves to be of the utmost importance. These words contain an emphatic criticism of the prideful prince, who was attempting to claim what was not rightfully his.[4]

This interpretation is confirmed by the Tatar issue. The chronicler condemned Lev for visiting Nogai to ask for reinforcements for an expedition against the Poles. The author's disapproval reveals itself through the insults directed at the khan. For understandable reasons, the Rus' chronicler disliked the Tatars and looked askance at any collaboration with them which was not strictly necessary. This name-calling directed at Mongols appears quite frequently in the *Galician-Volhynian Chronicle*. In the tale of the Galician ruler's expedition against Lesser Poland, the term "cursed" is used repeatedly in relation to Konchak and the other chieftains sent by Nogai with the Rus'. However, the strongest effect was achieved by contrasting the fate of the expedition's leader, and that of the Tatars accompanying him, with the adventures of one of the princes, who set out against the Poles on the orders of Nogai, but against their own will: Volodymyr Vasylkovych, the ruler of the city of Volodymyr and son of Lev's uncle. Furthermore, there is no doubt that this fragment of the *Galician-Volhynian Chronicle* was written to praise the prince of Volhynia,

3 It was only Bronisław Włodarski who first rationalised and ordered these intentions. Lev initially desired the throne in Kraków, but Leszek's election forced him to adopt a more modest "plan B:" Bronisław Włodarski, "Udział Rusi halicko-włodzimierskiej w walce książąt na Mazowszu w drugiej połowie XIII wieku," in *Wieki średnie. Prace ofiarowane Tadeuszowi Manteufflowi w 60 rocznicę urodzin*, ed. Aleksander Gieysztor, Marian H. Serejski, Stanisław Trawkowski (Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1962), 175.

4 Dariusz Dąbrowski also understood this passage in this way. But as he was convinced of the existence of a pro-Galician faction in Lesser Poland, he assumed that Lev had really laid claim to Kraków: Dariusz Dąbrowski, "Stosunki polityczne Lwa Daniłowicza z sąsiadami zachodnimi w latach 1264–1299/1300 r.," in *Галичина та Волинь у добу середньовіччя. До 800-річчя від дня народження Данила Галицького*, ed. Я. Ісаєвич (Львів: Інститут імені Івана Крип'якевича НАН України 2001), 50.

and probably at his court as well, as historians have long argued based on numerous considerations.[5] In the chronicle's telling, Volodymyr did not, like Lev, advance on Kraków "with great pride," but remained on the eastern bank of the Wisła. Having learned of a nearby "abatis" (Осекь) full of people and riches, he sent an army which conquered it. In this manner, Volodymyr's expedition met with success. But God punished Lev and the Tatars, who were filled with pride, dealing them a defeat at the hands of the Poles. Finally, the Rus' chronicler once again underlined his negative opinion of the Galician ruler, by emphasising the dishonour that the defeat had brought upon him, by the will of God.

Generally speaking, Lev is the villain of this part of the *Galician-Volhynian Chronicle*, which was written by someone in the entourage of Volodymyr Vasylkovych.[6] This must have arisen from a rivalry between the two cousins, but the precise accusations are different. The chronicler burdened the prince of Halych with the responsibility for the death of Vaišvilkas, the son of Mindaugas, who became a monk after being baptised in the Orthodox Rus' rite, ceding his rule over Lithuania to Shvarno Danylovych. But Lev was envious of his brother being preferred. One day, feigning friendship, he came to drink with Vaišvilkas and, inspired by the devil, killed him.[7] A further accusation against the murderer is that – as another fragment of the chronicle makes clear – the monk-prince was also the godfather of Yuri, Lev's son.[8] Another, equally spectacular

5 Dąbrowski, Jusupović et al., (eds.), *Kronika halicko-wołyńska*, Wstęp, LXII–LXIX, LXXIV–LXXVI; Владимир Т. Пашуто, *Очерки по истории Галицко-Волынской Руси* (Москва: Издательство Академии Наук СССР, 1950), 109–130.

6 Mariusz Bartnicki, "Wizerunek "бесчестного князя" w Kronice halicko-wołyńskiej," in *Actes testantibus. Ювілейний збірник на пошану Леонтія Войтовича,* ed. М. Литвин. Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Збірник наукових праць. Вип. 20 (Львів: Національна Академія Наук України, 2011), 93–100.

7 Dąbrowski, Jusupović et al., (eds.), *Kronika halicko-wołyńska*, 464–468; Bartnicki, "Wizerunek "бесчестного князя," 97; Adrian Jusupović, *Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów) w latopisarskiej kolekcji historycznej* (Kraków – Warsaw: Avalon, 2019), 122. Leontii Wojtowycz's belief that, according to the chronicler, the death of Vaišvilkas was accidental, since both murderer and victim had had too much to drink, is misguided: Леонтій Войтович, "Лев Данилович: Спроба відтворення справжнього портрету "бесчестного князя"," *Średniowiecze Polskie i Powszechne* 4(8) (2012): 81. According to the chronicler, Lev committed a crime, the heinous nature of which was further exacerbated by the convivial setting. It is difficult to determine the how and why, but a note attesting to the murder of Vaišvilkas by Lev found its way into the *Annals of Traska*, where it is recorded under the year 1267: "Dux Leo filius Danielis regis Rusie occidit Woyslaum filium Mendogi ducis Lithwanorum" – Bielowski (ed.), *Rocznik Traski*, 840.

8 Dąbrowski, Jusupović et al., (eds.), *Kronika halicko-wołyńska*, 440.

example of Lev's wickedness in the chronicle was his great friendship with Duke Traidenis of Lithuania. Unlike the converted Vaišvilkas, the chronicler presents the Lithuanian ruler as a hardened pagan and harsh persecutor of Christianity, similar to the greatest ancient enemies of God such as Antiochus, Herod and Nero. Lev came out the worse for wear from this camaraderie, since Traidenis unexpectedly betrayed his "friend" and seized Drohiczyn from him. Seeking revenge, the ruler of Halych sent an envoy to the "great emperor" of the Tatars, Mengu-Timur, to ask for help against the Lithuanians. The khan gave him an army and ordered many Rus' princes to attack Traidenis. During this expedition, Lev deceived the other Rus' princes and with only the Tatars by his side, captured the outer city of Novgorodok. Due to this, there was great anger among the Rus' princes, Volodymyr Vasylkovych among them. They considered that Lev had slighted them, preferring the Mongols to his own kin and countrymen. This was the reason they turned around at Novgorodok and the expedition ultimately failed.[9]

The presence of a developed black legend of Lev in the Volhynian part of the *Galician-Volhynian Chronicle* is evident. The desire to take Kraków which is attributed to the prince is certainly an element of it. The appearance of the same accusation in the Rus' source and the *Annals of Traska* would seem to derive from its obviousness, rather than being a reflection of Lev's true intentions. But this does not have any greater significance from the point of view of understanding the meaning of both chronicles, for even if Lev had really wanted to take over Lesser Poland, his dream of doing so and resultant failure were used against him in both cases. This detail cannot be separated from the tendency of both sources to be hostile towards the prince and it would seem more probable that this was an invention on the part of their authors, since they were undoubtedly unfavourable towards him. Despite this, many modern historians have treated Lev's plan to seize power in Kraków and Sandomierz as reliable and "objective" information, provided without any malicious intent.

Many years ago, I was myself certain that the ruler of Halych had presented his candidacy to the magnates of Lesser Poland, and that

9 Dąbrowski, Jusupović et al., (eds.), *Kronika halicko-wołyńska*, 469, 474–482. For more on the tenor of this tale, which is deeply hostile towards Lev, see Микола Котляр (ed.), *Галицко-Волинський литопис* (Київ: Наук. Думка, 2002), 323–324. Here also, the good Prince Volodymyr is contrasted with the evil Lev: Bartnicki "Wizerunek "бесчестного князя", 97.

they had rejected it.[10] Other historians who claimed that the prince truly desired the throne of Lesser Poland often presupposed the existence of a pro-Galician faction among the local elite.[11] The source on which this hypothesis was based is an entry in a document issued by Leszek the Black on 22 January 1284 at Osiek for the Cistercians in Koprzywnica. The duke confirmed his predecessors' grants and among other things, added the following: "Furthermore, we have added for these brothers, for the love of God, a part of the hereditary estate in Beszyce which belonged to Niemsta, son of Krzywosąd, who was disinherited according to the law, because having fled to the schismatics, he planned with them the destruction of our lands."[12] The duke's chancery prepared two original copies of this charter. The entry concerning Niemsta appears in only one of them, according to Zygmunt Mazur, precisely because the duke had decided to bequeath Beszyce to the monks.[13]

It would seem that Duke Leszek, when describing the reasons for the confiscation of Niemsta's property, did in fact have his participation in Lev's invasion of the dukedom of Sandomierz in mind. Such an assumption

10 Paweł Żmudzki, *Studium podzielonego Królestwa. Książę Leszek Czarny* (Warszawa: Neriton, 2000), 265. Before I took this view, it was also held by Tomasz Jasiński, *Przerwany hejnał* (Kraków: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1988), 71.

11 Jan Baszkiewicz, *Powstanie zjednoczonego państwa polskiego (na przełomie XIII i XIV wieku)* (Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1954), 157, note 69; Bronisław Włodarski, *Polska i Ruś 1194–1340* (Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1966), 196–197; Piotr K. Wojciechowski, "Ugrupowania polityczne w ziemiach krakowskiej i sandomierskiej w latach 1280–1286," *Przegląd Historyczny* 70, vol. 1 (1979): 57–58, 61; Dąbrowski, "Stosunki polityczne Lwa Daniłowicza z sąsiadami," 50; Agnieszka Teterycz-Puzio, *Geneza województwa sandomierskiego. Terytorium i miejsce w strukturze państwa polskiego w średniowieczu* (Słupsk: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Pedagogicznej, 2001), 45, 126–127; Teterycz-Puzio, *Bolesław II mazowiecki*, 58; Mariusz Bartnicki, "Elita księstwa krakowsko-sandomierskiego wobec stosunków z księstwami ruskimi w XIII wieku," *Соціум* 7 (2007): 21–22; Leontii Wojtowycz, *Lew Daniłowicz, książę halicko-włodzimierski (ok. 1225 - ok. 1301)* (Kraków: Avalon, 2020), 191; Jusupović, *Kronika halicko-wołyńska*, 127. Stanisław Piekarczyk thought that even in 1282, the magnates in Lesser Poland had wanted to place Lev on the throne: *Studia z dziejów miast polskich w XIII–XIV w.* (Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1955), 120–121; similarly: Zygmunt Mazur, *Studia nad kancelarią księcia Leszka Czarnego* (Wrocław: Prace Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego, seria A, no. 169, 1975), 19.

12 Mazur provided this fragment based on the original: *Studia nad kancelarią księcia Leszka Czarnego,* 138:

13 Mazur, *Studia nad kancelarią księcia Leszka Czarnego,* 137. For more on the double original copies, see Franciszek Sikora, "Ze studiów nad dokumentami i kancelarią Leszka Czarnego", in Franciszek Sikora, *Małopolskie późne średniowiecze. Ludzie i instytucje, wybór pism*, eds. Włodzimierz Bukowski, Antoni Gąsiorowski, Grażyna Rutkowska (Warsaw – Kraków: Instytut Historii PAN, 2017), 38–47.

would seem to be the likeliest. But as Stefan Krakowski noted,[14] it is entirely arbitrary to hyperbolise Niemsta's position and turn a single man into a whole pro-Galician "faction." In particular since neither the reasons for which he fled to the "schismatics," nor when it occurred are known. Furthermore, Niemsta was quite probably merely a common knight. There is no indication that he held any office, nor that he could have had a significant influence on the election of a ruler. Even Leszek did not accuse the fugitive of wanting to install Lev on the throne of Kraków, but only of helping to plan a devastating invasion. If we combine the ducal document with the events of 1280, it merely confirms the plunderous nature of the prince's raid.

The conjecture, unconfirmed in the sources, that a group closely connected to the duchess-widow,[15] or simply she herself,[16] had taken the side of the Galician prince, seems somewhat tenuous. The first trace of Kinga's dispute with Leszek is a commentary added to the attestation of the founding charter for the monastery of the Order of St Clare at Sącz, issued by the widow on 6 July 1280. After the duke, lay testators and Prokop, the ducal chancellor, a separate list of clerical witnesses was added: "and in the presence of these monks and venerable priests, the above-mentioned provincial superior, Brother Stefan, custos of Esztergom, Brother Bogusław, lector of the Order of Preachers, appointed by the papal legate to ensure agreement between the duke and ourselves."[17] This sentence informs us, laconically yet precisely, of the various steps taken by Kinga because of her dispute with Leszek. She had to have sent envoys to Philip, bishop of Fermo, the papal legate staying in Hungary, since he appointed his trusted men – the Franciscan provincial superior

14 Krakowski, "Obrona pogranicza wschodniego Małopolski," 99, note 13. Krakowski has since changed his opinion on this matter. Earlier, he was convinced of the existence of a pro-Rus' faction in Lesser Poland which desired to place Lev on Kraków's throne: Stefan Krakowski, *Polska w walce z najazdami tatarskimi w XIII wieku* (Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1956), 208–209.

15 Dąbrowski, "Stosunki polityczne Lwa Daniłowicza z sąsiadami," 50.

16 For more on the alliance between the widow and the Rus' prince, see Martin Homza, "Dzieje wczesnośredniowiecznego Spisza," in *Historia Scepusii*, eds. Martin Homza, Stanisław A. Sroka (Bratislava – Kraków: Avalon, 2010), 166; for Homza: Wojtowycz, *Lew Daniłowicz*, 192; Zuzana Orságová, "Ruthenian – Polish – Hungarian relations in regards to the dynastical politics of Bela IV," in *Ruś średniowieczna a sąsiedzi (IX – połowa XIII wieku)*, ed. Vitalij Nagirnyj (Kraków: Uniwersytet Jagielloński, Colloquia Russica vol. 1, 2011), 67.

17 Franciszek Piekosiński (ed.), *Kodeks dyplomatyczny Małopolski,* vol. 2 (Kraków: Akademia Umiejętności, 1886), no. 487, 146.

Nicholas, the custos Stefan and Bogusław the Dominican – as conciliators. As we can see from the foundation charter, which clearly attests to the agreement reached, their intervention did have the effect desired by the widow. Leszek accepted Kinga's sovereign title ("domina et princeps de Sandech") and on 6 July 1280 personally certified the foundation of the Sącz monastery and affixed his seal to the charter issued by the widow.[18] It would seem very unlikely that Kinga undertook any steps to promote Lev's candidacy for the throne of Kraków, other than her complaint to the papal legate. In particular, it is difficult to imagine how the Rus' and Tatar invasion could have contributed to achieving the main goals of the widow: the establishment of a new monastery for the Order of St Clare and maintaining full control of her lands near Sącz.[19]

The term "schismatics," used in Leszek the Black's charter for the Cistercians in Koprzywnica, and which mentions Niemsta, points to a very clear drawback to Lev's potential candidacy for the thrones of Kraków and Sandomierz, as Stefan Krakowski has previously noted. In Lesser Poland, the Galician ruler was seen as a religious dissenter;[20] if he had adopted the Latin rite, maintaining power in Rus' would have been problematic. Perhaps when the author of the entry preserved in the *Annals of Traska* underlined that the victory over Lev had taken place during the pontificates of Pope Nicholas and Paweł, bishop of Kraków, this was also due to denominational reasons.

But above all, the idea that some unspecified group of knights and magnates in Kraków and Sandomierz had desired to elect a Rus' ruler as duke is in blatant opposition to the text of the *Galician-Volhynian Chronicle*. The chronicler twice emphasised the strong will of the "Polish boyars," both when refusing to accede to the prince's desires and in relation to Leszek's election. In this tale, there is no place for any supporters of Lev in Lesser Poland, since it is concerned with the groundlessness of his claim, which, resulting from hubris, was rightly punished by God. In fact, the beginning of the passus in the *Galician-Volhynian Chronicle* relating

18 Doubts not shared by Martin Homza, "Svätá Kunigunda a Spiš," in *Terra Scepusiensis: Stav bádania o dejinách Spiša*, eds. Ryszard Gładkiewicz, Martin Homza (Levoča – Wrocław: Kláštorisko, 2002), 399, who thought that the widow had extracted Leszek's approval for the monastery by threatening to facilitate another attack by Lev and the Tatars on his land.

19 Piekosiński (ed.), *Kodeks dyplomatyczny Małopolski*, vol. 2, no. 487, 145–146.

20 Krakowski, "Obrona pogranicza wschodniego Małopolski," 99; Żmudzki, *Studium podzielonego Królestwa,* 288.

the Galician prince's expedition on Kraków seems somewhat deliberately lacking in specifics,[21] in contrast to the detailed presentation of the course of this expedition itself. This is the main reason that my former attempt at translating the tenor of the chronicler's fleshing out of this tale into language appropriate for modern historians now looks so unconvincing upon closer inspection of the source. The sentence "Lev wanted the [Polish] land for himself, but the [Polish] boyars were strong and would not give him the country" does not represent real and factual events, as once outlined by me, namely Lev presenting his candidacy for the throne of Kraków and it being rebuffed by the great nobles of Lesser Poland. This matter is not made any easier by the fact that we know nothing about the details of Leszek the Black's election or the exact composition of the electors. We can merely try to form some general idea based on the artful literary descriptions of the elections of Kraków's rulers in the late twelfth and early thirteenth century penned by Kadłubek.[22] But Master Vincentius's tales fail to suggest that anyone could have introduced their own candidacy.[23]

I now return to the entry in the *Annals of Traska*. As I have already noted, the details of the Polish victory against Lev are tightly linked to the mention of Leszek's election and the claim that the Rus' ruler's expedition was motivated by his desire to obtain the dukedoms of Kraków and Sandomierz. The inhabitants of both cities, without the participation of their newly elected duke, set out to defend their chosen ruler against the usurper. Six hundred men, led by Piotr and Janusz, voivodes of Kraków and Sandomierz respectively, as well as Warsz, the castellan of Kraków, defeated a great army of Tatars, Lithuanians and Rus'. For the author of this entry, emphasising these specific details was the best way of glorifying Leszek. We can see this when we contrast it with the tale from the *Galician-Volhynian Chronicle* which, while recounting the events of the same battle, fails to mention these dignitaries from Lesser Poland, even though one of the victors at Goźlice, Castellan Warsz, was known to the chroniclers.[24] But the Rus' author did not wish to glorify Leszek, merely to vilify Lev. Comparing these two sources leads us to another,

21 As noticed by – Włodarski, *Polska i Ruś*, 197.

22 Marian Plezia (ed.), *Mistrza Wincentego zwanego Kadłubkiem Kronika polska* (Kraków: Polska Akademia Umiejętności, Monumenta Poloniae Historica nova series vol. 11, 1994), Book 4, Chapter 21, 175–178 and Chapter 26, 190–194.

23 Dąbrowski, Jusupović et al., (eds.), *Kronika halicko-wołyńska*, 499.

24 Dąbrowski, Jusupović et al., (eds.), *Kronika halicko-wołyńska*, 274, 456.

more generalised conclusion. There is no reason to doubt the historicity of the fact that it was Warsz, Piotr and Janusz who defeated the Rus' and Tatar forces at Goźlice. But the fact that the details of the tale conform to how the events transpired cannot be the only explanation for why it was written in this specific way, and not another. The selection, composition and arrangement of information, even that taken from real life, is generally subject to the overall goals of the story.

Analogies exist for the construction used in the chronicler's tale of the victory of the dignitaries over Lev. The first can be found in a source of a similar genre to the *Annals of Traska*, namely the continuation of the chronicle of Regino of Prüm, written by Adalbert of Magdeburg. It presents the conflict between King Henry I, the founder of the Saxon dynasty, and Charles the Simple. Adalbert was obviously on the side of the former, while the ruler of West Francia was the object of his scorn, as evidenced by his posthumous characterisation in the entry for the year 925.[25] However, two years earlier, we find the following entry: "Charles wanted to usurp for himself Alsace and that part of Francia next to the Rhine as far as Mainz, so he advanced with hostile intent as far as the estate Pfeddersheim by Worms. From there, since King Henry's faithful men had gathered at Worms, he fled in a manner not fitting for a king."[26] We see that the usurper fled, terrified solely by the fact of the men of the rightful ruler gathering. Gallus Anonymous recounts a similar tale. When Bolesław III was with his army at Głogów, Silesia was invaded by the forces of Zbigniew and the Bohemians. Yet even before the duke could notice this, the invaders were routed by the local marchiones.[27] The point of this type of tale is to show that a good and legitimate ruler does not need to personally defend himself against the pretensions of his evil rivals. His loyal subjects will do it for him.

Another, and much more typical device used by the author of the tale of the victory over Lev is the huge disparity in the size of the belligerent forces. Six hundred knights from Lesser Poland routed an innumerable

25 Fridericus Kurze (ed.), *Reginonis abbatis Prumiensis chronicon cum continuatione Treverensi* (Hannoverae: Monumenta Germaniae Historica Scriptores rerum Germanicum in usum scholarum separatim editi, 1890), 157.

26 Simon Maclean (ed. and transl.), *History and Politics in Late Carolingian and Ottonian Europe: The Chronicle of Regino of Prüm and Adalbert of Magdeburg* (Manchester University Press, 2009), 237.

27 Karol Maleczyński (ed.), *Anonima tzw. Galla Kronika czyli dzieje książąt i władców polskich* (Kraków: Polska Akademia Umiejętności, Monumenta Poloniae Historica nova series vol. 2, 1952), Book 3, Chapter 19, 144–145.

enemy force. The evident conclusion drawn from this by medieval writers was that the "Lord of Heaven" himself had granted victory to the Poles. It was only when a higher power had shown who was right within this dispute that Leszek himself could assemble a great army which, according to the chronicler, numbered thirty thousand cavalry and two thousand infantry, and invade his opponent's lands. It is quite certain that this exaggeration of the retaliatory force was intentional, as it served to evidence the might of Kraków's ruler.

In the *Annals of Traska*, the consequences of the revenge wrought by such a great army upon Lev are presented in a highly spectacular manner, but also without any great precision: the duke "miraculously" plundered Rus' and destroyed its towns. In the *Galician-Volhynian Chronicle*, the goal of Leszek's attack is defined in a more modest, but precise manner. This was the city of Przeworsk, which belonged to Prince Lev, and was taken and burned to the ground by the Polish ruler, and all of its inhabitants slaughtered.[28] The chronicler returned to Leszek's invasion in a later passage, as part of a retrospective: "During the aforementioned years when Lestko took Lev's city of Przeworsk, the Poles also ravaged the outskirts of Brest along the Krosna. They took ten villages and started back. [Thereupon] the men of Brest assembled and gave chase. There were two hundred Poles and [only] seventy Brestians, [but] they were led by the voyevoda tit, who was renowned for his bravery during campaigns and hunting expeditions. Having caught up with them, they engaged them in battle, and with God's help the Brestians defeated the Poles, killing eighty of them and capturing the others. They [also] recaptured their [stolen] property and thus returned to Brest with honor, glorifying God and His Virgin Mother [as long as they lived]."[29]

Removing the motive for Lev's march on Kraków and his desire to rule it, the Rus' tales of the tussle between the Galician prince and Leszek can be reduced to a typical neighbourly feud, on what is essentially a minor scale. The Rus' and the Tatars ravaged the surroundings of Sandomierz, from whence they were beaten back. In revenge, Leszek conquered and razed a relatively unimportant town on the border, Przeworsk (mentioned for the first time in the chronicle), but an expedition by another group of

28 Dąbrowski, Jusupović et al., (eds.), *Kronika halicko-wołyńska*, 504.

29 Ibid., 524–525. I have underlined the fragment from the Hypatian Codex, which contains the original version – *Ипатьевская лѣтопись,* col. 890. Translation based on: Perfecky (translator and ed.), *Galician-Volhynian Chronicle*, 95–96.

his men to Brest ended in failure.[30] The author of the entry preserved in the *Annals of Traska* told of these events as of a great war and a magnificent victory for the Poles. The details and descriptions he chose create this impression. Leszek was supposed to have marched on (seemingly the entirety of) Rus' with a huge army, wreaked exceptional devastation there and destroyed Rus' gords. The depiction of border skirmishes in the *Galician-Volhynian Chronicle* is certainly more credible from a historical perspective, and also makes it impossible to consider Lev's intention of capturing Kraków a real plan.

Translated by Michał Hamerski

References

Jacek Banaszkiewicz, *Kronika Dzierzwy XIV-wieczne kompendium historii ojczystej* [The Dzierzwa Chronicle: A 14th-Century Compendium of National History] (Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk: Ossolineum, 1979).
Mariusz Bartnicki, "Elita księstwa krakowsko-sandomierskiego wobec stosunków z księstwami ruskimi w XIII wieku" [The Elite of the Kraków-Sandomierz Duchy Towards to Relations with Russian Principalities in the 13th Century], *Sotsium* 7 (2007): 9–23.
Mariusz Bartnicki, "Wizerunek "beschestnoho knyazya" w Kronice halicko-wołyńskiej" [The Image of the 'Disgraced Prince' in the Galician-Volhynian Chronicle], in *Actes testantibus. Yuvileynyy zbirnyk na poshanu Leontiya Voytovycha,* ed. M. Lytvyn. Ukrayina: kul'turna spadshchyna, natsional'na svidomist', derzhavnist'. Zbirnyk naukovykh prats'. Vyp. 20 (L'viv: Natsional'na Akademiya Nauk Ukrayiny, 2011), 93–100.
Jan Baszkiewicz, *Powstanie zjednoczonego państwa polskiego (na przełomie XIII i XIV wieku)* [The Establishment of the United Polish State (at the Turn of the 13th and 14th Centuries)] (Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1954).
August Bielowski (ed.), *Rocznik Traski* [The Trask Yearbook] (Lwów: Monumenta Poloniae Historica, vol. 2, 1872).
Grzegorz Błaszczyk, *Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności*, vol. 1 [A History of Polish-Lithuanian Relations from the Earliest Times to the Present Day. Vol. 1] (Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM 1998).
Zofia Budkowa et al. (eds.), *Ioannis Dlugosii Annales seu Cronicae Incliti Regni Poloniae*, lib. 7–8 [John Długosz's Annals or Chronicles of the Famous Kingdom of Poland, Books 7–8], (Varsaviae: Państwowe Wydawnictwo Naukowe 1975).

30 This contradicts the opinion of Leontii Wojtowycz, who thought that Lev truly desired to become Duke of Kraków and Sandomierz and that his success would have made Lev a serious rival to Rudolf I of Germany. Furthermore, Wojtowycz considered that Lev might have renounced his fealty to the Tatars – Wojtowycz, *Lew Daniłowicz*, 191-192. The prince's biographer apparently forgot that the Rus' expedition against Lesser Poland had been carried out with Nogai's permission, and that this was the best proof that Lev accepted his dependency on the Horde.

Dariusz Dąbrowski, *Król Rusi Daniel Romanowicz. O ruskiej rodzinie książęcej, społeczeństwie i kulturze w XIII w.* [King Daniel Romanovich of Rus': On the Rus' Princely Family, Society and Culture in the 13th Century] (Kraków: Avalon 2016).
Dariusz Dąbrowski, "Stosunki polityczne Lwa Daniłowicza z sąsiadami zachodnimi w latach 1264–1299/1300 r." [Lev Danilovich's Political Relations with his Western Neighbours Between 1264–1299/1300], in *Halychyna ta Volyn' u dobu seredn'ovichchya. Do 800-richchya vid dnya narodzhennya Danyla Halyts'koho*, ed. Ya. Isayevych (L'viv: Instytut imeni Ivana Kryp"yakevycha NAN Ukrayiny 2001), 42-69.
Dariusz Dąbrowski, Adrian Jusupović et al., (eds.), *Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów)* [The Galician-Volhynian Chronicle (Romanovich Chronicle)] (Kraków: Polska Akademia Umiejętności, Monumenta Poloniae Historica series nova, vol. 16, 2017).
Wojciech Drelicharz, *Annalistyka małopolska XIII-XV wieku. Kierunki rozwoju wielkich roczników kompilowanych* [Lesser Poland's Annals of the 13th–15th Centuries: Directions in the Development of the Great Compiled Annals] (Kraków: Polska Akademia Umiejętności Rozprawy Wydziału Historyczno-Filozoficznego vol. 99, 2003).
Martin Homza, "Dzieje wczesnośredniowiecznego Spisza" [A History of Early Medieval Spisz], in *Historia Scepusii*, eds. Martin Homza, Stanisław A. Sroka (Bratislava – Kraków: Avalon, 2010), 126–327.
Martin Homza, "Svätá Kunigunda a Spiš" [Saint Kunigunda and Spiš], in *Terra Scepusiensis: Stav bádania o dejinách Spiša*, eds. Ryszard Gładkiewicz, Martin Homza (Levoča – Wrocław: Kláštorisko, 2002), 381–406.
Ipat'evskaa lietopis', Polnoe sobranie russkikh letopisei, vol. 2, ed. 2 [The Ipatiev Chronicle: A Complete Collection of Russian Chronicles, vol. 2, ed. 2] (Sankt-Peterburg' 1908).
Łukasz Jaros, "Działalność militarna księcia krakowskiego, sandomierskiego i sieradzkiego Leszka Czarnego w latach 1279–1288" [The Military Activity of Leszek the Black, Duke of Kraków, Sandomierz and Sieradz, in 1279–1288], *Rocznik Oddziału Polskiego Towarzystwa Historycznego w Skarżysku-Kamiennej: Z dziejów regionu i miasta* 5 (2014): 5–32.
Adrian Jusupović, *Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów) w latopisarskiej kolekcji historycznej* [The Galician-Volhynian Chronicle (Romanovichi Chronicle) in the Chronicle Historical Collection] (Kraków – Warsaw: Avalon, 2019).
Mykola Kotlyar (ed.), *Halytsko-Volyns'kyi litopys* [Galician-Volhynian Chronicle] (Kyiv: Naukova Dumka, 2002).
Stefan Krakowski, "Obrona pogranicza wschodniego Małopolski za Leszka Czarnego" [The Defence of the Eastern Borderlands of Lesser Poland during the Reign of Leszek the Black], *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Łódzkiego*, Seria 1, Nauki Humanistyczno Społeczne, Historia 15 (1960): 97–114.
Stefan Krakowski, *Polska w walce z najazdami tatarskimi w XIII wieku* [Poland in the Struggle Against Tatar Invasions in the 13th Century] (Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1956).
Fridericus Kurze (ed.), *Reginonis abbatis Prumiensis chronicon cum continuatione Treverensi* [Chronicle of Abbot Regino of Prüm with the Treves Continuation] (Hannoverae: Monumenta Germaniae Historica Scriptores rerum Germanicum in usum scholarum separatim editi, 1890).

Brygida Kürbis, *Dziejopisarstwo wielkopolskie XIII i XIV wieku* [(Greater Poland's Historiography of the 13th and 14th Centuries] (Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1959).
Simon Maclean (ed. and transl.), *History and Politics in Late Carolingian and Ottonian Europe: The Chronicle of Regino of Prüm and Adalbert of Magdeburg* (Manchester University Press, 2009), 237.
Karol Maleczyński (ed.), *Anonima tzw. Galla Kronika czyli dzieje książąt i władców polskich* [Gesta principum Polonorum: The Deeds of the Princes of the Poles] (Kraków: Polska Akademia Umiejętności, Monumenta Poloniae Historica nova series vol. 2, 1952).
Zygmunt Mazur, *Studia nad kancelarią księcia Leszka Czarnego* [Studies on the Chancellery of Prince Leszek the Black] (Wrocław: Prace Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego, seria A, no. 169, 1975).
Wojciech Michalski, "Legenda fundacyjna dawnej lubelskiej fary św. Michała Archanioła" [The Founding Legend of the Former Lublin Parish of St. Michael the Archangel], *Bibliotekarz Lubelski* 58–59 (2015–2016): 73–106.
Wojciech Michalski, "Two Medieval Traditions of Lublin and Their Influence on the Local Community's Sense of Identity (13th? – the Beginning of the 17th Century)," *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska*. Sectio F, 72 (2017): 149–178. https://doi.org/10.17951/f.2017.72.149
Zuzana Országová, "Ruthenian – Polish – Hungarian relations in regards to the dynastical politics of Bela IV," in *Ruś średniowieczna a sąsiedzi (IX – połowa XIII wieku)*, ed. Vitalij Nagirnyj (Kraków: Uniwersytet Jagielloński, Colloquia Russica vol. 1, 2011), 63–68.
Vladimir T. Pashuto, *Ocherki po istorii Galitsko-Volynskoi Rusi* [Essays on the History of Galician-Volhynian Rus] (Moskva: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1950).
Krzysztof Pawłowski (ed.), *Kronika Dzierzwy* [Dzierwa Chronicle] (Kraków: Polska Akademia Umiejętności, Monumenta Poloniae Historica series nova, vol. 15, 2013).
George A. Perfecky (translator and ed.), *Galician-Volhynian Chronicle*, The Hypatian Codex, Part 2 (München: Wilhelm Fink Verlag 1973).
Stanisław Piekarczyk, *Studia z dziejów miast polskich w XIII-XIV w.* [Studies on the History of Polish Cities in the 13th 14th Centuries] (Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1955).
Franciszek Piekosiński (ed.), *Kodeks dyplomatyczny Małopolski,* vol. 2 [The Diplomatic Code of Małopolska, vol. 2] (Kraków: Akademia Umiejętności, 1886).
Marian Plezia (ed.), *Mistrza Wincentego zwanego Kadłubkiem Kronika polska* [The Polish Chronicle of Master Vincent, Commonly Known as Kadłubek] (Kraków: Polska Akademia Umiejętności, Monumenta Poloniae Historica nova series vol. 11, 1994).
Franciszek Sikora, "Ze studiów nad dokumentami i kancelarią Leszka Czarnego" [From Studies on the Documents and Chancellery of Leszek the Black], in Franciszek Sikora, *Małopolskie późne średniowiecze. Ludzie i instytucje, wybór pism*, eds. Włodzimierz Bukowski, Antoni Gąsiorowski, Grażyna Rutkowska (Warsaw – Kraków: Instytut Historii PAN, 2017), 37–53.
Zdzisław Szambelan, "Najazdy ruskie na ziemię sandomierską w XIII wieku" [Rus' Invasions of the Sandomierz Region in the 13th Century], *Acta Universitatis Lodziensis*, Folia Historica 36 (1989): 7–32.

Agnieszka Teterycz-Puzio, *Bolesław II mazowiecki. Na szlakach ku jedności (ok. 1253/58 – 24 IV 1313)* [Bolesław II Mazovian: On Routes Towards Unity (ca. 1253/58 – April 24, 1313)] (Kraków: Avalon, 2015).
Agnieszka Teterycz-Puzio, *Geneza województwa sandomierskiego. Terytorium i miejsce w strukturze państwa polskiego w średniowieczu* [The Origins of the Sandomierz Voivodeship: Territory and Position in the Structure of the Polish State in the Middle Ages] (Słupsk: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Pedagogicznej, 2001).
Agnieszka Teterycz-Puzio, "Przyczyny i cele najazdów litewskich na ziemię sandomierską w XIII w." [the Causes and Objectives of the Lithuanian Invasions of the Sandomierz Region in the 13th Century], *Rocznik Lubelski* 35 (2009): 9–22.
Leontiy Voytovych, "Lev Danylovych: Sproba vidtvorennya spravzhn'oho portretu "beschestnoho knyazya"" [Lev Danylovych: An Attempt to Reconstruct the True Portrait of the ‚Disgraced Prince'], *Średniowiecze Polskie i Powszechne* 4(8) (2012): 58–94.
Bronisław Włodarski, *Polska i Ruś 1194–1340* [Poland and Rus': 1194–1340] (Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1966).
Bronisław Włodarski, "Udział Rusi halicko-włodzimierskiej w walce książąt na Mazowszu w drugiej połowie XIII wieku" [The Participation of the Halich-Volodymir Rus' in the Struggle of the Princes in Mazovia in the Second Half of the 13th Century], in *Wieki średnie. Prace ofiarowane Tadeuszowi Manteuffl owi w 60 rocznicę urodzin*, ed. Aleksander Gieysztor, Marian H. Serejski, Stanisław Trawkowski (Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1962), 171–183.
Piotr K. Wojciechowski, "Ugrupowania polityczne w ziemiach krakowskiej i sandomierskiej w latach 1280–1286" [Political Groups in the Kraków and Sandomierz Lands in the Years 1280–1286], *Przegląd Historyczny* 70, vol. 1 (1979): 57–72.
Leontii Wojtowycz, *Lew Daniłowicz, książę halicko-włodzimierski (ok. 1225 – ok. 1301)* [Lev Danilovich, Prince of Halych-Vladimir (c. 1225 – c. 1301)] (Kraków: Avalon, 2020).
Paweł Żmudzki, *Studium podzielonego Królestwa. Książę Leszek Czarny* [A Study of a Divided Kingdom: Prince Leszek the Black] (Warszawa: Neriton, 2000).

С. М. РЯБОВ

РУССКО-ФРАНЦУЗСКАЯ ТОРГОВЛЯ НА БАЛТИКЕ В УСЛОВИЯХ ШВЕДСКОЙ БЛОКАДЫ «НАРВСКОГО ПЛАВАНИЯ» В 1570-Е ГОДЫ[1]

RUSSIAN-FRENCH TRADE IN THE BALTIC SEA DURING THE SWEDISH BLOCKADE OF THE "NARVA NAVIGATION" IN THE 1570S

This article examines several key subjects necessary to describe the history of Russian-French commerce in the 1570s. The first part deals briefly with the development of trade between the Russian state and the French kingdom before the conclusion of the Treaty of Stettin on December 13, 1570, which ended the Northern Seven Years' War between Denmark, Poland and Lübeck on the one hand and Sweden on the other. The second part analyzes the plans of the French crown to develop Baltic commerce in the first half of the 1570s. It also explains the influence of the Valois dynasty's political projects in northern Europe on the development of French trade traffic to the Russian Narva. The third part is devoted to the analysis of Swedish resistance to the "Narva navigation" in the second half of the 1570s, caused by the French side's rejection of matrimonial plans towards the Vasa dynasty. The conclusion summarizes the results of the study. It is emphasized that the successful blockade of the Russian Narva by the Swedish fleet and, as a result, the capture of this city by the Swedish army in the fall of 1581 forced the French negociants to move to the development of a new trade route with the Russian state through the White Sea.

Keywords: 16th-century history, Franco-Russian relations, Ivan the Terrible, Charles IX of France, Henry III of France, John III of Sweden, Charles de Danzay, Baltic question, Livonian War, Narva navigation, northern trade.

Sergey M. Ryabov – Postgraduate Student, Research Assistant, Laboratory for Studying Primary Sources, Ural Institute of Humanities of the Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: sergeyryabov1997@gmail.com. ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7090-5479

1 This article on the topic "The Interaction of Cultural and Linguistic Traditions: The Urals in the Context of the Dynamics of Historical Processes" was produced as part of the implementation of state assignment No. FEUZ-2023-0018 of the Russian Federation's Ministry of Science and Higher Education.

Citation: S. M. Ryabov, "Russko-Frantsuzkaia torgovlia na Baltike v usloviiakh shvedskoi blokady "narvskogo plavaniia" v 1570-e gody" [Russian-French Trade in the Baltic Sea under the Swedish Blockade of the "Narva Navigation" in the 1570s], *RussianStudiesHu 6*, no. 1 (2024): 47-67. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2024.6.3

Одной из актуальных тем в истории внешней политики периода Средневековья и раннего Нового времени остается изучение с разных точек зрения коммерческих связей между европейскими странами. Пережив расцвет во второй половине XX в., благодаря исследователям, работавшим в изменяющейся парадигме «новой исторической науки»[2], проблемы экономической истории на сегодняшний день активно обсуждаются в рамках мир-системного анализа, глобальной истории, новой дипломатической истории и историзирующих теорий международных отношений. Ставя во главу угла различные сюжеты, авторы, тем не менее, зачастую приходят к схожим выводам о необходимости перехода от государствоцентричной модели рассмотрения коммерческих практик – к актороцентричной[3]. Изучение торговых отношений выстраивается через анализ контактов между монархами, придворными, дипломатами и негоциантами. Кроме того, активное внимание уделяется аспектам «геополитического накопления», борьбе дискурсов «mare clausum» и «mare liberum», понятиям «суверенитета» и «территориализации» морских пространств, а также практике «необычной торговли» и положению «купцов-авантюристов»[4]. Изучение данных вопросов является особенно значимым, если речь идет о критических периодах истории. В России и во Франции таковыми стали 1570-е гг., когда положение обоих государств на международной арене и в европейском товарообороте активно трансформируется.

2 *Анналы экономической и социальной истории. Избранное* (Москва: Издательский дом «Территория будущего», 2007).

3 L. Bély, *L'art de la paix en Europe: Naissance de la diplomatie moderne XVIe–XVIIIe siècle* (Paris: Presses Universitaires de France, 2007); P. Nevejans, *Le prince et le diplomate: étude de la réception diplomatique dans l'Europe de la Renaissance* (Lyon: Université Jean Moulin Lyon III, 2015); С. Конрад, *Что такое глобальная история?* (Москва: Новое литературное обозрение, 2018); Д. В. Мазарчук, «"Новая дипломатическая история": становление, направления исследования и перспективы развития», *Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук* 66, no. 3 (2021): 283–292.

4 Б. Тешке, *Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений* (Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019), 290–296; М. Б. Бессуднова, «"Необычная торговля" как фактор видоизменения русско-ганзейских отношений в XV – начале XVI века», *Ученые записки Новгородского государственного университета*, no. 5 (23) (2019): 1–7.

Русско-французская коммерция на Балтике до 1570-х гг.

Вторая половина XVI столетия стала символическим рубежом, когда, по меткому замечанию Е. Ф. Шмурло, «Россия органически втягивается в дела Европы и сама втягивает ее в свои»[5]. А. И. Филюшкин развил данную мысль, указав, что «именно через участие в балтийских войнах Россия стала европейской державой»[6]. При этом процесс окончательного вхождения России в «систему европейских государств» отличался не только интенсификацией ее военных, дипломатических и культурных связей с державами Запада. В рассматриваемый период наблюдается расширение коммерческих контактов Русского государства с европейскими странами. Так, с 1560-х гг. активное развитие получила русско-французская торговля на Балтике, которая в первую половину 1570-х гг. пережила период своего расцвета, и, несмотря на противодействие со стороны Швеции и Польши, а также значительную конкуренцию со стороны Голландии[7] и Англии[8], продолжила существовать во вторую половину десятилетия вплоть до потери Московским царством Нарвы в 1581 г.

Коммерческие контакты между Русским государством и Французским королевством до захвата Нарвы 12 мая 1558 г. войсками Ивана IV Васильевича (1533–1584) были редкими и в основном осуществлялись при посредничестве ганзейских негоциантов[9]. Немецкие торговцы,

---

5 Е. Ф. Шмурло, *Курс русской истории. Т. II. Русь и Литва* (Санкт-Петербург: Алетейя, 1999), 89.

6 А. И. Филюшкин, *Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков* (Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2013), 8.

7 К 1560 г. голландцы контролировали уже около 70% объема балтийской торговли: И. Валлерстайн, *Мир-система Модерна. Т. I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке* (Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016), 260.

8 Русско-английская коммерция в Нарве зарождается в 1564 г. В ней принимали участие как купцы из Московской компании, так и не входившие в нее негоцианты. Интересно, что последние, в частности йоркские торговые агенты Грегори Уотсон и Ральф Хасселби, содействовали французским купцам, сознательно подрывая монополию Московской компании, которая в 1566 г. добилась от Елизаветы I Тюдор (1558–1603) запрета на коммерцию в Нарве независимых английских негоциантов: T. S. Willan, "The Russia Company and Narva, 1558–81", *The Slavonic and East European Review* 31, no. 77 (June 1953): 405–419.

9 Привилегии ганзейским торговцам были дарованы королем Людовиком XI Валуа (1461–1483) в 1464 г., подтверждены Карлом VIII Валуа (1483–1498) в 1489 г., затем Франциском I Валуа (1515–1547) в 1536 г., а также Генрихом II Валуа (1547–1559) в 1552 г.: В.

загружая соль, вино и ткани в трюмы своих кораблей, выдвигались из бретонских и нормандских портов в сторону Балтийского моря[10], на восточных берегах которого встречались с московскими купцами[11]. Покупая здесь воск, кожи, жир, лен, пеньку и сало, ганзейцы отправлялись обратно, выгодно продавая указанные товары в западноевропейских странах, в том числе во Франции[12].

В начале 1560-х гг. налаживаются прямые русско-французские торговые контакты, а во второй половине десятилетия они интенсифицируются. Заинтересованный в получении стабильной прибыли от своих негоциантов во время Религиозных войн, французский королевский двор, соучаствуя в финансировании торговых экспедиций и в результате получая дивиденды от торговых сделок[13], всячески поощрял развитие коммерческих отношений с Русским государством[14]. В Дьеппе была создана коммерческая компания Жака Ива, лилльские торговые агенты добились создания в Нарве постоянного представительства, а парижские негоцианты навязали им серьезную конкуренцию[15].

Schmidt, "Les relations consulaires entre les villes hanséatiques et la France (XVIe–XVIIIe siècles)", in *La fonction consulaire à l'époque moderne. L'affirmation d'une institution économique et politique (1500–1800)*, éd. Jörg Ulbert and Gérard Le Bouëdec (Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2006), 211–258.

10 Негоцианты из нормандских Дьепа, Руана и Гавра, а также бретонских Сен-Мало и Роскофа были основными интересантами русско-французской торговли до и после «нарвского взятия». Тем не менее, в коммерции между Русским государством и Французским королевством участвовали также купцы из Парижа, Лилля, Орлеана, Ла-Рошели и Бордо: P. Dardel, "Les relations maritimes et commerciales entre la France, notamment les ports de Rouen et du Havre, et les ports de la mer Baltique, de 1497 à 1783", *Annales de Normandie*, no. 1 (1969): 29–57.

11 Конечно, русско-французская коммерция до захвата Нарвы русскими войсками осуществлялась не только через ганзейских негоциантов. Большое значение имело посредничество Датского королевства, которое серией договоров тесно было связано как с Русским государством, так и с Францией: М. Б. Бессуднова, *Русско-ганзейская торговля в первой половине XVI века* (Санкт-Петербург: Евразия, 2021), 76–80.

12 О товарных потоках русско-французской торговли в XVI в.: P. Jeannin, "L'économie française au milieu du XVIe siècle et le marché russe", *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*, no. 1 (1954): 23–43.

13 В. В. Шишкин, И. Шварц, *Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках* (Санкт-Петербург: Наука, 2021), 134.

14 Как отметил Ф. Бродель, «возможно, сами того не желая, государственные власти оказались самыми крупными предпринимателями своего века»: Ф. Бродель, *Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 2: Коллективные судьбы и универсальные сдвиги* (Москва: Языки славянской культуры, 2003), 127–128.

15 С. М. Рябов, «"Эта торговля весьма удобна и приносит огромную прибыль вашим подданным и успокоение вашему королевству": русско-французская коммерция в Нарве в условиях Балтийских войн 1560-х годов, *Средние века* 83, no. 1 (2022): 169–170.

Тем не менее, «нарвское плавание» на протяжении 1560-х гг. являлось не только прибыльным[16], но и достаточно опасным предприятием. На просторах Балтийского моря бушевала Северная семилетняя война (1563–1570), во время которой короли Дании и Швеции пошли на повышение торговых пошлин и таможенных сборов, шведские корабли нападали на плохо вооруженные суда западноевропейских негоциантов, а польские каперы, руководствуясь претворяемой в жизнь Сигизмундом II Августом концепцией «dominium maris Baltici», начали конфисковывать товары тех, кто плыл в русскую Нарву[17].

Французская корона видела выход из сложившегося положения в скорейшем прекращении боевых действий и начале мирных переговоров между воюющими сторонами, руководствуясь интересами сохранения своего влияния на севере Европы и поддержания безопасности балтийской торговли. Уже в декабре 1563 г. Карл IX Валуа (1560–1574) поручил французскому послу-резиденту в Дании Шарлю де Данзе сделать все возможное для примирения воюющих сторон[18].

В течение нескольких лет переговоры шли безуспешно, несмотря на активные попытки дипломата найти точки соприкосновения между Данией, Польшей и Любеком с одной стороны и Швецией – с другой[19]. Ситуация изменилась после свержения шведского короля Эрика XIV Васа (1560–1568) его братьями Юханом Финляндским и Карлом Сёдерманландским в 1568 г.[20] Новому монарху Юхану III (1568–1592) было необходимо стабилизировать внешнеполитическое положение королевства, чтобы сосредоточиться на борьбе с Русским государством[21]. Известно,

16 Как и французская корона, московская сторона была заинтересована в активном развитии русско-европейской торговли в Нарве, получая через нее, помимо других товаров, металлы, оружие и боеприпасы, ввозимые в ливонский порт в качестве контрабанды: Х. Граля, «“in der Tyrannen Hand”: Русская колонизация Ливонии во второй половине XVI в.: планы и результаты», *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, no. 2 (16) (2014): 175–193.

17 S. Bodniak, *Komisja Morska Zygmunta Augusta* (Gdańsk: Towarzystwo Przyjaciół Nauki i Sztuki w Gdańsku, 1931), 3–25; C. Lepszy, “La Pologne et la souveraineté sur la Baltique au milieu du XVIe siècle”, *Revue d’histoire économique et sociale* 40, no. 1 (1962): 33–35.

18 Hector de La Ferrière (éd.), *Lettres de Catherine de Médicis. T. II* (Paris, 1885), 117–118.

19 H. F. Rørdam, “Résidents français près la cour de Danemark au XVI siècle”, in *Extrait du Bulletin de l’Académie royale des sciences et des lettres du Danemark pour l’année 1897* (Copenhague: Imprimerie de F. Dreyer, 1898), 642.

20 А. Д. Щеглов, «Скандинавские страны в XV–XVI веках», в *Всемирная история. Т. 3: Мир в раннее Новое время*, ред. А. О. Чубарьян (Москва: Наука, 2011), 240–241.

21 С. М. Рябов, «Послание Юхана III французскому королю Карлу IX: новый источник по истории Балтийских войн второй половины XVI века», *Quaestio Rossica* 11, no. 3 (2023): 901–917.

что дела нового шведского государя на ливонском направлении складывались не лучшим образом. К лету 1570 г. между Иваном IV и братом датского короля Фредерика II (1559–1588) Магнусом Голштинским было достигнуто соглашение о создании вассального царю Ливонского королевства. На основании данного договора русская сторона рассчитывала на заключение военного союза с Данией[22]. Новый раунд противостояния на два фронта в случае успеха царских дипломатических планов грозил не только потерей шведским королем своих владений в Ливонии[23], но и самому существованию Швеции как независимого государства.

Впрочем, позиции Юхана III на международной арене в скором времени начали улучшаться. Будучи зятем Сигизмунда II Августа (1544–1572), шведский король взял курс на создание союза с Польшей и Великим княжеством Литовским: внешняя политика двух государей все более сближалась[24]. Война Швеции с Данией и Любеком, обескровившая все стороны конфликта, подходила к своему завершению. В послании царю от 5 апреля 1571 г. Фредерик II отказался от заключения русско-датского военного союза[25].

Окончание Северной семилетней войны и перспективы развития русско-французской торговли в первой половине 1570-х гг.

Штеттинский мир 1570 г., завершивший Северную семилетнюю войну, стал наивысшим успехом французской дипломатии на севере Европы во второй половине XVI в. Авторитет династии Валуа благодаря посреднической миссии Данзе явно возрос. Свою благодарность Карлу IX выразили в своих посланиях Фредерик II, Юхан III и Сигизмунд II Август[26].

22 Царская грамота к датскому королю Фредерику II от 26 сентября 1570 г. о назначении брата его, герцога Магнуса, королем Ливонии в качестве вассала (голдовника), в *Русская историческая библиотека. Т. XVI* (Санкт-Петербург, 1897), no. 24, 93–98.

23 Серьезным предостережением стала начавшаяся 2 сентября 1570 г. осада Ревеля войсками короля Магнуса.

24 Филюшкин, *Изобретая первую войну России и Европы*, 617.

25 Ю. Н. Щербачев, *Датский архив. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене, 1326–1690 гг.* (Москва, 1893), no. 258 (230), 75.

26 РНБ. ОР. Колл. П. П. Дубровского. Авт. 13, no. 2, 9, Авт. 62, no. 61; С. М. Рябов, «Послание Сигизмунда II Августа французскому королю Карлу IX Валуа: борьба за торговлю на Балтике при Иване Грозном», *Quaestio Rossica* 10, no. 4 (2022): 1485–1498; Рябов, «По-

О теплом отношении Любека к французскому королевскому двору свидетельствовал Данзе, ведший в 1567–1572 гг. переговоры о создании ганзейской фактории во Франции[27]. Главным для «наихристианнейшей» монархии достижением, очевидно, стали шведско-любекские соглашения, согласно которым Юхан III признал свободу «нарвского плавания» при условии отсутствия у плывущих в Нарву негоциантов контрабандных товаров (оружия и боеприпасов)[28].

Основанный на штеттинских договоренностях, а также на донесениях Данзе о датско-шведских планах по ведению совместной антипиратской политики на «Восточном море»[29], интерес французского купечества к прямой торговле с Русским государством возрос. Напрямую это отразилось в еще большем по сравнению с 1560-ми гг. скачке французского торгового трафика на Балтике в первой половине 1570-х гг.[30]

В связи с этим французской короне требовалось выработать план действий, нацеленный на сохранение, а в дальнейшем – расширение своего места на русском рынке. Такой план был разработан Данзе и впервые им сформулирован в письме королю от 15 июля 1571 г. Посол Карла IX писал о больших перспективах русско-французской торговли в случае ее расширения: по мысли дипломата, стоило не только развивать коммерческие контакты с Русским государством в Нарве, но и закрепиться на его Севере. Затем королю следовало «направить посольство к императору России», которое «весьма легко» добилось бы необходимых привилегий для французских негоциантов. Следующим шагом мыслилось создание коронной торговой компании по торговле с Московским царством, купцы которой должны были создать склады в Нарве и на Беломорье, а также оставить там своих агентов[31].

слание Юхана III французскому королю Карлу IX».

27 C.-F. Bricka, *Indberetninger fra Charles de Dançay til det franske hof om forholdene i Norden 1567–1573* (Kjøbenhavn, 1901), 108–111, 130–136.

28 J. Lavery, *Germany's Northern Challenge. The Holy Roman Empire and the Scandinavian Struggle for the Baltic, 1563–1576* (Boston: Brill Academic Publischers, Inc., 2002), 132.

29 Письмо Данзе королю от 2 апреля 1571 г.: Bricka, *Indberetninger fra Charles de Dançay til det franske hof om forholdene i Norden 1567–1573*, 120–124; Б. Виане, *Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году. Открытие Арктики французами в XVI веке* (Москва: Новое литературное обозрение, 2017), 351.

30 Согласно данным датской таможни, в 1574 г. Зундский пролив пересекло 74 французских торговых судна, что является наиболее высоким показателем за период 1560–1587 гг.: Jeannin, "L'économie française au milieu du XVIe siècle et le marché russe", 26.

31 Bricka, *Indberetninger fra Charles de Dançay til det franske hof om forholdene i Norden 1567–1573*, 130–136; Виане, *Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году*, 176, 359.

Если закрепление французских негоциантов на севере Русского государства и отправление посольства к царскому двору Данзе считал задачами, которые могли быть выполнены в ближайшее время без особых трудностей[32], то идея создания единой торговой компании его сильно беспокоила. Дипломат отмечал:

> «Нормандцы завидуют тому, что бретонцы и их соседи там торгуют; и все они не могут выносить ни парижан, ни жителей других городов, расположенных на Средиземном море. Мне довелось иметь с ними великие трудности из-за подобных разногласий. Когда им предлагают мудрые средства, коими немцы, англичане, голландцы и другие нации пользуются в чужеземных странах для безопасности и удобства своей торговли, они их очень хвалят и признают весьма полезными и необходимыми, но заставить их действовать подобным же образом нет надежды, Сир, разве что, если Вы отдадите приказ и используете свою власть. Вашему Величеству будет легко достигнуть этого, если Вы запретите, чтобы кто-либо торговал с русскими без Вашего разрешения или разрешения особого человека, которого Вы для этого назначите. Предусмотреть все необходимое для безопасности этой торговли очень легко. Главное, чтобы несколько добрых людей были избраны общим согласием купцов, и чтобы они постоянно жили в тех местах и заботились об общей пользе по обычаю других наций, а также правдиво сообщали Вашему Величеству обо всех происшествиях, которые там произойдут, могущих помешать или повредить торговле как общей, так и частной, чтобы Ваше Величество могли с большей уверенностью отдавать приказы. В противном же случае я предвижу, что ваши подданные будут в скором времени лишены этой торговли, которая выгодна и необходима всем, к негодованию всех соседних властителей»[33].

32 Послание французского короля русскому царю могло быть отправлено с помощью того или иного купца, плывущего в Нарву. Известно, что подданные Карла IX не раз использовались как им самим, так и монархами Дании, Швеции и Польши в качестве гонцов. Так, послание французского короля Сигизмунду II Августу от весны 1568 г. было доставлено негоциантом из Ньора Жаком Гуврие, а послание Эрику XIV – парижским торговцем Франсуа Ле Бре. Более того, французские купцы доставляли послания русскому царю: весной 1571 г. с письмами Фредерика II Датского к Ивану IV и Магнусу Ливонскому в Нарву отправился парижский негоциант Жан Моро (Людовиг Мориан): Bricka, *Indberetninger fra Charles de Dançay til det franske hof om forholdene i Norden 1567–1573*, 47, 134.

33 Виане, *Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году*, 360–361.

Впрочем, несмотря на дезорганизованность французских негоциантов[34], балтийская торговля с Русским государством в начале 1570-х гг. для них успешно развивалась. Шведское королевство, заметно ослабевшее после Северной семилетней войны и навязанных ему тяжелых штеттинских договоренностей[35], не могло активно препятствовать «нарвскому плаванию». Юхан III, заинтересованный к тому же в развитии шведско-французской коммерции[36], был вынужден прислушиваться к увещеваниям Карла IX, что запрет «нарвского плавания» «прямо противоречит всем давним договоренностям» между Францией и Швецией[37]. Каперский флот Польши и Великого княжества Литовского в данный период значительно ослаб, что было связано, очевидно, с тяжелыми для Сигизмунда II Августа последствиями русско-литовской войны 1561–1570 гг., обескровившей королевскую и великокняжескую казну[38]. Так, у французского королевского двора появилась надежда на превращение Балтийского моря из «mare clausum» в «mare liberum»[39]. Данзе в письме королю от 1 сентября 1571 г. писал:

34 Надо полагать, дезорганизованность французского купечества была вызвана не только фактором конкуренции между различными городами, но и религиозной принадлежностью того или иного негоцианта. Известно, что во время Гражданских войн во Франции гугенотские и католические каперы стали препятствовать торговле религиозных оппонентов, подрывая благосостояние городских купеческих корпораций: G. V. Scammell, *The World encompassed: The first European maritime empires, 800–1650* (Los Angeles: University of California Press, 1981), 436–441.

35 Юхан III, помимо признания свободы «нарвского плавания», был вынужден заплатить выкуп в размере 150 000 талеров за возвращение Эльвсборга, отказаться от церковной юрисдикции над Емтландом, согласиться на использование датским королем Фредериком II герба с тремя коронами, а также уступить свои ливонские владения за исключением Ревеля и окрестностей Вайсенштайна императору Максимилиану II Габсбургу: Lavery, *Germany's Northern Challenge*, 131.

36 3 мая 1572 г. были возобновлены шведско-французские договоренности о свободной торговле, заключенные 1 июля 1542 г., но прекращавшие свое действие во время Северной семилетней войны: AAE. CP. Suède. Traitté entre la France et la Suède du 1 Juillet 1542. Fol. 4–11; L. Delavaud, *Les Français dans le Nord. Notes sur les premières relations de la France avec les royaumes scandinaves et la Russie septentrionale depuis l'Antiquité jusqu'à la fin du XVIe siècle* (Rouen, 1911), 86.

37 Delavaud, *Les Français dans le Nord*, 85.

38 А. И. Филюшкин, «Русско-литовская война 1561–1570 и датско-шведская война 1563–1570 гг.», *История военного дела: исследования и источники*, no. 2 (2014): 220–289.

39 Подробнее о борьбе идей «mare clausum» и «mare liberum», а также о понятиях «морского суверенитета» и «территориализации» морей в раннее Новое время: Тешке, *Миф о 1648 годе*, 291.

> «Флибустьеры, которые имеются на этом Восточном море у короля Польши, продолжая грабить купцов, торгующих с Нарвой, захватили три месяца назад два датских корабля, груженных товарами, с которыми они вернулись из Нарвы. По этой причине король Дании отправил семь или восемь военных кораблей, чтобы найти этих флибустьеров, и три из них были захвачены <…>, спустя несколько дней тридцать три пирата были обезглавлены, а их капитаны четвертованы. Другие, кто находился на этих кораблях, увидев приближение датских судов, частью спаслись вплавь, частью ушли на маленьких кораблях. Как-то раз три небольших флибустьерских корабля решили напасть на группу торговых судов, возвращавшихся из Нарвы, среди которых было четыре или пять французских кораблей, один из которых, из Дьеппа, выступал в роли адмиральского. Они внезапно окружили эти три флибустьерских корабля, потопили их и убили большинство людей, которые на них находились. [Таким образом] <…> у короля Польши нет больших сил на море <…>»[40].

Не смогли пошатнуть позиции французского купечества на Балтике события Варфоломеевской ночи 24 августа 1572 г., несмотря на негативное отношение к парижской резне как датского, шведского и польского дворов, так и русского царя. В итоге все стороны предпочли сохранить дружелюбные связи с домом Валуа, заинтересованные в дальнейшем обоюдовыгодном строительстве межгосударственных отношений[41].

Более того, французский королевский двор в 1572 г. смог надеяться на колоссальное увеличение своего влияния на севере Европы и Балтийском море. В письме королю от 31 августа 1572 г. Данзе сообщил, что встретился с двумя шведскими дворянами, которые огласили ему свои сомнения по поводу возможности династии Васа управлять королевством. Они предложили дипломату донести их слова Карлу IX, прикрепив их просьбой прислать в Шведское королевство нового монарха в случае свержения Юхана III. В противном случае, если французский король не поддержит их мятежные планы, заговорщики грозили обратиться к другим заинтересованным сторонам, намекая, очевидно, на

40 Виане, *Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году*, 368.

41 С. М. Рябов, А. И. Попович, «Варфоломеевская ночь 1572 г. глазами Ивана Грозного: в поисках идеала христианского правления», в *Герменевтика древнерусской литературы* 22 (Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2023), 492–514.

королеву Елизавету I Тюдор и царя Ивана IV. Известно, что интересы английской короны на севере Европы и Балтийском море выходили далеко за пределы коммерческих связей, представляя из себя сложную дипломатическую игру[42]. Русский государь, в свою очередь, уже пытался принять участие во внутриполитических событиях в Шведском королевстве, освободив из заключения Эрика XIV и вновь посадив его на трон с помощью русских войск[43]. Опасаясь вмешательства иностранных государей, Данзе, в ответ на предложение шведских дворян, пообещал передать их слова своему монарху[44].

Зимой 1573 г. французский дипломат встретился с главой заговора – французским дворянином на службе шведского короля Шарлем де Морне, сеньором де Варенном, который попросил Данзе рассказать Карлу IX о своих верноподданнических чувствах, а также высказал свою готовность сослужить ему покорнейшую службу «каким-нибудь добрым делом», когда возникнет такая возможность. Насчет мятежных планов де Варенн сообщил, что приготовления зашли уже слишком далеко, чтобы смочь прекратить данное предприятие[45].

Данзе, в свою очередь, решил принять непосредственное участие в заговоре и поспособствовать успеху проекта свержения Юхана III и воцарения династии Валуа на шведском престоле. В письме королю от 27 февраля 1573 г. он отметил:

---

42 W. Kirchner, "England and Denmark, 1558–1588", *The Journal of Modern History* 17, no. 1 (1945): 1–15; M. Karlsson, "Three Letters of Proposal from Erik XIV of Sweden to Elizabeth I of England: Edited with Introduction", *Humanistica Lovaniensia* 58 (2009): 81–101; А. А. Киселев, «Король Густав I Ваза и Тюдоры: зарождение англо-шведских отношений», *Электронный научно-образовательный журнал «История»* 12, no. 1 (99) (2021), https://history.jes.su/s207987840013514–4–1/ (Дата доступа: 3.01.2022).

43 Весной 1571 г. в Москву с тайным посланием от заключенного в Абоском замке Эрика XIV прибыл толмач Григорий Янс (Йонс Ульссон). Свергнутый монарх просил Ивана IV послать войска для его освобождения. Царь в ответном послании от апреля 1571 г. сообщал, что готов «на всю Свѣскую землю меч свой послати», а самого Эрика XIV «жаловати как будет по-пригожу». Царская грамота была передана с тем же Григорием Янсом, который был схвачен стражниками. Вскоре Эрик XIV был переведен из Абоского замка в Кастельхольм на Аландских островах, а пойманного толмача предали суду за измену: F. Ödberg, *Om stämplingarna mot konung Johan III åren 1572–1575* (Stockholm, 1897), 7–8; Н. С. Демкова, «Грамоты Ивана Грозного шведским королям Эрику XIV и Иоганну III (По рукописям Шведского государственного архива)», в *Труды Отдела древнерусской литературы* 50 (Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1996), 495–496.

44 Bricka, *Indberetninger fra Charles de Dançay til det franske hof om forholdene i Norden 1567–1573*, 160–166.

45 Письмо Данзе королю от 27 февраля 1573 г.: Bricka, *Indberetninger fra Charles de Dançay til det franske hof om forholdene i Norden 1567–1573*, 172–179.

> «Если бы Вы сегодня привели к преданности Шведское королевство, то стали бы владыкой большей части Севера меньше, чем через год. Поэтому, если бы король Испании и Нидерландов, а также королева Англии узнают об этом, я не сомневаюсь, что они всеми силами начнут препятствовать этому, ибо кто бы ни был королем Швеции, он сможет чинить им препятствия и причинять всевозможный ущерб»[46].

Так, перед французской короной, находящейся к тому же в союзнических отношениях с датским двором[47], открывались перспективы контроля балтийской торговли. В следующем письме монарху, от 2 июня 1573 г., дипломат предложил план захвата шведского престола. Де Варенн с позволения Карла IX, но без его официального разрешения должен был нанять во Франции 3000 солдат, после чего – расположить их вблизи резиденций Юхана III. В заранее оговоренный час по приказу заговорщиков наемники обязались приступить к аресту шведского короля. Затем, после захвата власти восставшими, планировалось направить гонца к французскому двору с посланием, в котором должна была содержаться просьба прислать в Швецию нового правителя[48].

Однако избрание Генриха Анжуйского королем Польши и великим князем Литовским в мае 1573 г. заставило Карла IX и Екатерину Медичи отказаться от данного предприятия. Помимо того, что провал проекта мог ввергнуть Французское королевство в войну со Швецией, неудача заговорщиков поставила бы под вопрос коронацию принца Валуа в Кракове: сословия Речи Посполитой в условиях противоборства с Русским государством явно не были заинтересованы в боевых действиях против Юхана III, женатого к тому же на Екатерине Ягеллонке, сестре умершего летом 1572 г. Сигизмунда II Августа. К тому же французскому двору могла понадобиться помощь шведского короля в случае необходимости отправления Генриха Анжуйского в Польшу морем, минуя

46 Bricka, *Indberetninger fra Charles de Dançay til det franske hof om forholdene i Norden 1567–1573*, 179.

47 С. М. Рябов, «Эволюция датско-французских отношений: от “осени Средневековья” к раннему Новому времени», *Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки*, no. 1 (2024) (*в печати*).

48 Bricka, *Indberetninger fra Charles de Dançay til det franske hof om forholdene i Norden 1567–1573*, 182–188. Согласно посланию Екатерины Медичи Данзе от 15 апреля 1573 г. в случае успеха предприятия в качестве шведского короля планировался ее младший сын Франсуа де Валуа, герцог Алансонский: Baguenault de Puchesse (éd.), *Lettres de Catherine de Médicis. T. 10* (Paris, 1909), 313.

земли Габсбургов[49]. В своем письме Юхану III от 16 октября 1573 г. третий сын Екатерины Медичи благодарил его за предоставления гарантий безопасного морского прохода, заверив также в искренней и крепкой дружбе[50].

Расчет французского королевского двора оказался верен: через год планы шведских дворян-заговорщиков были раскрыты, а их глава, Шарль де Морне, казнен 4 сентября 1574 г.[51] Тем не менее, планы по усилению влияния Валуа в северной Европе и улучшению положения французских негоциантов на Балтике не были забыты. Не исключено, что именно под давлением французской стороны в «Генриховы артикулы», условия избрания Генриха Анжуйского на польско-литовский престол, был включен пункт о польско-французском совместном контроле за балтийской торговлей[52]. В условиях ослабления позиций Речи Посполитой на море и при должном протекторстве нового ее монарха, французский торговый трафик мог увеличиться в разы[53].

Русско-французская торговля на Балтике в условиях усиления нарвской блокады со стороны Шведского королевства во второй половине 1570-х гг.

Как известно, французским планам в Польском королевстве и Великом княжестве Литовском не суждено было сбыться. 30 мая 1574 г. в Венсеннском замке скончался Карл IX, и Генрих Анжуйский бежал из Речи Посполитой, чтобы стать королем Франции.

---

49 В итоге Максимилиан II предоставил свободный проезд Генриху Анжуйскому, опасаясь ухудшения отношений с Речью Посполитой и войны с османским султаном, союзником французского королевского двора.

50 BnF. Ms. Fr. 5145. Fol. 213; Pierre Champion, Michel François (éds.), *Lettres de Henri III, roi de France. T. I* (Paris: Librairie C. Klincksieck, 1959), 311.

51 W. Odelberg, "Charles de Mornay et la cour de Suède", *Bulletin de la Société de l'Histoire du Protestantisme Français* 99 (1952): 30.

52 Филюшкин, *Первое противостояние России и Европы*, 187.

53 Одновременно с этим в Копенгагене Данзе конструировал план польско-шведско-французского альянса, который, согласно рассуждениям посла, должен был еще более усилить влияние Валуа на севере Европы. Однако нежелание французского королевского двора втягиваться в конфликт с Русским государством, заключение перемирия между Речью Посполитой и Иваном IV летом 1573 г., а также желание Карла IX и Екатерины Медичи сохранить дружеские отношения с Данией, по-прежнему враждебной к шведской короне, не позволили послу развить данный проект: Bricka, *Indberetninger fra Charles de Dançay til det franske hof om forholdene i Norden 1567–1573*, 211–214, 222–226.

Такое решение нового французского монарха подорвало влияние двора Валуа в Польше. Безопасность балтийской торговли для подданных «наихристианнейшего» короля вновь оказалась под угрозой. В связи с этим Екатериной Медичи и Данзе в конце 1574 – начале 1575 гг. был разработан план женитьбы Генриха III (1574–1589) на Елизавете Шведской, сестре Юхана III. Планировавшийся матримониальный союз, очевидно, мог позволить сохранить позиции французской короны на севере Европы, а также обезопасить будущие плавания ее негоциантов от постепенно нараставшей мощи шведского флота. Одновременно с этим Генрих III в письме от 15 октября 1574 г. поспешил заверить шведского короля в сохранении искренней дружбы между двумя странами[54].

Однако матримониальные планы королевы-матери и дипломата потерпели неудачу. В разгар переговоров в Стокгольме, которые зимой 1575 г. вел государственный секретарь Клод Пинар, французское посольство было извещено о заключении брака между Генрихом III и Луизой Лотарингской. Делегация была вынуждена со скандалом покинуть Шведское королевство[55]. Вскоре Юхан III в ряде своих посланий Данзе явно дал понять, что дружеское отношение дома Васа к Валуа подорвано[56]. Это незамедлительно сказалось на действиях шведского флота по отношению к французским негоциантам.

Несмотря на попытки Генриха III восстановить дружеские отношения со шведским престолом[57], на протяжении второй половины 1570-х

54 BnF. Ms. Fr. 3304. Fol. 11; Pierre Champion, Michel François (eds.), *Lettres de Henri III, roi de France. T. II* (Paris: Librairie C. Klincksieck, 1965), 45–46.

55 Шишкин, Шварц, *Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках*, 133–142; A. Richard, *Un diplomate poitevin du XVI siècle: Charles de Danzay, ambassadeur de France en Danemark* (Poitiers, 1910), 114–118.

56 В ярких выражениях сильную обиду Юхана III на решение французского короля описал Данзе в письме Себастьяну де л'Обеспину от 12 апреля 1575 г. Здесь же дипломат предложил план женитьбы Франсуа де Валуа, герцога Алансонского, и Елизаветы Васа, который в новых условиях развития шведско-французских отношений был проигнорирован как Генрихом III, так и Екатериной Медичи: L. Paris, *La chronique de Nestor, traduite en français, accompagnée de notes et d'un recueil de pièces inédites touchant les anciennes relations de la Russie avec la France. T. I* (Paris, 1834), 335–374.

57 Весной 1575 г. Юхан III был посвящен в кавалеры французского рыцарского ордена святого Михаила с дарованием золотой цепи ордена, о чем в письме от 20 мая 1575 г. шведского монарха уведомил Генрих III: BnF. Mélanges Colbert, no. 16. Fol. 528; Champion, François, *Lettres de Henri III. T. II*, 155. Известно, что практика дарования рыцарского ордена государю другой страны для поддержания дружеских отношений практиковалась домом Валуа и ранее. Так, в 1561 г. такой чести удостоился датский король Фредерик II: РНБ. ОР. Колл. П. П. Дубровского. Авт. 13, no. 1; Рябов, «Эволюция датско-французских отношений».

гг. редкое письмо Данзе королю и Екатерине Медичи обходилось без упоминания захваченных кораблями Юхана III французских судов. Торговля с Русским государством в Нарве все более закрывалась для подданных Валуа.

Так, в письме королю от 1 июля 1575 г. Данзе сообщил, что шведами было захвачено торговое судно «Единорог», принадлежащее Жаку Граву из дьепской компании. Посол просил монарха поспособствовать освобождению негоцианта и добиться возвращения его товаров[58]. По трагической случайности, по причине закрытия пути через Ригу, на французский корабль в Нарве село посольство Ивана IV к Максимилиану II в составе сына боярского Никона Ушакова и его толмача Федора Филиппова, переодетых в «немецкое платье»[59]. Их сопровождали отпущенные из Москвы дипломатические представители императора: Григорий Вестфалус и сын Магнуса Паулюса, неоднократно выполнявшего дипломатические поручения в контактах между Русским государством и Священной Римской империей, Лукас[60]. Если подданных Генриха III и Максимилиана II по ходатайству Данзе шведы довольно быстро освободили[61], то судьба Никона Ушакова и Федора Филиппова оставляла желать лучшего. Просидев в заключении в Финляндии, а затем в Вестеросском замке более года, толмач после просьбы императора и протеста царя в июне 1576 г. вернулся в Русское государство, но Никон Ушаков, по-видимому, скончался: после 1576 г. сведения о нем исчезают[62].

---

58 “Correspondance de Charles Dantzai, ministre de France a la Cour de Danemarck”, in *Handlingar rörande Skandinaviens Historia. Vol. XI* (Stockholm, 1824), 100–104; Виане, *Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году*, 164, 375.

59 Очевидно, данное обстоятельство указывает на секретность миссии Ивана IV. Никон Ушаков вез послание русского царя от 10 января 1575 г., в котором обговаривалась координация действий в случае избрания польским королем и великим князем Литовским Федора Иоанновича или эрцгерцога Эрнста Габсбурга с целью не допустить на престол Речи Посполитой Стефана Батория: К. Ю. Ерусалимский (ред.), *Дипломатическая переписка Ивана Грозного (1533–1584). Т. I. Кн. 1: Священная Римская империя и страны Европы* (Санкт-Петербург: Наука, 2023), 250–259.

60 Сам Магнус Паулюс предпочел отправиться домой по суше: Ерусалимский, *Дипломатическая переписка Ивана Грозного (1533–1584). Т. I. Кн. 1*, 259.

61 «Единорог» был освобожден вместе с командой тогда же, в июле 1575 г., как и дипломатические представители императора: Ерусалимский, *Дипломатическая переписка Ивана Грозного (1533–1584). Т. I. Кн. 1*, 259; К. Ю. Ерусалимский, И. Шварц, «Миссия Ждана Квашнина в Священной Римской империи: к истории российско-имперских отношений XVI века», *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, no. 1 (2018): 78.

62 Ерусалимский, *Дипломатическая переписка Ивана Грозного (1533–1584). Т. I. Кн. 1*, 259.

В депеше королю от 27 сентября 1575 г. Данзе, поблагодарив Генриха III за письмо Юхану III в защиту арестованного шведами купца из Дьепа Жака Ле Приера, писал, что на обратном пути из Нарвы было остановлено судно «Борзая» еще одного дьепского купца – Андре Ваккера (Валькара). Корабль был отправлен в Ревель, а товары, находившиеся на нем, распроданы. Самому купцу благодаря заступничеству Данзе удалось вернуться во Францию невредимым и рассказать о своих происшествиях королю[63].

В том же письме посол отмечал:

> «Я немедленно написал королю Швеции и обсудил с господином Эриком[64] можно ли найти какое-либо средство, чтобы Ваши подданные могли отныне свободно торговать в Нарве с согласия короля Швеции, соблюдая какое-нибудь справедливое условие, прежде чем можно будет найти более удобное решение этого вопроса. Дело в том, Сир, что эта торговля чрезвычайно важна и очень выгодна Вашим подданным, но на пути в Нарву или из Нарвы им постоянно чинят обиды и грабеж шведы. <…>. Соль никогда не стоила в этих краях дороже, нежели сейчас, особенно бруажская. Многие охотно послали бы за ней корабли в этом году, но они боятся, что в этом году ее удастся доставить не в большем количестве, чем год назад, а также что если они пошлют за ней, их корабли будут захвачены или задержаны <…>. Я предвижу, Сир, что в этом году будет практически невозможно добраться до Нарвы»[65].

С течением времени ситуация лишь ухудшалась. В письме королю от 28 февраля 1578 г. Данзе акцентировал внимание на игнорировании шведским двором просьб французской короны о возвращении товаров и имущества дьепских купцов[66]. Генрих III и его посол раз за разом просили шведского монарха предоставить французским негоциантам свидетельства на право плавания судов на Балтике для торговли в Нарве, обещая заплатить за них, но Юхан III хранил ледяное молчание[67].

---

63 Correspondance de Charles Dantzai, 108–112; Виане, *Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году*, 164, 378.

64 Глава риксрода, вице-канцлер и канцлер в годы правления Юхана III.

65 Виане, *Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году*, 165.

66 BnF. Ms. Fr. 2812. Fol. 44; Виане, *Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году*, 380.

67 Так, например, шведским королем было проигнорировано послание Генриха III от 16 апреля 1577 г., в котором французский монарх просил предоставить его подданным

Не лучшим образом дела складывались у русского царя. В мае 1579 г. король Речи Посполитой Стефан Баторий (1575–1586) отправил послание Ивану IV, в котором сообщил, что отказывается от соблюдения перемирия, а также заявил, что он будет «чинить» то, что «пригоже государю христианскому», что означало объявление войны[68]. В то же время русской стороне не удалось прийти к заключению союзного соглашения с Датским королевством[69].

Оказавшись к началу 1580-х гг. в состоянии обширных боевых действий, а также в рамках дипломатической изоляции, Русское государство в скором времени начнет терять захваченные в Ливонии земли. Одной из таких потерь станет взятие Нарвы шведскими войсками под командованием Понтуса Делагарди и Класа Эрикссона Флеминга осенью 1581 г. Прямая русско-французская коммерция на Балтике была прекращена. Поданные «наихристианнейшего» монарха вынуждены были искать новый путь сообщения с торговыми представителями русского царя. В первой половине 1580-х гг. им станет пространство Беломорья, где французские негоцианты смогут закрепиться и начнут успешно развивать «северную коммерцию».

Archival Documents

AAE. CP [Archives of the Ministry of Foreign Affairs. Political Correspondence]. Sweden. Treaty between France and Sweden of July 1, 1542 Fol. 4–11.
BnF. Ms [The National Library of France. Manuscripts Department]. Fr. 2812. Fol. 44.
BnF. Ms. Fr. 3304. Fol. 11, 17.
BnF. Ms. Fr. 5145. Fol. 213.
BnF. Ms. Mélanges Colbert, no. 16. Fol. 528.
RNB. OR [National Library of Russia. Manuscripts Department]. P. P. Dubrovsky's Collection. Autograph 13, no. 1.
RNB. OR. P. P. Dubrovsky's Collection. Autograph 13, no. 2.
RNB. OR. P. P. Dubrovsky's Collection. Autograph 13, no. 9.
RNB. OR. P. P. Dubrovsky's Collection. Autograph 62, no. 61.

«свободный проход и плавание в Нарву» в обмен на торговые привилегии шведским негоциантам во Франции: BnF. Ms. Fr. 3304. Fol. 17; Виане, *Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году*, 168; Шишкин, Шварц, *Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках*, 135.

68 М. Погодин, Д. Дубенский (ред.), *Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского* (Москва, 1843), 42–47.

69 Послание Фредерика II Ивану IV от 4 августа 1579 г.: Щербачев, *Датский архив*, no. 419 (375), 115.

References

Annaly ekonomicheskoi i sotsial'noi istorii. Izbrannoe [Annals of Economic and Social History: Selected] (Moskva: Izdatel'skii dom «Territoriia budushchego», 2007).

Lucien Bély, *L'art de la paix en Europe: Naissance de la diplomatie moderne XVIe–XVIIIe siècle* [The Art of Peace in Europe: The Birth of Modern Diplomacy in the 16th–18th Century] (Paris: Presses Universitaires de France, 2007).

M. B. Bessudnova, "'Unusual Trade' as a Factor in the Modification of Russian-Hanseatic Relations in the 15th – Early 16th Century", *Memoirs of NovSU*, no. 5 (23) (2019): 1–7. https://doi.org/10.34680/2411-7951.2019.5(23).1

M. B. Bessudnova, *Russko-ganzeiskaia torgovlia v pervoi polovine XVI veka* [Russian-Hanseatic Trade in the First Half of the 16th Century] (St Peterburg: Evraziya, 2021).

Stanisław Bodniak, *Komisja Morska Zygmunta Augusta* [Maritime Commission of Sigismund Augustus] (Gdańsk: Towarzystwo Przyjaciół Nauki i Sztuki w Gdańsku, 1931).

F. Braudel, *Sredizemnoe more i sredizemnomorskii mir v epokhu Filippa II. Ch. 2: Kollektivnye sud'by i universal'nye sdvigi* [The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II. Vol. 2: Collective Destinies and General Movements] (Moskva: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2003).

Carl Frederick Bricka, *Indberetninger fra Charles de Dançay til det franske hof om forholdene i Norden 1567–1573* [Reports from Charles de Dançay to the French Court About Conditions in the Nordic Region 1567–1573] (Kjøbenhavn, 1901).

Pierre Champion, Michel François (éd.), *Lettres de Henri III, roi de France. T. I* [Letters from Henry III, King of France. Vol. I] (Paris: Librairie C. Klincksieck, 1959).

Pierre Champion, Michel François (éd), *Lettres de Henri III, roi de France. T. II* Letters from Henry III, King of France. Vol. II] (Paris: Librairie C. Klincksieck, 1965).

S. Conrad, *Shto takoe global'naia istoriia?* [What is Global History?] (Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018).

"Correspondance de Charles Dantzai, ministre de France a la Cour de Danemarck" [Correspondence of Charles Dantzai, Minister of France at the Court of Denmark], in *Handlingar rörande Skandinaviens Historia. Vol. XI* (Stockholm, 1824).

Pierre Dardel, "Les relations maritimes et commerciales entre la France, notamment les ports de Rouen et du Havre, et les ports de la mer Baltique, de 1497 à 1783" [Maritime and Commercial Relations Between France, Especially the Ports of Rouen and Le Havre, and the Ports of the Baltic Sea, from 1497 to 1783], *Annales de Normandie*, no. 1 (1969): 29–57. https://doi.org/10.3406/annor.1969.5008

Louis Delavaud, *Les Français dans le Nord. Notes sur les premières relations de la France avec les royaumes scandinaves et la Russie septentrionale depuis l'Antiquité jusqu'à la fin du XVIe siècle* [The French in the North: Notes on the Early Relations of France with the Scandinavian Kingdoms and Northern Russia from Antiquity until the End of the 16th Century] (Rouen, 1911).

N. S. Demkova, "Gramoty Ivana Groznogo shvedskim koroliam Eriku XIV i Iogannu III (Po rukopisiam Shvedskogo gosudarstvennogo arkhiva)" [Letters from Ivan the Terrible to the Swedish Kings Eric XIV and John III (Based on Manuscripts from the Swedish State Archives)], in *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* 50 (St Peterburg: Dmitrii Bulanin, 1996), 488–500.

A. I. Filyushkin, *Izobretaia pervuiu voinu Rossii i Evropy: Baltiiskie voiny vtoroi poloviny XVI v. glazami sovremennikov i potomkov* [Inventing Russia's and Europe's First War: The Baltic Wars of the Second Half of the 16th Century through the Eyes of Contemporaries and Descendants] (St Peterburg: Dmitrii Bulanin, 2013).
A. I. Filyushkin, "Russko-litovskaia voina 1561–1570 i datsko-shvedskaia voina 1563–1570 gg." [The Russian-Lithuanian War of 1561–1570 and the Danish-Swedish War of 1563–1570.], *Istoriia voennogo dela: issledovaniia i istochniki*, no. 2 (2014): 220–289.
Hieronim Grala, "'In der Tyrannen Hand': Russian Colonization of Livonia in the Second Half of the 16th Century: Plans and Results", *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, no. 2 (16) (2014): 175–193.
Pierre Jeannin, "L'économie française au milieu du XVIe siècle et le marché russe" [The French Economy in the Middle of the 16th Century and the Russian Market], *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*, no. 1 (1954): 23–43. https://doi.org/10.3406/ahess.1954.2237
K. Jerusalimski (ed.), *Diplomaticheskaia perepiska Ivana Groznogo (1533–1584). T. I. Kn. 1: Sviashchennaia Rimskaia imperiia i strany Evropy* [Diplomatic Correspondence of Ivan the Terrible (1533–1584). Vol. I. Book 1: The Holy Roman Empire and the Countries of Europe] (St Peterburg: Nauka, 2023).
K. Jerusalimski, I. Schwarcz, "Zhdan Kvashnin's Mission to the Holy Roman Empire: A Study of Russian-Imperial Diplomatic Relations", *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, no. 1 (2018): 71–104. https://doi.org/10.21638/11701/spbu19.2018.103
Magnus Karlsson, "Three Letters of Proposal from Erik XIV of Sweden to Elizabeth I of England: Edited with Introduction", *Humanistica Lovaniensia* 58 (2009): 81–101.
Walther Kirchner, "England and Denmark, 1558–1588", *The Journal of Modern History* 17, no. 1 (1945): 1–15. https://doi.org/10.1086/236870
A. Kiselev, "King Gustav I Vasa and the Tudors: The Origins of Anglo-Swedish Relations", *Istoriia* 12, no. 1 (99) (2021), https://history.jes.su/s207987840013514–4–1/ (Accessed January 10, 2022). https://doi.org/10.18254/S207987840013514-4
Hector de La Ferrière (éd.), *Lettres de Catherine de Médicis. Vol. II* [The Letters of Catherine de' Medici. Vol. II] (Paris: Imprimerie nationale, 1885).
Jason Lavery, *Germany's Northern Challenge: The Holy Roman Empire and the Scandinavian Struggle for the Baltic, 1563–1576* (Boston: Brill Academic Publischers, Inc., 2002). https://doi.org/10.1163/9789004475700
Casimir Lepszy, "La Pologne et la souveraineté sur la Baltique au milieu du XVIe siècle" [Poland and Sovereignty over the Baltic in the Mid-16th Century], *Revue d'histoire économique et sociale* 40, no. 1 (1962): 32–47.
D. V. Mazarchuk, "New Diplomatic History: Formation, Research Directions and Perspectives", *Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, Humanitarian Series* 66, no. 3 (2021): 283–292. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-3-283-292
Pierre Nevejans, *Le prince et le diplomate: étude de la réception diplomatique dans l'Europe de la Renaissance* [The Prince and the Diplomat: A Study of Diplomatic Reception in Renaissance Europe] (Lyon: Université Jean Moulin Lyon III, 2015).
Fridolf Ödberg, *Om stämplingarna mot konung Johan III åren 1572–1575* [Concerning the Plots Against King Johan III in the Years 1572–1575] (Stockholm, 1897).
Wilhelm Odelberg, "Charles de Mornay et la cour de Suède" [Charles de Mornay and the Court of Sweden], *Bulletin de la Société de l'Histoire du Protestantisme Français* 99 (1952): 21–31.

Louis Paris, *La chronique de Nestor, traduite en français, accompagnée de notes et d'un recueil de pièces inédites touchant les anciennes relations de la Russie avec la France. T. I* [The Chronicle of Nestor, Translated into French, Accompanied by Notes and a Collection of Unpublished Documents Concerning the Ancient Relations between Russia and France. Vol. I] (Paris, 1834).
M. Pogodin, D. Dubenskii (eds.), *Kniga posol'skaia Metriki Velikogo kniazhestva Litovskogo* [A Book of Ambassadorial Metrics of the Grand Duchy of Lithuania] (Moscow, 1843).
Baguenault de Puchesse (éd.), *Lettres de Catherine de Médicis. T. 10* [The Letters of Catherine de' Medici. Vol. 10] (Paris, 1909).
Alfred Richard, *Un diplomate poitevin du XVI siècle: Charles de Danzay, ambassadeur de France en Danemark* [A Poitevin Diplomat of the 16th Century: Charles de Danzay, Ambassador of France to Denmark] (Poitiers, 1910).
Holger Frederik Rørdam, "Résidents français près la cour de Danemark au XVI siècle" [French Residents at the Court of Denmark in the 16th Century], in *Extrait du Bulletin de l'Académie royale des sciences et des lettres du Danemark pour l'année 1897* (Copenhague, 1898).
Russkaia istoricheskaia biblioteka. T. XVI [Russian Historical Library. Vol. 16] (St Petersburg, 1897).
S. Ryabov, ""This Trade is Very Convenient and Brings Great Profit to Your Subjects and Appeasement to Your Kingdom": Russian-French Commerce in Narva in the Context of the Baltic Wars of the 1560s", *Srednie veka* 83, no. 1 (2022): 164–181. https://doi.org/10.7868/S0131878022010093
S. M. Ryabov, "Danish-French Relations: From the 'Autumn of the Middle Ages' to the Early Modern Period", *Izvestiia Uralskogo federalnogo universiteta. Seriia 2. Gumanitarnye nauki*, no. 1 (2024) (*in print*).
S. Ryabov, "A Letter from John III Vasa to King Charles IX of France: A New Source for the History of the Baltic Wars in the Second Half of the 16th Century", *Quaestio Rossica* 11, no. 3 (2023): 901–917. https://doi.org/10.15826/qr.2023.3.825
S. Ryabov, "A Letter from Sigismund II Augustus to King Charles IX of France: Trade Struggle in the Baltic under Ivan the Terrible", *Quaestio Rossica* 10, no. 4: 1485–1498. https://doi.org/10.15826/qr.2022.4.742
S. M. Ryabov, A. I. Popovich, "St. Bartholomew's Day Massacre through the Eyes of Ivan the Terrible: in Search of the Ideal of Christian Authority", in *Hermeneutics of Old Russian Literature* 22 (Moscow, IWL RAS Publ., 2023), 492–514. https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-492-514
G. V. Scammell, *The World Encompassed: The First European Maritime Empires, 800–1650* (Los Angeles: University of California Press, 1981).
Burghart Schmidt, "Les relations consulaires entre les villes hanséatiques et la France (XVIe–XVIIIe siècles)" [Consular Relations between the Hanseatic Cities and France (16th–18th Centuries)], in *La fonction consulaire à l'époque moderne. L'affirmation d'une institution économique et politique (1500–1800)*, éd. Jörg Ulbert and Gérard Le Bouëdec (Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2006), 211–258. https://doi.org/10.4000/books.pur.7779
A. D. Shcheglov, "Skandinavskie strany v XV–XVI vekakh" [Scandinavian Countries in the 15th and 16th Centuries], in *Vsemirnaia istoriia. T. 3: Mir v rannee Novoe vremia* (Moskva: Nauka, 2011), 229–241.

Yu. N. Shcherbachev, *Datskii arkhiv. Materialy po istorii drevnei Rossii, khraniashchiesia v Kopengagene, 1326–1690 gg.* [The Danish Archive: Materials on the History of Ancient Russia, kept in Copenhagen, 1326–1690] (Moscow, 1893).
V. V. Shishkin, I. Schwarcz, *Frantsuzskoe korolevstvo i Russkoe gosudarstvo v XI–XVI vekakh* [The French Kingdom and the Russian State in the 11th–16th Centuries] (St Peterburg: Nauka, 2021). http://doi.org/10.7868/9785020405011
E. F. Shmurlo, *Kurs russkoi istorii. T. II. Rus' i Litva* [The Course of Russian History. Vol. 2. Russia and Lithuania] (St Peterburg: Aletheia, 1999).
B. Teschke, *Mif o 1648 gode: klass, geopolitika i sozdanie sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii* [The Myth of 1648: Class, Geopolitics and the Making of Modern International Relations] (Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2019).
B. Vianey, *Puteshestvie Zhana Sovazha v Moskoviiu v 1586 godu. Otkrytie Arktiki frantsuzami v XVI veke* [The Journey of Jean Sauvage to Muscovy in 1586] (Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017).
I. Wallerstein, *Mir-sistema Moderna. T. I. Kapitalisticheskoe sel'skoe khoziaistvo i istoki evropeiskogo mira-ekonomiki v XVI veke* [The Modern World-System. Vol. 1: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century] (Moskva: Russkii fond sodeistviia obrazovaniiu i nauke, 2016).
T. S. Willan, "The Russia Company and Narva, 1558–81", *The Slavonic and East European Review* 31, no. 77 (June 1953): 405–419.

И. О. ТЮМЕНЦЕВ

КАЗАКИ И ИНОЗЕМНЫЕ СОЛДАТЫ ПОД ЗНАМЕНАМИ САМОЗВАНЦЕВ В СМУТНОЕ ВРЕМЯ НАЧАЛА XVII СТОЛЕТИЯ[1]

THE COSSACKS AND FOREIGN SOLDIERS UNDER THE BANNERS OF IMPOSTORS IN THE TIME OF TROUBLES OF THE EARLY 17TH CENTURY

The article is devoted to clarifying the relationship between the Cossacks and foreign soldiers in the military campaigns of False Dmitry I and False Dmitry II during the Time of Troubles in Russia in the early 17th century. Foreign mercenaries made up the bulk of False Dmitry I`s army at the beginning of the invasion of Russia. The Ukrainian Cossacks were hired by Jerzy Mniszech; they supposedly played a supporting role. Jerzy Mniszech and the impostor's mercenaries departed from Russia after an unsuccessful siege of Novgorod-Seversky fortress; later their army was reinforced by twelve thousand military personnel mainly consisting of the Zaporozhian and other rebellious serving Cossacks. The Don army swore allegiance to the impostor after the mutiny near Kromy during the triumphal march on Moscow. At that time, foreign soldiers acted as the impostor's guard; however, they did not play a major role in the Uprising of Bolotnikov. The main driving force was the part of the service class that showed up. Free Cossack troops – the Don, Zaporozhye, Yaitsky and most of the Tersk – did not take part in the Uprising of Bolotnikov. The foreign army appeared under the banners of the "miraculously saved Tsar Dmitry" immediately after False Dimitri II was proclaimed Tsar. In the spring of 1608, Prince Roman Rozhinsky`s foreign soldiers seized the leadership of the rebel movement and used the Bolotnikov Cossacks to suppress popular uprisings in the Zamoskovye and Pomeranian cities. After the invasion of King Sigismund III Vasa`s troops and the subsequent collapse of the Tushino camp, tensions between the mercenaries and the Cossacks escalated into open clashes. The small foreign army formed in the imposter's Kaluga camp clearly played a subordinate role, and after the death of False Dmitry II they finally left the scene. By the summer of 1611, the foreign soldiers who had returned to the service of the king and the Russian Cossacks who had been actively involved in the Zemstvo militia had finally become irreconcilable enemies.

Keywords: The Time of troubles of the early 17th century, False Dmitry I., False Dmitry II., the Cossacks and foreign mercenaries in the impostors` camps

Igor O. Tyumentsev – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. E-mail: tijumencev@mail.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8762-9308

---

1 The article was written during the implementation of research Gr. No. AAAAA-A2—120122990111-96 "The population of the Lower Don in interethnic and intercultural communications: history and modernity".

Citation: I. O. Tyumentsev, "Kazaki i inozemnye soldaty pod znamenami samozvantsev v smutnoe vremia nachala XVII stoletiia" [The Cossacks and Foreign Soldiers under the Banners of Impostors in the Time of Troubles of the Early 17th Century], *RussianStudiesHu* 6, no. 1 (2024): 69–80. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2024.6.4

Об отношениях казаков и иноземных солдат в походах самозванцев Смутного времени начала XVII вв. исследователи обычно судят по их поздним повестям, сказаниям, летописям и сочинениям иностранцев. Анализ документов того времени свидетельствует, что в действительности их взаимоотношения были не простыми и пережили сложную эволюцию.

Поход Лжедитрия в Россию. В советской литературе сложилось мнение, что вторжение первого самозванца в Россию было подготовлено правящими кругами Речи Посполитой и являлось «скрытой интервенцией»[2]. В действительности, выступая в поход из Самбора, Лжедмитрий I имел всего 2 тыс. солдат и 1 тыс. казаков. Реальную помощь самозванцу оказал магнат-католик Ю. Мнишек с братом, сыновьями и прочими родственниками, которые затеяли экспедицию в Россию на свой страх и риск вопреки запретам властей Речи Посполитой[3]. Попытки «царевича» получить помощь у запорожцев и донцов провалились[4].

3 (13) октября 1604 г. «царевич» выступил из Киева уже с 5 тыс. наемников с 2 тыс. казаков. Под знамена самозванца помимо наемников собрались реестровые казаки и примкнувшие к ним местные простолюдины. Они были уряжены на три полка: Белешко (Мелешко), Куцько и Швайковского. В авангарде войска шел полк Белешко (Мелешко), в котором служил приятель самозванца по Гоще арианин Я. Бучинский[5]. Гетман запорожцев Яков Недородич и запорожцы остались в Сечи.

На пограничье отряды «запорожцев» пополнились за счет украинских и русских служилых и вольных казаков и достигли 3 тыс[6]. Победа Ю. Мнишека и самозванца над правительственным войском кн. Ф. И. Мстиславского у Новгорода Северского оказались «пирровой», т. к.

---

2 И. О. Тюменцев, «К вопросу о «скрытой интервенции» Речи Посполитой Против России», *Studia Slavica Et Balcanica Petropolitana*, no. 1 (2012): 31–54.

3 Р. Г. Скрынников, *Самозванцы в России в начале XVII в.: Григорий Отрепьев* (Новосибирск: Наука, 1987), 151–165; В. И. Ульяновский, *Россия в начале Смуты: Очерки социально-политической истории: В 2 ч.* (Киев: УМК ВО, 1993), Ч. 1., 80–84.

4 В. Доманицкий, «Новый документ 1604 года о самозванце», *Киевская старина*, no. 1 (1899): 11–12; П. Пирлинг, *Россия и папский престол.* Перевод с французского В. П. Потемкина. (М.: Современные проблемы, 1912), 18–41; F. Nowakowski, *Zródła do dziejów polskich* (Berlin, 1841). T. 2., 65–70.

5 С. Борша, «Поход Московского царя Дмитрия с Сендамирским воеводой Юрием Мнишек и другими лицами из рыцарства 1604 г.», *Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией* (СПб., 1872. Т. 1). Стб. 367–369.

6 «Б. Болтин» (Записки), в Попов А, *Сборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции* (М., 1869), 321–379.

наемное войско взбунтовалось из-за невыплаты жалования и ушло в Речь Посполитую. Следом уехал «на сейм» Ю. Мнишек[7]. Самозванца спасли запорожцы. Кн. А. Вишневецкий по степным шляхам Дикого Поля в обход Украины привел 4 тыс. казаков. Слуга Ю. Мнишека А. Рожнятовский отметил, что общая численность «запорожцев» 8 тыс. человек[8]. Затем к неописуемой радости «царевича» прибыли еще 4 тыс. запорожцев, что совпадает с численностью отряда старшины Скалозуба[9]. По подсчетам Д. И. Эварницкого теперь в «запорожском войске» стало 8 тыс. конницы и 4 тыс. пехоты[10].

«Царевич» и его новый гетман А. Дворжецкий, пополнив свое войско запорожцами, дали сражение правительственной армии у Добрыничей 20 января 1605 г. и потерпели сокрушительное поражение. Взбешенные гибелью многих товарищей запорожцы искали «царевича», чтобы казнить, но он убежал в Рыльск, а затем в Путивль. Запорожцы ушли из России вслед за наемниками. У самозванца осталось лишь 500 запорожцев-ариан[11] [Борша, 1875, стб. 387– 388; Белокуров, 1907, 2, 238; ССДС, 1859, с. 166; РИБ, 1909, стб. 726]. В походе Лжедмитрия I на Москву Запорожское войско не участвовало.

На этот раз Лжедмитрия I спасли воспротивившиеся решению Войскового Круга вольные донские казаки и восставшие служилые казаки Полевых городов, которых к самозванцу привели атаман Андрей Корела и старец Леонид Крипецкий – около тысячи человек. Этих сил самозванцу едва хватило, чтобы оказать помощь осажденному гарнизону Кром. Смерть царя Бориса Годунова и мятеж в правительственной армии у Кром склонили чашу весов в пользу самозванца. Лжедмитрий I триумфатором въехал в Москву, приняв до этого в Туле атамана Войска Донского С. Чертенского вперед делегации Боярской Думы. Запорожское войско и присяги «царю Дмитрию» не приносило. Из оставшихся у него иноземцев он сформировал личную гвардию, которая

7 С. Борша, Указ. Соч. Стб. 385.

8 *Дневник Марины Мнишек*. Отв. ред. Д. М. Буланин; Пер. с польск., предисл. и коммент. В. Н. Козлякова (СПб.: Изд-во Д. Буланин, 1996). (Studiorum slavicorum monumenta. Т. 9), 29.

9 *Сказания современников о Дмитрие Самозванце* (М., 1859), Ч. 1. 162; Ч. 2. 14.

10 Д. И. Эварницкий, *История запорожских казаков в 3-х т* (СПб.: Тип. Скороходова, 1895), Т. 2. 179–180.

11 С. А. Белокуров, *Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.)* (М., 1907), 2., 238.; *Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени*. Сост. С. Ф. Платонов (СПб., 1909), (Русская историческая библиотека. Т.13). Стб. 726; С. Борша, Указ. Соч. Стб. 387–388.

почти вся погибла или попала в плен во время восстания москвичей 17 (27) мая 1606 г[12].

В восстаниях Истомы Пашкова и Ивана Болотникова в России иноземные солдаты и запорожцы не участвовали из-за рокоша 1606-1607 гг. в Речи Посполитой. Войско Донское, как установил А. Л. Станиславский, получив жалование от царя Василия Шуйского, от участия в движении И. И. Болотникова воздержалось[13]. Значительная часть терских казаков еще до гибели Лжедмитрия I, выбрав самозванного царевича Лжепетра, двинулась вверх по Волге на помощь царю в борьбе против «лихих бояр». Затем, после гибели «царя Дмитрия» казачий отряд перебрался с Волги на Дон, поднявшись вверх по реке, чем в немалой степени способствовал восстанию И. Пашкова в Ельце. Наконец осенью 1607 г., пробившись на Северщину Северским Донцом, казачье войско Лжепетра попыталось помочь И. И. Болотникову и северским повстанцам, но было вместе с ним разгромлено[14].

Летом 1607 г. ветерану движения Лжедмитрия I, атаману-болотниковцу – Ивану Заруцкому и белоруским шляхтичам-участникам похода на Москву первого самозванца во главе с Мацеем Меховецким с большим трудом удалось организовать появление Лжедмитрия II в Белоруссии. В день объявления самозванца в Стародуб Северский прибыло наемное войско М. Меховецкого, что свидетельствует об организации новой самозванческой интриги ветеранами повстанческого движения: северскими служилыми людьми, казаками и рядовыми наемными солдатами[15]. Зимой 1607-1608 гг. новый самозванец Лжедмитрий II получил помощь от вольных казаков. Отряд запорожцев присоединился к самозванцу в Брянске 2 (12) октября 1607 г. Однако после капитуляции повстанческой армии И.И. Болотникова в Туле 10 (20) октября 1608 г. запорожцы его бро-

12 Р. Г. Скрынников, Указ соч., 88–155; И. О. Тюменцев, «Лжедмитрий I и вольные казаки Днепра, Дона, Терека и Яика», *Вестник Южного научного центра РАН*, no. 4 (2006): 81–89.; И. О. Тюменцев, «Иноземное войско Лжедмитрия I в 1604-1605 гг.», в *Российское государство в XVI – начале XVII века: сборник статей к 70-летию Андрея Павловича Павлова*. Сост. А. И. Раздорский; науч ред. Д. В. Лисейцев, П. В. Седов (СПб; М.: Старая Басманная, 2022), 81–95.

13 А. Л. Станиславский, *Гражданская война в России в начале XVII ст.: Казачество на переломе истории* (М.: Мысль, 1990), 24.

14 И. О. Тюменцев, «Елецкое восстание 1606 года в истории Смуты», *Quaestio Rossica*, no. 2 (2014): 147–150.; И. О. Тюменцев, «Начальный этап восстания И. И. Болотникова», v *Казачество России: прошлое и настоящее: сб. статей* (Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008), 33–53.

15 И. О. Тюменцев, *Смутное время в России начала XVII ст.: движение Лжедмитрия II* (М.: Наука, 2008), 127–168.

сили и ушли. Погребицкие казаки появились у Лжедмитрия II в конце 1607 г., когда прибыл «полковник» Ян Велегловский с 12 хоругвями и «царевичем Федором Федоровичем»[16]. Тем временем в стан «царика», так самозванца называли современники, один за другим стали прибывать «казачьи царевичи» с Поля. Это были небольшие отряды, ядро которых составляли вольные донские и терские казаки, которые использовали опыт Лжепетра и его товарищей по преодолению войскового запрета. В России эти отряды обрастали служилыми людьми по прибору и боевыми холопами. Но не эти люди руководили движением самозванца. Прощенный царем Василием Шуйским и посланный осаждать Калугу предводитель северских повстанцев Ю. Беззубцев с 4 тыс. заборских казаков вновь «изменил» и явился к Лжедмитрию II. Примечательно, что вскоре самозванец издал закон о холопах, которым разрешалось брать к себе жен и дочек помещиков – приверженцев В. Шуйского и обретать опять статус служилого человека. В свое время И. И. Болотников грозился реализовать эту меру. Повстанцы теперь перешли от слов к делу. Поначалу Лжедмитрий II принимал своих мнимых родственников с распростертыми объятиями, но, как только кн. Р. Н. Ружинский и его солдаты захватили власть в Орловском лагере, всех казацких царевичей казнили[17].

В начале 1608 г. в Орловском лагере Лжедмитрия II собралось около 3 тыс. запорожцев [Moskwa, 1995, s. 40–41]. В начале осени 1608 г. они были уряжены на 4 полка: полк Грица (700), Ростенецкого (500), Повидзавского (700), Лиса (150) - всего 2050 чел. Русские казаки вошли в состав полков А. И. Лисовского (5-6 тыс. чел) и И. М. Заруцкого (4 тыс. чел)[18]. Все эти полки в наемное войско не входили и подчинялись напрямую гетману кн. Р. Н. Ружинскому. Это были полки служилых казаков, которые управлялись своими полковниками и служилыми казаками. Источники не содержат никаких сведений о войсковом или полковом казачьем куге[19] [Круг].

16 *Moskwa w rękach polaków. Pamiętniki dowódców i oficerów garnizonu polskiego w Moskwie w latach 1610–1612*. Wybór i oprac. M. Kubala (Varsoviae, 1995), 36–37, 414–415.

17 И. О. Тюменцев, *Смутное время*, 133–134, 184, 257.

18 Отдел рукописей Львовской научной библиотеки Национальной академии наук Украины. Ф. 5. № 168; №. 5998 /III. Л. 323; *Moskwa w rękach polaków*, 32.

19 И. О. Тюменцев, Н. А. Тупикова, Н. Е. Тюменцева, «Новые документы о казаках на службе у Лжедмитрия II в 1608-1610 годах», в *Научное наследие профессора А. П. Пронштейна и актуальные проблемы исторической науки (к 100-летию со дня рождения выдающегося российского ученого): Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции г. Ростов-на-Дону, 22–23 марта 2019 г.* Отв. ред. Д. П. Исаев, Д. В. Сень, М. Е. Шалак (Ростов-на-Дону: Альтаир, 2019), 138–149.

Осенью 1608 г. «донцы» и «запорожцы» входили в небольшой отряд Петра Головича и обрусевшего шведа, торговца из Ярославля Тимофея Бьюгова (Лауренса Биугге), который разгромил и разграбил Ростов Великий и привёл к присяге жителей Замосковных и Поморских городов[20]. Казаки переняли много из того, что делали наемники. Так же как полки иноземного войска они получили в приставства: А. Лисовский – Владимирский, И. Заруцкий – Тотемский уезды. Волости этих уездов взяли себе в приставства «на прокорм» казачьи станицы. В Замосковье отдельные казачьи отряды вышли из повиновения тушинских властей. Атаман Федор Наливайко с запорожцами и татарами во Владимирском уезде, который был отдан в приставство («кормление») полку А. Лисовского, «многих людей побил, дворян и детей боярских, до смерти, а жон и детей позорили и в полон имали...». Владимирский «воровской» воевода «боярин» М. И. Вельяминов собрал местных дворян, привлек расквартированную во Владимире роту Я. Соболевского и отряд наемников во главе с панами А. Приклонским и М. Окульским. Разбойники были разгромлены, а их предводитель схвачен и казнен. В конечном счете, тушинским властям удалось сбить волну грабежей и насилия, полностью остановить грабежи они не смогли. В марте 1609 г. пан А. Крупка со своей ротой людей «побивали на смерть и грабили»[21].

В ноябре 1608 г. кн. Р. Ружинский направил из Тушина к Новгороду Великому «полковника» Яна Кернозицкого во главе около 2 тыс. «степных» казаков и 4 тыс. русских тушинцев. Среди подчиненных Я. Кернозицкого упоминается полковник Гриц и в большом числе запорожские казаки. Кн. М. В. Скопину-Шуйскому пришлось сесть в осаду[22]. В начале декабря 1608 г. запорожцы пана Чижа численностью в 1 тыс. человек захватили Дорогобуж и намеревались уговорить смолян сдаться. Од-

20 К. Буссов, *Московская хроника 1584–1613 гг.* Пер. с нем. Е. И. Бобровой; Ред. С. А. Акулянц (М.; Л.: Изд-во. АН СССР, 1961), 154; *Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 годов. Тексты, переводы, комментарии*. Под ред. И. О. Тюменцева (Волгоград: Изд-во Волгогр. фил. РАНХиГС, 2012), 207–208., 352; *Дневник Яна Петра Сапеги* (1608–1611 гг.). Сост. И. О. Тюменцев, М. Яницкий, Н. А. Тупикова, А. Б. Плотников (М.; Варшава: Древлехранилище, 2012) (Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. 9), 68–73.

21 *Русский архив Яна Сапеги*, 34, 274, 276–277, 282, 405.

22 ЛНБ Ф. 5. № 168. Л. 540; *Временник Ивана Тимофеева*. Подгот. к печати, пер. и коммент. О. А. Державиной; Ред. В. П. Андрианова-Перетц (М.; Л.: Изд-во. АН СССР, 1951). (Серия Литературные памятники), 103–105; *Бельский летописец*, 250; *Новый летописец*, 85; Ю. Видекинд, *История десятилетней шведско-московской войны XVII в.* (М.: Памятники исторической мысли, 2000), 41.

нако, отряд смолян кн. Я. П. Барятинского и С. Одадурова разгромил Чижа[23].

В конце осени 1608 г. непомерные поборы с посадских и крестьян Замосковья, Поморья и Новгородской земли через традиционную налоговую систему и через учрежденные наемниками и солдатами «приставства», спровоцировали народное восстание против тушинских властей в Замосковных и Поморских городах. Кн. Р. Н. Ружинский и Я. Сапега направили против повстанцев карательные отряды А. И. Лисовского и др., которые состояли из «донцов» и «запорожцев». Каратели огнем и мечом прошли по Замосковью, но восстановить свою власть в Поморье и Новгородской земле тушинцы уже не смогли. А. Лисовский со своими воинами безуспешно отвоевывал Владимир, Ярославль, Кострому, пока наплавная рать нижегородцев не разгромила его во время переправы через Волгу[24]. До брошенных наемниками казаков, многие из которых были болотниковцами начало доходить, что иноземцы без зазрения совести используют их кровь и пот в корыстных интересах. Одни стали проситься у Лжедмитрия II в отпуск, другие уезжали самовольно, ссылаясь на явление им Сергия Радонежского, грозившего им карой за богопротивное дело[25].

Упорная борьба отрядов земских ополчений с тушинцами в Замосковье и Поморье помогла М. В. Скопину-Шуйскому выстоять и отогнать полковника Я. Кернозицкого и запорожских казаков от Новгорода Великого[26]. В мае 1609 г. воевода с правительственными отрядами и шведским экспедиционным корпусом перешел в наступление и нанес тяжелые поражения Я. Кернозицкому с запорожцам у Старой Русы, Торжка и Торопца. Кн. Р. Н. Ружинский оправил из Тушина войско во главе с полковником Александром Зборовским и «боярином и слугой» кн. Г. П. Шаховским. Гетман в письмах от имени самозванца буквально умолял Я. П. Сапегу прийти на помощь к А. Зборовскому, Я. Кернозицкому и кн.

---

23 *Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией*: В 5 т. (СПб., 1841. Т. 2), 161–162; *Дневник Яна Петра Сапеги*, 38–41; *Повесть о победах Московского государства*. Подгот. текста, коммент. Г. П. Енина (Л.: Изд-во АН СССР, 1982. Серия Литературные памятники), 8.

24 И. О. Тюменцев, *Смутное время в России начала XVII ст*. 328–438, 438–485.

25 *Русский архив Яна Сапеги*, 62–63; 377–379; И. О. Тюменцев, Н. А. Тупикова, Н. Е.Тюменцева, «Новые документы о казаках...»; *Сказание Авраамия Палицына* (М.; Л.: АН СССР, 1955), 149, 182–183.

26 *Бельский летописец*, 250; *Новый летописец*, 85; Н. Almkvist, *Sverge och Rysland förbundet mot Polen, 1595–1611* (Uppsala, 1907), 128–141.

Г. П. Шаховскому[27], но «полковник» из-за неудачного штурма Троицы опоздал. Тверское сражение 11–12 (21–23) июля 1609 г. закончилась тяжелым поражением тушинцев, но оказалось «пирровой» победой. Солдаты шведского экспедиционного корпуса оказались западноевропейскими наемниками. Они, так же как их восточно-европейские коллеги взбунтовались и потребовали жалование за одержанную победу. Денег у кн. М. В. Скопина-Шуйского не было, поэтому мятежники бросили его у Твери и ушли на Валдай. Отсюда большая часть солдат вернулась в Европу. Молодому воеводе ничего не оставалось как отступить за Волгу, в Казязин монастырь, где он из отрядов земского ополчения сформировал правительственную армию в 20 тыс. человек и разгромил тушинцев в Замосковье. Вырвавшись из Твери, А. Зборовский с наемниками ушел к Я. П. Сапеге к Троице, а кн. Г. П. Шаховский и Я. Кернозицкий – в Вязьму[28].

Осенью 1609 г. польский король Сигизмунд III вторгся в Россию и предъявил свои права на Московский престол. Он потребовал, чтобы наемники оставили самозванца и явились в его войско[29]. Кн. Р. Ружинский и тушинские наемники сначала потребовали, чтобы король покинул Россию и не лишал их «заслуженных» денег. Я. Сапега и его солдаты в свою очередь попытались переложить долги самозванца на короля. Запорожцы Я. Велегловского и др. отказались присоединиться к конфедерации наемников и вернулись на королевскую службу без всяких условий. Дело в том, что Запорожская Сечь приняла решение участвовать в походе Сигизмунда III в Россию и послала многочисленное войско под Смоленск. К огорчению короля и его советников Я. Кернозицкий смог увести часть запорожцев к «царику»[30].

Во время распада Тушинского лагеря Лжедмитрий II бежал в Калугу. Следом двинулась большая часть русского тушинского войска, включая казаков И. Заруцкого. Полковник убедил кн. Р. Ружинского остановить служилых людей и казаков. Между наемниками и русскими служилыми людьми произошло настоящее сражение, которое привело к многочисленным жертвам среди русских. В ответ казаки устроили кровавую

27 *Русский архив Яна Сапеги*, 51–52, 54–57.

28 И. О. Тюменцев, *Смутное время в России*, 486–533.

29 Б. Н. Флоря, *Польско-литовская интервенция в Россию и русское общество* (М.: Индрик, 2005), 102–137.

30 *Stokholm. Riksarkivet. Skoklostersamlingen. Polska brev*. E8597 и E8604; К. Буссов, Указ. Соч., 162.

баню иноземцам. В некоторых городах разрыв между наемниками и русскими тушинцами: служилыми людьми и казаками, был налицо[31].

Летом 1610 г. Лжедмитрий II собрал новое войско в Калуге и пригласил Я. Сапегу стать гетманом. По данным Ю. Будилы, наемное войско было уряжено на четыре полка: Гетманский (Яна Сапеги) – 300 казаков, 600 пятигорцев и 100 гусар; А. Хруслинского – 200 казаков, 600 пятигорцев, 200 гусар; С. Тышкевича – 100 казаков, 600 пятигорцев, 200 гусар; Й. Будилы - 400 казаков, 600 пятигорцев и 200 гусар[32]. В дневнике Я. Сапеги упоминаются также два полка запорожцев Костенецкого и Дуршлака, по каким-то причинам не учтенные мозырским хорунжим[33]. Средняя численность запорожских полков составляла примерно 500–600 человек [РИБ, 1871, стб. 713-716], можно предположить, что в наемном войске было не более 1 тыс. запорожцев. Данных о численности русской части войска найти не удалось.

В начале 1610 г. «запорожцы», перешедшие на сторону короля, вторглись на Северщину и стали громить приверженцев самозванца. В марте 1610 г. они штурмом взяли Стародуб Северский, в конце марта – Почеп, а затем Чернигов [SRSPB. E. 8597; РИБ, 1871, стб. 570–571]. В апреле 1610 г. запорожцы Богушевский и Ганченко убедили жителей Новгорода Северского целовать крест королевичу Владиславу [SRSPB. E. 8597; РИБ, 1871, стб. 587]. В начале мая 1610 г. присягнули королевичу жители Рославля [SRSPB. E. 8597; РИБ, 1871, стб. 570–571.]. К лету 1610 г. запорожцы лишили Лжедмитрия II главной базы его движения – Северщины.

Летом 1610 г. после разгрома коронным гетманом С. Жолкевским правительственного войска кн. Д. И. Шуйского у Клушина, Лжедмитрий II и Я. Сапега предприняли второй поход на Москву, который, как и первый, закончился полным провалом. Семибоярщина убедила импровизированный земский собор и москвичей избрать на царство польского королевича Владислава, обещая людям скорый мир. Польский гарнизон был введен в Москву. Самозванец вновь бежал в Калугу, бросив свое войско. Сапежинцы вступили в переговоры с королем

31 И. О. Тюменцев, *Смутное время в России начала XVII ст.*, 486–534.

32 ЛНБ. Ф. 5. № 5998/III, л. 323–324; *Поход его королевского величества в Москву 1609 г.* РИБ (СПб., 1871. Т. 1.) Стб. 713–716; *Moskwa w rękach polaków*, 443–444.

33 *Дневник Яна Петра Сапеги*, 196–205; Żółkiewski S., *Początek i progres wojny moskiewskiej* (Warszawa, 1966), 122, 124; *Moskwa w rękach polaków*, 160–161.

об условиях возвращения на службу, русская часть войска либо ушла в столицу, либо потянулась за «цариком» в Калугу[34].

Осенью 1610 г., новый «гетман» самозванца Валентий Валевский смог собрать в войско Лжедмитрия II около 1 тыс. иноземцев. Запорожцев среди них не было. В войске преобладали русские повстанцы. Занятые приверженцами самозванца уезды России захлестнула волна террора, которая предопределила гибель самозванца 11 (21) декабря 1610 г. Между бывшими наемниками, вернувшимися на королевскую службу и казаками, которых вновь возглавил «боярин» И. Заруцкий пролегла пропасть[35]. Бывшие наемники приняли участие в попытке завоевания России Речи Посполитой, русские казаки (не без колебаний) – в движении земских ополчений и борьбе с польско-литовским вторжением[36]. Иную позицию заняли запорожцы. Все войско Запорожское в полном составе во главе с гетманом Петром Конашевичем Сагайдачным приняло участие в завоевательном походе королевича Владислава на Москву, который закончился полным провалом и привел к окончанию Смуты в России.

References

Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissiei: v 5 t. [Historical Acts Collected and Published by the Archaeographic Commission] (SPb., 1841. T. 2), 161–162.

H. Almkvist, *Sverge och Rysland förbundet mot Polen, 1595–1611* [Sweden and Russia Allied against Poland, 1595–1611] (Uppsala, 1907).

S. A. Belokurov, *Razriadnye zapisi za Smutnoe vremia (7113–7121 gg.)* [Rank Records for the Time of Troubles (7113–7121)] (M., 1097).

«Bel›skii letopisets» [Belsky Chronicler], v *Polnoe sobranie russkikh letopisets* (M., 1978. T. 34), 238–271.

«B. Boltin» (Zapiski) [B. Boltin (Notes], in A. Popov, *Izbornik slavianskih i russkikh sochinenii i statei, vnesennykh v khronografy russkoi redaktsii* (M., 1869), 321-379.

S. Borsha, «Pokhod Moskovskogo tsaria Dmitriia s Sendamirskim voevodoi Iuriem Mnishek i drugimi litsami iz rytsarstva 1604 g.» [The Campaign of Moscow Tsar Dmitry with Sendomir Voivode Yuri Mniszech and Other Figures from the Knighthood in 1604], *Russkaia istoricheskaia biblioteka, izdavaemaia Arkheograficheskoi komissiei* (SPb., 1872. T. 1.), Stb. 367-369.

34 И. О. Тюменцев, *Смутное время в России начала XVII ст.*, 534–572.

35 Там же.

36 И. О. Тюменцев, «Казаки в движении земских ополчений России 1611–1612 годов», *Вестник ВолГУ.*, Сер. 4. Том 24. no. 4 (2019): 8– 20.

K. Bussov, *Moskovskaia khronika 1584–1613 gg.* [Chronicle of Moscow, 1584–1613] Per. s nem. E. I. Bobrovoi; Red. S. A. Akuliants (M.; L.: Izd-vo. AN SSSR, 1961).
Dnevnik Iana Petra Sapegi (1608–1611 gg.) [The Diary of Jan Piotr Sapieha (1608–1611)] sost. I. O. Tiumencev, M. Janitskii, N. A. Tupikova, A. B. Plotnikov (M.; Varshava: Drevlekhranilishche, 2012) (Pamiatniki istorii Vostochnoi Evropy. Istochniki XV–XVII vv. T. 9).
Dnevnik Mariny Mnishek [The Diary of Marina Mniszech] Otv. red. D. M. Bulanin; Per. s. pol'sk., predisl. i komment. V. N. Kozliakova (SPb.: Izd-vo D. Bulanin, 1996) (Studiorum slavicorum monumenta. T. 9).
V. Domanitskii, «Novyi dokument 1604 goda o samozvantse» [The New Document of 1604 about the Pretender], *Kievskaia starina*, no. 1 (1899): 11-12.
D. I. Evarnitskii, *Istoriia zaporozhskikh kazakov v 3-kh t* [A History of the Zaporozhian Cossacks in 3 Volumes] (SPb.: Tip. Skorokhodova, 1895), T. 2. 179–180.
B. N. Floria, *Pol'sko-litovskaia interventsiia v Rossiiu i russkoe obshchestvo* [The Polish-Lithuanian Intervention in Russia and Russian Society] (M.: Indrik, 2005).
Moskwa w rękach polaków. Pamiętniki dowódców i oficerów garnizonu polskiego w Moskwie w latach 1610–1612 [Moscow in Polish Hands: Memoirs of Commanders and Officers of the Polish Garrison in Moscow during the Years 1610–1612] Wybór i oprac. M. Kubala (Varsoviae, 1995).
«Novyi letopisets» [New Chronicler], v *Polnoe sobranie russkikh letopisets* (SPb., 1910. T. 14).
F. Nowakowski, *Zródła do dziejów polskich* [Sources for Polish History] (Berlin, 1841). T. 2., 65–70.
Otdel rukopisei L'vovskoi nauchnoi biblioteki Nacional'noi akademii nauk Ukrainy [Manuscript Department of the Lviv Scientific Library of the National Academy of Sciences of Ukraine] F. 5. no. 168; no. 5998 /III. L. 286.
Pamiatniki drevnei russkoi pis'mennosti, otnosiashchiesia k Smutnomu vremeni [Monuments of Ancient Russian Writing Related to the Time of Troubles] Sost. S. F. Platonov (SPb., 1909) (Russkaia istoricheskaia biblioteka. T.13).
P. Pirling, *Rossiia i papskii prestol* [Russia and the Papal Throne] Perevod s frantsuzskogo V. P. Potemkina (M.: Sovremennye problemy, 1912).
Pokhod ego korolevskogo velichestva v Moskvu 1609 g. [The Campaign of His Royal Highness to Moscow in 1609] RIB (SPb., 1871. T. 1.), Stb. 427–720.
Povest' o pobedakh Moskovskogo gosudarstva [A Tale of the Victories of the Moscow State] Podgot. teksta, komment. G. P. Enina (L.: Izd-vo AN SSSR, 1982) (Serija Literaturnye pamiatniki).
Russkii arkhiv Iana Sapegi 1608–1611 godov. Teksty, perevody, kommentarii [The Russian Archive of Jan Sapieha, 1608–1611: Texts, Translations, Comments] Pod red. I. O. Tiumentseva (Volgograd: Izd-vo Volgogr. fil. RANKHiGS, 2012).
Skazaniia sovremennikov o Dmitrie Samozvantse [Accounts of Contemporaries about False Dmitry] (M., 1859), Ch. 1. 162; Ch. 2. 14.
R. G. Skrynnikov, *Samozvantsy v Rossii v nachale XVII v.: Grigorii Otrep'ev* [The Pretenders in Russia in the Early 17th Century: Grigory Otrepyev] (Novosibirsk: Nauka, 1987).
A. L. Stanislavskii, *Grazhdanskaia voina v Rossii v nachale XVII ct.: Kazachestvo na perelome istorii* [Civil War in Russia in the Early 17th Century: Cossacks at the Turning Point of History] (M.: Mysl', 1990), 24.

Stokholm. Riksarkivet. Skoklostersamlingen. Polska brev [Stockholm. National Archives. Skokloster Collection. Polish Letters]
I. O. Tiumentsev, «Eletskoe vosstanie 1606 goda v istorii Smuty» [The Yelets Uprising of 1606 in the History of the Time of Troubles], *Quaestio Rossica*, no. 2 (2014): 147–150.
I. O. Tiumentsev, «Inozemnoe voisko Lzhedmitriia I v 1604–1605 gg.» [The Foreign Army of False Dmitry I in 1604–1605], v *Rossiiskoe gosudarstvo v XVI – nachale XVII veka: sbornik statei k 70-letiiu Andreia Pavlovicha Pavlova.* Sost. A. I. Razdorskii; nauch. red. D. B. Liseitsev, P. V. Sedov (SPb.; M.: Staraia Basmannaia, 2022), 81–95.
I. O. Tiumentsev, «K voprosu o «skrytoi interventsii» Rechi Pospolitoi Protiv Rossii» [Thoughts on the Question of the "Hidden Intervention" of the Polish-Lithuanian Commonwealth against Russia], *Studia Slavica Et Balcanica Petropolitana*, no. 1 (2012): 31–54.
I. O. Tiumentsev, «Kazaki v dvizhenii zemskikh opolchenii Rossii 1611-1612 godov» [Cossacks in the Movement of Zemstvo Militias in Russia (1611–1612)], *Vestnik VolGU*. Ser. 4. Tom 24. no. 4 (2019): 8–20. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.1
I. O. Tiumentsev, «Lzhedmitrii I i volnye kazaki Dnepra, Dona, Tereka i Iaika» [False Dmitry I and the Free Cossacks of the Dnieper, Don, Terek, and Yaik," Bulletin of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], *Vestnik Iuzhnogo nauchnogo* tsentra RAN, no. 4 (2006): 81–89. https://doi.org/10.23885/1813-4289-2006-2-4-81-88
I. O. Tiumentsev, «Nachal'nyi etap vosstaniia I. I. Bolotnikova» [The Initial Stage of the Revolt of I.I. Bolotnikov], v *Kazachestvo Rossii: proshloe i nastoiashchee: sb. statei* (Rostov n/D.: Izd-vo IUNTS RAN, 2008), 33–53.
I. O. Tiumentsev, *Smutnoe vremia v Rossii nachala XVII st.: dvizhenie Lzhedmitriia II* [The Time of Troubles in Russia at the Beginning of the 17th Century: the Military Campaign of False Dmitry II] (M.: Nauka, 2008), 127–168.
I. O. Tiumentsev, N. A. Tupikova, N. E. Tiumentseva, «Novye dokumenty o kazakakh na sluzhbe u Lzhedmitriia II v 1608–1610 godakh» [New Documents about Cossacks in the Service of False Dmitry II in 1608–1610], v *Nauchnoe nasledie professora A. P. Pronshteina i aktual'nye problemy istoricheskoi nauki (k 100-letiiu so dnia rozhdeniia vydaiushchegosia rossiiskogo uchenogo): Materialy Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii g. Rostov-na-Donu, 22–23 marta 2019 g.* Otv. red. D. P. Isaev, D. V. Sen', M. E. Shalak (Rostov-na-Donu: Al'tair, 2019), 138–149.
V. I. Ul'ianovskii, *Rossiia v nachale Smuty: Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii: V 2 ch.* [Russia at the Beginning of the Time of Troubles: Essays on Socio-Political History: In 2 Parts] (Kiev: UMK VO, 1993).
Iu. Videkind, *Istoriia desiatiletnei shvedsko-moskovskoi voiny XVII v.* [History of the Ten-Year Russo-Swedish War in the 17th Century] (M.: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2000).
Vremennik Ivana Timofeeva [Chronicle of Ivan Timofeyev] Podgot. k pechati, per. i koment. O. A. Derzhavinoi; Red. V. P. Andrianova-Perets (M.; L.: Izd-vo. AN SSSR, 1951) (Serija Literaturnye pamjatniki).
S. Żółkiewski, *Początek i progres wojny moskiewskiej* [The Beginning and Progress of the Moscow War] (Warszawa, 1966).

BRIGITTA SCHVÉD

"TO PRESERVE THAT BALANCE OF POWER ON WHICH THE HAPPINESS AND PROSPERITY OF EUROPE DEPEND" – DISCOURSE ON THE FIRST PARTITION OF POLAND AND THE EUROPEAN BALANCE OF POWER IN LONDON NEWSPAPERS (1771–1774)[1]

Like most English press reports on the first partition of Poland, the author of an opinion piece from 1773, published in the *Public Advertiser* under the pseudonym "Tullius", believed that of the three powers dividing Poland, the Prussian interest could be the most dangerous both for the national interest of Britain and for the future of the European balance of power. It is significant that in almost all cases where the interests of Britain and the question of intervention were invoked in English opinion pieces, the defence of the continent's political balance appeared as a strong argument. Through a critical discourse analysis of relevant opinion pieces published in London newspapers between 1771 and 1774, I point out how the authors used similar or different balance-of-power rhetoric, while occasionally deeper, polemical balance-of-power discourse to reflect their views. I illustrate that the authors of these articles have applied the concept essentially in relation to the following three themes: (1) the "diabolical alliance" of the partitioning powers, (2) the issue of British intervention, and (3) the criticism of the idle British government. One of the main conclusions of my analysis is that the balance-of-power discourse is most prominent in relation to the third issue, sometimes even leading to a general questioning of the legitimacy of the contemporary balance-of-power policy.

Keywords: partition of Poland, balance of power, Britain, newspapers, political discourse, conceptual history

Brigitta Schvéd – PhD Candidate, University of Pécs. E-mail: brigittaschved@gmail.com. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1249-199X

---

1 This study is a written version of a lecture given at the conference "Imperial Expansion in Central Europe: The First Dismemberment of the Rzeczpospolita" at the Faculty of Humanities of Eötvös Loránd University on November 24, 2022, commemorating the 250th anniversary of the first partition of the Polish–Lithuanian Commonwealth. The periodical research was made possible by the Wacław Felczak Foundation's Jagiellonian Scholarship in 2020. I am grateful to Professor Michael G. Müller for the valuable comments he shared after reading the draft of my paper, as the context he provided helped in clarifying my results.

Citation: Brigitta Schvéd, "'To Preserve that Balance of Power on which the Happiness and Prosperity of Europe Depend' – Discourse on the First Partition of Poland and the European Balance of Power in London Newspapers (1771–1774)", *RussianStudiesHu* 6, no. 1 (2024): 81–107. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2024.6.5

DOI: 10.38210/RUSTUDH.2024.6.5

Introduction

One of the very first English-language newspapers to report on the plans for the partition of Poland – almost a year and a half before the first partition treaty was concluded in August 1772 – was, unusually, the *Public Register, or The Freeman's Journal*.[2] As Ireland's longest-running national newspaper, it dedicated a special feature to the news from London in almost all its issues; therefore, it is no coincidence that its news from the capital of 6 March 1771 included the rumour, later proved to be completely unfounded, that, on hearing of the planned partition of his country, King Stanislaus II Augustus of Poland (1764–1795) was preparing to leave for Britain in exchange for a generous pension: "We hear that a Treaty of Partition, with Regard to Poland, is on the Carpet, between the Courts of Russia, Vienna and Prussia. The King is to retire to England, upon a Pension of four hundred thousand per Ann[um]."[3] It was surely not by chance that an Irish newspaper was spreading this rumour, which was considered unlikely even at the time; it was most probably a deliberate reference to the Polish monarch's English connections.[4]

Within the present study, however, I will be focusing exclusively on English press products, specifically on opinion pieces published in London newspapers around the first partition. In the European, especially British

2 *Public Register, or The Freeman's Journal* was an Irish national newspaper published in Dublin continuously from 1763 to 1924, which was associated with the "patriot" opposition in the Irish parliament in its early years.

3 "News," *Public Register, or The Freeman's Journal* (Dublin, March 9–12, 1771), 330. As Dorota Dukwicz's recent work on the diplomatic history of the first partition certainly proves, Russia's final decision to implement the partition plan was indeed taken as early as March 1771; nevertheless, until 1772, Russian diplomacy made remarkable efforts to keep the diplomatic world and the European public in ignorance of its plans; see more recently Dorota Dukwicz, *Na drodze do pierwszego rozbioru. Rosja i Prusy wobec Rzeczypospolitej w latach 1768–1771* (Warsawa: Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk, 2022), 359–82; 423–40; 470–81. Therefore, the 1771 Irish press product cited above was actually well informed and presented factual data in this respect.

4 Stanisław Antoni Poniatowski, the future King of Poland travelled to Berlin in 1750, where he met British diplomat Charles Hanbury Williams, who became his mentor and friend. In 1755, Poniatowski was sent to St Petersburg in the service of Williams, who was then appointed as British Ambassador to the Russian Empire. Later, Poniatowski also became secretary of the Polish embassy in Britain, and for his contribution to the arts and sciences, he was awarded a Fellowship of the Royal Society in 1766, becoming the first Fellow outside British royalty; see: Richard Butterwick, *Poland's Last King and English Culture: Stanisław August Poniatowski, 1732–1798* (Oxford: Clarendon Press, 1998), 86–87, 92–94, 124–40; Jerzy Michalski, *Stanisław August Poniatowski* (Warsawa: Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk, 2009), 612–14, 634.

press coverage of the development of the Polish cause, one can frequently find speculation about the impact of the division on European foreign policy, especially the political balance of the European states.[5] The use of balance-of-power rhetoric was by then far from unusual in English political thought, since England had already seen itself as the hand that held the balance in the continent since the end of the seventeenth century.[6] This notion became a prominent feature of eighteenth-century European politics and political publicism, a key concept in the theory of interstate relations and in the peace treaties of the period, while balance-of-power politics also became a fundamental element of British diplomacy in the decades following the establishment of the Utrecht peace settlement (1713–1714).[7] Despite, or perhaps because of all this, several scholars believe that early modern balance of power is "a cloudy and indefinite" concept, "complex, prone to change,"[8] misinterpretation and misappropriation, "but popular with contemporaries, thus important and inescapable for us as *useful rhetoric*."[9] However, more recently Morten S. Andersen argued that it is worth treating the concept as a so-called "practical category" while he proposed a "genealogical" conceptual history of it.[10] When approached in this way, it becomes clear that the term was not just a rhetorical device, but was in many cases a key political concept and an important element of contemporary political discourse, used by many authors as a central concept in their political practice.

5 Hans-Jürgen Bömelburg, Andreas Gestrich, Helga Schnabel-Schüle, "Die Teilungen Polen-Litauens als Zäsur einer europäischen Strukturgeschichte. Komparative Überlegungen jenseits der Nationalgeschichtsschreibung", in *Die Teilungen Polen-Litauens. Inklusions- und Exklusionsmechanismen – Traditionsbildung – Vergleichsebenen*, hrsg. Hans-Jürgen Bömelburg et al. (Osnabrück: fibre, 2013), 9–35, here: 24–28.

6 Christoph Kampmann, "Die englische Krone als 'Arbiter of Christendom'? Die 'Balance of Europe' in der politischen Diskussion der späten Stuart-Ära (1660–1714)", *Historisches Jahrbuch* 116 (1996): 321–66, here: 328–32.

7 Jeremy Black, "British Foreign Policy in the Eighteenth Century: A Survey," *Journal of British Studies* 26, no. 1 (1987), 26–53, here: 48.

8 Quoted from Matthew S. Anderson, "Eighteenth-Century Theories of the Balance of Power," in *Studies in Diplomatic History: Essays in Memory of David B. Horn*, ed. Ragnhild Hatton, Matthew S. Anderson (Hamden, Conn.: Archon Books, 1970), 183–98, here: 183.

9 Quoted from Ellen M. Wicklum, *Britain and the Second and Third Partitions of Poland* (PhD thesis, London School of Economics and Political Science, 1999), 7, note 2. (My emphasis – B.S.)

10 Morten S. Andersen, *A Genealogy of the Balance of Power* (PhD thesis, Department of International Relations, London School of Economics and Political Science, 2016), esp. 5–8, 11–12, 50–52.

London weeklies expressed special interest in the content of the first partition treaty in the form of news reports – usually adapted from European news agencies – as well as opinion pieces,[11] and in some cases pamphlets,[12] analysing its likely consequences regarding the *status quo* in Central Europe.[13] The present study focuses on the themes and contexts in which the concept of balance of power has come to the fore in the opinion pieces dealing with the first division of Poland. Through a critical discourse analysis of relevant findings in London newspapers published between 1771 and 1774, extracted from the Burney Newspapers Collection,[14] I shall point out how the authors of opinion pieces used similar or different balance-of-power rhetoric, and occasionally deeper, polemical balance-of-power discourse in order to reflect their views.

Balance of Power in Eighteenth-Century European Political Conflicts

The principle of balance of power became the cornerstone of diplomatic practice and interstate relations for decades after the Peace of Westphalia (1648), creating a relative balance in the continent's political practice.[15] By the seventeenth century, the idea of a political balance

11 In a certain – and broader – sense, each of the following categories is an opinion piece: *op-eds* (referring to articles written *opposite the editorial page*) are different from both *editorials* (opinion pieces submitted by editorial board members) and *letters to the editor* (opinion pieces submitted by readers). The present study will focus on each of these types.

12 On the British pamphlet literature relating to the first partition, specifically the pamphlets written by John Lind, published in 1773, see: Anna Plassart, "Edmund Burke, Poland, and the Commonwealth of Europe," *The Historical Journal* 63, no. 4 (2020): 885–910, here: 895–97; Brigitta Schvéd, "The First Partition of Poland and the Issue of the European Balance of Power in Contemporary English Media (1772–1774)," *Specimina Nova Pars Prima Sectio Mediaevalis* 11 (2021): 203–25, here: 214–16.

13 Jeremy Black, *English Press in the Eighteenth Century* (London–Sydney: Croom Helm, 1987), 277–308; Hannah Barker, *Newspapers, Politics, and Public Opinion in Late Eighteenth-Century England* (Oxford: Clarendon Press, 1998), 43–72.

14 The Burney Newspapers is the largest single collection of early modern English press products held at the British Library, originally gathered by Rev. Charles Burney (1757–1817). In recent years, the British Library has digitised the entire collection in partnership with Gale. Thus, it is now available to researchers in full-text searchable digital format: https://www.gale.com/intl/c/17th-and-18th-century-burney-newspapers-collection (Accessed July 4, 2023).

15 More recently: Stella Ghervas, "Balance of Power vs. Perpetual Peace: Paradigms of European Order from Utrecht to Vienna, 1713–1815," *The International History Review* 39,

between European states became an integral part of political language across Western Europe, especially in England; in geopolitical terms, it was gradually incorporated into the political language by the early eighteenth century as dividing or (counter)balancing the power of individual states to prevent excessive dominance.[16] Its widespread use and successful incorporation into the diplomatic sphere is most clearly illustrated by the Peace of Utrecht, which was the first to include – now explicitly – the term *balance of power* within its treaties.[17] European powers declared their intention to consolidate peace and tranquillity in the Christian world by "preserving a just balance of power," meaning that no state – or alliance of states – could be allowed to become too powerful and threaten the peace of Europe.[18] With the establishment of the Utrecht system, no state had dominance over the whole of Europe; but the emergence of relatively new players on the European power scene, such as Russia and Prussia, began to disrupt and upset the established political order, which eventually – by 1756, through the so-called "diplomatic revolution" – completely disrupted the established order.[19]

The attempt to establish and maintain this balancing system did not always work as a suitable legal guarantee, since – while it was used to restrain aggressive powers – it rarely provided real assistance to weaker or smaller states. In practice, therefore, balance of power sometimes favoured the stronger, more aggressive states through what is known as partition diplomacy.[20] The first partition of Poland in 1772 and the two subsequent, eventually complete divisions of it in 1793 and 1795 are one

---

no. 3 (2016): 404–25, esp. 412; Izidor Janžekovič, "The Balance of Power from the Thirty Years' War and the Peace of Westphalia (1648) to the War of the Spanish Succession and the Peace of Utrecht (1713)," *History of European Ideas* 49, no. 3 (2023): 561–79, here: 563–65.

16 Cf. Arno Strohmeyer, "Balance of power", in *Encyclopedia of Early Modern History Online*, ed. Graeme Dunphy, Andrew Gow (Brill, 2015).

17 Johannes Burkhardt, Benjamin Durst, "Friedenskongresse", in *Handbuch Frieden im Europa der Frühen Neuzeit / Handbook of Peace in Early Modern Europe*, ed. Irene Dingel et al. (Berlin–Boston: De Gruyter Oldenbourg, 2021), 437–54, here: 446.

18 Randall Lesaffer, "The Peace of Utrecht, the Balance of Power and the Law of Nations," in *The 1713 Peace of Utrecht and its Enduring Effects*, ed. Alfred H.A. Soons (Leiden–Boston: Brill, 2019), 67–89, here: 68–70, 84–88.

19 Paul W. Schroeder, *The Transformation of European Politics, 1763–1848* (Oxford: Clarendon Press, 1994), 5–11; cf. Jeremy Black, "Essay and Reflection: On the 'Old System' and the 'Diplomatic Revolution' of the Eighteenth Century," *The International History Review* 12, no. 2 (1990): 301–23.

20 Matthew S. Anderson, *Europe in the Eighteenth Century, 1713–1783* (Harlow: Longman, 2000), 226–28, 245–52.

of the most obvious examples of the practice of partition diplomacy of the time, marking a major landmark in European political history.[21] The initial successes of the Bar Confederation and the outbreak of the First Russo-Turkish War (1768–1774) forced Catherine II, Empress of Russia (1762–1796) to reconsider her politics regarding Poland.[22] By the end of the 1760s, she was increasingly inclined to accept the first partitioning offer made by King Frederick II of Prussia (1740–1786) in 1768, who soon brought the Habsburg Monarchy into the negotiations too. Joseph II, Holy Roman Emperor (1765–1790) supported the partition of Poland from the beginning, but Maria Theresa, Holy Roman Empress (1745–1765) and Queen of Hungary (1740–1780) was reluctant to accept the idea for a time.[23] Following the tripartite agreement signed on August 5, 1772, which was succeeded by a forced Polish ratification (April-September 1773)[24] and the Treaties of Warsaw (September 18, 1773), most contemporary commentators already believed that the partitioning of the Commonwealth and the loss of Polish sovereignty embodied a new kind of balancing policy.[25]

21 Sharon Korman, *The Right of Conquest: The Acquisition of Territory by Force in International Law and Practice* (Oxford: Clarendon Press, 1996), 73–75; Bömelburg, Gestrich, Schnabel-Schüle, "Die Teilungen Polen-Litauens," 17. However, the use of partition schemes is not exclusive to the policies of the three powers active in the Polish partition; throughout the eighteenth century, the idea of divisions was an integral part of diplomatic protocol; cf. István Soós, "A lengyel anarchia, Lengyelország felosztásai (1772, 1793, 1795)," in *A kora újkor története*, ed. János Poór (Budapest: Osiris Kiadó, 2009), 119–39, here: 119–20.

22 Brian L. Davies, *The Russo-Turkish War, 1768–1774: Catherine II and the Ottoman Empire* (London–New York: Bloomsbury, 2016), 3–10.

23 Éva Ring, "'Lengyelországot az anarchia tartja fenn?' A nemesi köztársaság válságának anatómiája" (Budapest: Eötvös Kiadó, 2001), 167–68.

24 The Partition Sejm (Polish: *Sejm Rozbiorowy*, 1773–1775) began in April and formally ratified the first partition treaty on 30 September 1773; see: Jacek Jędruch, *Constitutions, Elections, and Legislatures of Poland, 1493–1977: A Guide to Their History* (New York: EJJ Books/Hippocrene Books, 1998), 159–63.

25 Hamish M. Scott, *The Emergence of the Eastern Powers, 1756–1775* (Cambridge: Cambridge University Press, 2001), 11–31; Michael G. Müller, "Die Erste Teilung Polens und ihre Folgen," in *Polen in der europäischen Geschichte. Band 2: Frühe Neuzeit. 16. bis 18. Jahrhundert*, hrsg. Michael G. Müller, Hans-Jürgen Bömelburg (Stuttgart: Hiersemann, 2012), 513–28; cf. Dorota Dukwicz, "The Internal Situation in the Polish–Lithuanian Commonwealth (1769–1771) and the Origins of the First Partition (In the Light of Russian Sources)," *Acta Poloniae Historica* 103 (2011): 67–84; Heidi Hein-Kirchner, Michael G. Müller, "Polen-Litauen in der europäischen Mächtepolitik, von der Endphase des Großen Nordischen Kriegs bis zur letzten Königswahl (1717–1763)," in *Polen in der europäischen Geschichte*, 443–63.

The English public followed the moves of the partitioning powers with great attention, and news reports as well as opinion pieces were especially concerned about how the threat to Poland's sovereignty would affect and upset the continent's power structure.[26] News reports basically sought to remain objective and unemotional, but opinion pieces quite often viewed the partition as a shameful crime. The official media tended to reflect on the consequences of the tripartite treaty as *partition*, while opposition and radical press products often referred to it with negative, more emotional overtones, for example as *dismemberment*. Essentially, the analysed press corpus contains opinion pieces on three distinct themes related to the balance of power, which in some cases are intrinsically linked to the concept and can even be considered as early "political analyses." All three themes involve the use of the concept: on the one hand, a general balance-of-power rhetoric, which was quite common, and on the other, a less frequent but more profound and argumentative discourse on the future of European balance of power.

I. *"They shall not long enjoy the plunder!"* – The Diabolical Alliance of the Dividing Powers

In the London newspapers of the period, the negative effects of the partition on the European balance of power were most often discussed in the context of the diabolical alliance of the partitioning powers. Much more frequent and pronounced than the demonstration of the Russian threat was the harsh criticism of the actions of Prussia and the Habsburg Monarchy; in most cases, the authors mentioned the Austrian interest together with the Prussian motives, and thus often discussed "German interest(s)" jointly.[27] Some examples, however, condemned only the political ambitions and actions of the Habsburg Monarchy, questioning the credibility of Joseph II, while in many cases excusing Maria Theresa from

26 Black, *English Press in the Eighteenth Century*, 197–99.

27 The role of the Russian Empire in the period of the first partition was not yet explicitly condemned or evaluated by the British public and was sometimes even defended in opinion pieces. However, this situation was reversed during and after the second and third partitions, when, based on the great power constellation and the alliance systems, British authors became more lenient towards the Austrian and Prussian leadership; see: Wicklum, *Britain and the Second and Third Partitions of Poland*; cf. Endre Sashalmi, "The Late-Eighteenth Century European Balance of Power and Russophobia in the English Media: The Ochakov Crisis (1791)," *RussianStudiesHu* 4, no. 2 (2022): 111–22.

responsibility.[28] The anonymous author of the first opinion piece published in the "Postscript" of the *Middlesex Journal*[29] of 21–23 January 1773 argued against the Habsburg Monarchy's actions in a separate paragraph, and even the difficult situation of the Kingdoms of Bohemia and Hungary played an important role in the author's anti-Austrian argument:

> "The house of Austria, like the river Danube, rises from a mean and contemptible spring: but by powerful alliances, and frequent invasions of its neighbours [*sic*] liberties, has obtained its present intolerable arrogance and spirit of universal empire. The house, or rather the county of Hapsburgh [*sic*], [...] have ever been foes to freedom; and avowed their tyrannical principle, by the seizure and subversion of the Elective and Protestant kingdoms of Bohemia and Hungary."[30]

The author continues by linking Austrian and Prussian interests, but with a much stronger criticism of Joseph II and the change in the policy of the Viennese court. The treatise uses a biblical quotation to illustrate that Joseph's "natural benevolence" has lately been perverted and his "connection with Frederick has obliterated every prior sentiment of friendship and humanity for the unfortunate Stanislaus,"[31] pointing out that Joseph II "seems even desirous to excel his [i.e., Frederick II's] great pattern in every act of perfidy and encroachment."[32]

---

28 There are several examples of the English press exonerating the Habsburg Empress Maria Theresa, who was well known to have had strong objections to the partition and who had traditionally been well regarded by the English public since the outbreak of the War of the Austrian Succession in 1740, when the Empress was actively supported in the defence of her succession to the throne. A long opinion piece in the London weekly *Craftsman*, for example, goes into detail regarding Maria Theresa's doubts about the partition, but does not excuse the political practices of the Austrian court as they were implemented; see: 'Scipio Nasica,' "To the Printer," *Craftsman, or Say's Weekly Journal* (London, October 9, 1773), [1].

29 The *Middlesex Journal, or Chronicle of Liberty* was published three times a week in London between 1769 and 1778 (continued as the *Middlesex Journal, or Universal Evening-Post* from July 2, 1772, and as the *Middlesex Journal and Evening Advertiser* from November 30, 1773).

30 "Postscript," *Middlesex Journal, or Universal Evening-Post* (London, January 21–23, 1773), [4].

31 Although Stanislaus protested the partition, he was unable to oppose it; he even considered resigning, but ultimately decided against this; see: Michalski, *Stanisław August Poniatowski*, 619.

32 "Postscript", *Middlesex Journal, or Universal Evening-Post* (London, January 21–23, 1773), [4].

Various opinion pieces have argued that the partition plan was not necessarily conceived by Russia, but rather by Prussia and the Habsburg Monarchy. Although some of this may indeed be verified by diplomatic history, some opinion articles have exaggerated the idea that the Russian Empress was only involved in the partition out of defence concerns alone. For example, a lengthy treatise in the *London Chronicle*[33] of 29–31 July 1773 entitled *Retrospective View of the Conduct of the Court of Vienna* emphasised only the Prussian and Austrian plans, absolving the Russian Empress of responsibility, whilst at the same time employing rational political considerations:

> "It is not indeed to be imagined that the present partition of Poland can be in any degree a favourite measure with the Empress of Russia, or that it at all corresponds with her original views in respect to that country. Her great object undoubtedly must have been to have kept that kingdom entire for the present; to have preserved, for some time, the name and appearance of its ancient form of government, [...] to continue in her hands the supreme direction and control of the whole."[34]

The Russo-Turkish war, to which the author also referred later, was a matter of great concern to European as well as British interests, therefore the treatise also suggested that the Empress' original plans may have included maintaining a position in Poland in which she would be strengthened by her successful war with the Ottoman Empire. An excellent visual example of the conflict, and of opinion pieces emphasising the diabolical alliance of the partitioning powers, is the English engraving entitled *The Polish Plumb-Cake*[35] from the British Museum's collection, published in 1774.[36]

---

33 The *London Chronicle* was an early family newspaper of Georgian London, published three times a week from 1756 to 1823 as an evening paper that covered world and national news as well as the capital's artistic, literary, and theatrical events.

34 "Retrospective View of the Conduct of the Court of Vienna", *London Chronicle* (London, July 29–31, 1773), 109.

35 John Lodge, "The Polish Plumb-Cake" (London, 1774), British Museum (BM) Inv. 1868,0808.10063; Mary D. George, *Catalogue of Political and Personal Satires Preserved in the Department of Prints and Drawings in the British Museum: Vol. V. 1771–1783* (London: Printed by Order of the Trustees, 1935), 167. As per the information given in the catalogue, this exact print from the British Museum's collection was published on the pages of the *Westminster Magazine* (Vol. II., 416.) on September 1, 1774, but the scanned copy available in the online catalogue has *August 1774* on it handwritten as a publication date.

36 The *plumb cake* may have been a clever reference to a cake popular in England as well as in other European countries, for example Poland (cf. *placek z sliwkami*, i.e., plum

(*Fig. 1*) John Lodge's work shows the three dividing powers with the King of France, criticising the neutrality of his politics.[37] In the background, Stanislaus is lamenting, and his crown – although not broken as in many other contemporary depictions – is almost falling off his head, a reference to the loss of the Polish territories. Under the tablecloth, a diabolical figure points to the King of Prussia; Lodge thus expressed the widespread belief that Frederick II was behind the grandiose and devilish plan to divide Poland, with Prussia pulling the strings.[38]

The author of the *London Chronicle*'s aforementioned opinion piece also referred to the Viennese court's change of policy towards certain towns in the Spiš region (formerly Hungarian *Szepes* county, Polish: *Spisz*) which were returned to the Habsburg Monarchy at the time of the first partition.[39] The author introduced the subject as follows: "The first circumstance that seemed to indicate any change in the system of

pie). Contemporaries could also associate it with a *plumb bob* (a weight suspended from a string and used as a vertical reference line or *plumb line*); the engraving thus figuratively referred to the different "weights" for different states in the European balance of power, and also implicitly suggested that the unresolved nature of the first partition treaty could still cause serious problems for the Central European region's *status quo*. Furthermore, the term *plunder,* which is also mentioned in the accompanying text ("they shall not long enjoy the plunder!"), can also be considered as implying that the territories acquired through the partition agreement might not be held by the partitioning powers for long, or that subsequent military involvement might create further political problems for them, both at home and abroad.

37 It is worth noting the seemingly subtle difference between the weapons Lodge depicted each ruler holding, suggesting the degree of intervention by each country and even the style of their politics and warfare: in the centre sits the Holy Roman Emperor, Joseph II, a drawn sword in his hand; on the left is Empress Catherine II, holding a cleaver; on the right is King Frederick II, wearing a hat with a cockade, also holding a drawn sword; in the foreground, at the extreme end of the table sits the new King of France, with a knife in his hand. In the depiction, the French monarch's neutrality and indifference is shown by the fact that he holds only a knife in his hand, while everyone else is heavily armed; the swords of Frederick II and Joseph II are even touching, indicating the alliance of their countries and the intertwining of "German interests."

38 Beneath the image the following two-liner is engraved: "Thy Kingdom, Stanisl'us, is now at stake, / To four such stomachs, 'tis a mere plumb-cake." The short poem uses an interesting and witty play on words: in the expression *plumb-cake*, the word *plumb* can be further associated with the meaning of the term *plunder* as robbery, spoil, prey or booty, which is also suggested by the text accompanying the engraving, saying that Frederick is "a King more savage than an Indian," who "lets the Emperor of Germany [i.e., Joseph II] and the Empress of Russia go snacks, while he offers the King of France a share to keep him from attacking Germany (i.e., the Habsburg Monarchy)," see: George, *Catalogue of Political and Personal Satires … Vol. V. 1771–1783*, 167.

39 The thirteen towns and three castles of Spiš were pledged by Holy Roman Emperor Sigismund of Luxembourg (also King of Hungary, 1387–1437) to the Polish monarch in

Fig. 1: *The Polish Plumb-Cake* (1774)
© The Trustees of the British Museum. Shared under a Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0 International (CC BY-NC-SA 4.0) licence.

the Court of Vienna, was the throwing out of some hint of some ancient claims which the States of Hungary were said to have upon Poland."[40] In the same paragraph, the treatise also mentioned a letter written by Maria Theresa to the Polish monarch in January 1771, in which she assured the king that "she never had entertained a thought of seizing any part of

1412, only to be returned to the Habsburg Monarchy in 1772, at the time of the first partition, when the Monarchy acquired the south-eastern part of the former Polish–Lithuanian Commonwealth, which was incorporated into the Habsburg hereditary territories as Galicia-Lodomeria; see more recently: Patrik Dinnyés, "Egy zálog 'kiváltása.' A szepességi városok visszaszerzése (1769–1772)," in *"Politika, életrajz, divat, oktatás..." Tanulmányok Magyarország történetéből a középkortól napjainkig*, ed. Csaba Kis et al. (Eger, 2018), 95–109.

40 "Retrospective ... of Vienna", *London Chronicle* (London, July 29–31, 1773), 109.

his dominions, nor would ever suffer any other power to do so."[41] In the article, moreover, Chancellor Kaunitz himself is exonerated by the author:

> "It would seem as if the Court of Vienna had been at first either ashamed of the infamy, or shocked at the enormity of this transaction; for it is said, that Count Kaunitz, the Imperial Prime Minister, upon the question being closely put to him near two months after by some of the foreign Ministers, denied it in the strongest and most solemn terms."[42]

This opinion piece thus emphasises the plans of Emperor Joseph II only, which are supported by his aggressive foreign policy activities, including his active negotiations with Frederick II[43] – in this respect, one is able therefore to give the anonymous author the benefit of hindsight.

II. *"The balance of the grand European republic must be preserved"* – The Question of British Intervention

The possibility of British intervention as well as joint Western European diplomatic actions had already been considered early in a memorandum by George III, King of Great Britain (1760–1820) in 1772. Although to a lesser extent, there were also opinion pieces published in the London press calling for intervention or action to be taken in conjunction with European allies. A first example of this – a very early one, by all accounts – is to be found in the *Middlesex Journal* of 11–13 August 1772, which quoted an analysis from the *Gazetteer*, according to which the British government's interest at that time was still a policy of non-intervention in the continental war; but using a firm balance-of-power rhetoric, the author supported that "*the balance of the grand European republic* must, at all times, *be preserved*, by the several members which immediately compose it."[44]

The same author considered British intervention permissible and, indeed, to be expected in two cases. One of these is the event of either Russia or France attempting to acquire territory that would be detrimental to British economic and maritime interests; the other is Russian or French

41 Ibid.
42 Ibid.
43 Soós, "A lengyel anarchia," 130.
44 "Literary Chronicle, Aug. 12. / In the Gazetteer," *Middlesex Journal, or Universal Evening Post* (London, August 11–13, 1772), [1]. (My emphasis – B.S.)

forces becoming "so formidable" that they would be dangerous to the freedom "of the Germanic body" (i.e., Prussia and the Habsburg Monarchy).[45] In connection with the latter, the author also mentioned potentially positive consequences of the partition, such as the possibility that it could, if necessary, ease the continent's political tensions; no example of such positive perception can be found in the English press after the forced Polish ratification of the partition treaty in the autumn of 1773.[46]

However, following the ratification of the treaty by all parties, the question of intervention or even retaliation arose on several occasions in London newspapers.[47] In connection with the official diplomatic manoeuvring, some of the press articles suggested that the only course of action that was in Britain's interest was, or could have been, to ally itself with Spain, France, and the Netherlands, or, if necessary, to have all these Western European states on Russia's side in the Polish question. One of the main reasons for this was that from March 1773, a serious diplomatic crisis began to unfold because of Russia's excessive political weight in the Russo-Turkish war, which was by then nearing its end and eventually resulted in a major Russian success.[48]

In the *Middlesex Journal* of 9–11 February 1773, one of the authors of an opinion piece still saw Russian interests as the least destructive regarding the partition. Nevertheless, the piece also drew attention to the political failings of Western European states, pointing out that "the insatiable ambitions of the Emperor [i.e., Joseph II] and King of Prussia will not be satisfied with Poland only. No; they seem too sensible of their own strength, and the ease with which the powers of Europe acquiesce in the unparalled [*sic*] plunder of Poland."[49] The author believed that a joint Western European intervention with British participation would

45 Ibid.

46 Juliusz Bardach, Bogusław Leśnodorski, Michał Pietrzak, *Historia państwa i prawa polskiego* (Warsawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1987), 297–98; cf. more recently: Dorota Dukwicz, *Rosja wobec sejmu rozbiorowego warszawskiego (1772–1775)* (Warsawa: Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk, 2015).

47 Scott, *The Emergence of the Eastern Powers*, 223–24.

48 Davies, *The Russo-Turkish War, 1768–1774*, 205–08; more recently, focusing on the aftermath of the war: Katalin Schrek, "Changes in the Diplomatic Measures of the Russian Empire in the Balkans after the Treaty of Kuchuk Kainardji (1774)," *Hungarian Historical Review* 12, no. 2 (2023): 310–38, here: 312–13.

49 "Wednesday, February 10 / Literary Chronicle, From the Choicest Essays in all the Public Papers / Public Advertiser / To the Printer," *Middlesex Journal, or Universal Evening-Post* (London, February 9–11, 1773), [1].

have prevented the triple alliance of the partitioning powers, and thus the division of the Commonwealth.

In the early months, English public opinion still generally attributed a greater role to the Prussian side than to Russian policy in the Polish question. For example, in an opinion piece published in April 1773,[50] an author writing under the pseudonym "Tullius," considered the Prussian interest to be the most dangerous both for the balance of Europe and for the British national interest; he also called for British intervention, with harsh epithets for Prussian policy and the practice of partition:

> "[...] every Accession of Territory to Prussia is against the Interest of England. [...] Can it be necessary to point out to the meanest of the Rabble [i.e., the King of Prussia], the Iniquity of the Partition of the unfortunate Kingdom of Poland, or the Necessity of our Interposition to avert those fatal Consequences which must inevitably attend the ambitious Views of Prussia, if we permit him to proceed in his Tyranny?"[51]

It is symptomatic that in almost every case where Britain's intervention was invoked, defence of the European balance of power was put forward as a strong argument; this is also the case with "Tullius," who considered that Britain's participation would be essential in order "[...] *to preserve that Balance of Power* on which the Happiness and Prosperity of every State in Europe necessarily depend."[52]

The previously mentioned treatise in the *Middlesex Journal* of January 1773 also explained, in addition to the possible dangers of the Austrian interest, that Britain and her allies were seriously concerned about their commercial interests and the future of Europe, directly pointing out their interest in the independence of the Polish state. The article proceeded by highlighting economic interests while also pointing out the practicalities of the Russian alliance:

---

50 The opinion piece was published in the pages of the London-printed *Public Advertiser*, formerly known as the *London Daily Post and General Advertiser*, then simply as the *General Advertiser*, which consisted more or less exclusively of advertisements, but also published opinion pieces and news after Henry Woodfall took it over and renamed the paper to the *Public Advertiser*.

51 'Tullius,' "To the Printer of the Public Advertiser" (dated April 10, 1773), *Public Advertiser* (London, April 16, 1773), [2].

52 Ibid. (My emphasis – B.S.)

> "The maritime powers, however unaccountably indolent they may be about the partition of Poland, are highly concerned in its independence, as it is the part of most naval shores, which Frederic, we may be sure, if he is once master of them, will monopolize, and retail at his own price. 'Tis therefore highly proper to send a fleet into the Baltic, and to demonstrate to the Court of Petersburgh, and by menaces of joining the Turk, to compel Catherine to be just and generous; to whom the ghost of Peter the Third is said lately to have paid a visit, warning her to beware of the haemorrhoids."[53]

The satirical reference to the violent death of the late Russian Emperor Peter III, Catherine's husband, is a rare example from the period of the Russian side being vilified alongside Prussia.[54] Nevertheless, a great number of contemporary opinion articles suggested what a relief it would be for Poland as well as for Western Europe if the three partitioning powers were unable to guarantee their treaty and thus could not carry out a practical partition of the Polish territories without any Western European state interfering with their territorial expansion. In the words of the author quoted in the previous paragraph, the partitioning powers would thus be unable to avoid the outbreak of a major European war and would end up attacking each other: "Happy were it for Poland, if these royal banditti would fall out in the division of the spoil, and attack each other!"[55]

The same idea appeared in numerous opinion pieces across the London press at the time, although in many cases merely as wishful thinking; in the *General Evening Post*,[56] for example, one author noted that the news of a prospective dispute between "the three potentates" over the partition is entirely groundless, because each of them guarantees the possession of the other, and bases the security of its claim on the constancy of their general agreement. However, the author went on to say that "it would

53 "Postscript / London," *Middlesex Journal, or Universal Evening-Post* (London, January 21–23, 1773), [4].

54 According to the official announcement, Emperor Peter III died of haemorrhoids, but this was greeted with deep scepticism both in Russia and abroad. The Emperor was assassinated by Orlov, the brother of one of Catherine's lovers, and Catherine took power after his death.

55 "Postscript," *Middlesex Journal, or Universal Evening-Post* (London, January 21–23, 1773), [4].

56 The *General Evening Post*, published three times a week in London, began with its 2 October 1733 issue, and ceased with its 2 February 1822 issue.

be happy for Poland, if the seeds of any disagreement could be sown amongst the illustrious free-booters who have made a tripartite prey of her territories, as in such a case their quarrel must inevitably fight her battle, and probably reinstate her in the possession of those dominions which have been so barbarously torn from her hands."[57]

The English engraving entitled *The Troelfth Cake / Le Gâteau des Rois*,[58] with a particularly rich iconography, is an excellent visual representation of the issue of Western European, specifically British intervention. (*Fig. 2*) The satirical print from the British Museum's collection was most probably made in French style and was printed in London for Robert Sayer.[59] The creator of the original drawing was presumably the French draughtsman, illustrator and engraver Jean-Michel Moreau the Younger, whose composition is now known in multiple variants; one of the most famous of these is a French engraving by Noël Le Mire, whose work appeared in Paris in February 1773. Le Mire's engraving was immensely influential on various other satirical works of its time and gained notoriety in contemporary Europe. Its distribution was banned in several countries, including France, which meant that many variants of this work have been anonymous – just as was the one from the Museum's collection published also around 1773, printed in London for the aforementioned Sayer, repeating the composition of Le Mire's famous engraving.[60]

57 "Postscript / London," *General Evening Post* (London, January 19–21, 1773), [4].

58 Anon., "The Troelfth Cake / Le Gâteau des Rois" (London: Printed for Robert Sayer; English/French [?] satirical print, c. 1772–73), BM Inv. J,4.178; George, *Catalogue of Political and Personal Satires … Vol. V. 1771–1783*, 60.

59 George, *Catalogue of Political and Personal Satires … Vol. V. 1771–1783*, 60.

60 One well-known surviving copy of Le Mire's composition was done by Johannes E. Nilson; a copy of his work is preserved in Hungary's national library: Johannes E. Nilson, "La Situation de La Pologne en MDCCLXXIII/Die Lage des Königreichs Pohlen im Jahr 1773" (Augsburg, c. 1773), National Széchényi Library, Inv. TR 433/ST, 66, online: https://szechenyiterkepek.oszk.hu/szechenyi_terkepalkalmazas/flash.php?imageID=_06_TR_00433 (Accessed July 11, 2023). The Nilson engraving shows several modifications compared to the anonymous 1773 English engraving: the inner figure on the right is not George III but Joseph II, and the statesman next to Catherine is most probably Count Nikita Ivanovich Panin (1718–1783), the Russian diplomat who, as an influential political mentor to Catherine II in the beginning of her reign, played an important role in the events leading to the partition. In Nilson's work, the Russian statesman points with a hypocritical expression to the messenger of heavenly approval, who, like an angel of peace, trumpets the welcome news of the partition across Europe. The three plaques next to the angel proclaim the legitimacy of the three partitioning powers' actions, letting everyone know that they are civilised rulers who have fulfilled their mission as great powers by avoiding a possible war.

Fig. 2: *The Troelfth Cake / Le Gâteau des Rois* (c. 1772–1773)
© The Trustees of the British Museum. Shared under a Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0 International (CC BY-NC-SA 4.0) licence.

The French title of the print, *Le Gâteau des Rois* ("The Cake of Kings") – which is known in Polish literature as *Kołacz królewski* ("Royal Cake") – excellently expresses the absurdity of the situation where the three partitioning powers "feasted on" Poland with as much noble simplicity, calmness, and arrogant indifference as if they were only sharing pieces of cake among each other at a tea party. The monarch sitting on the extreme left is Empress Catherine II. She is looking up towards Stanislaus, very subtly indicating that, despite everything, the greatest pressure on the Polish state was exerted by the Russian imperial forces.[61] Opposite

61 Stanislaus stands with one hand on the map, while his other hand clutches the crown which is slipping from his head, referring to the fact that the monarch is about to lose

Catherine, at the right side of the table stands Frederick II, his sword resting on the map near *Dantzik* (Gdańsk). King George III was depicted between the King of Poland and Prussia on the print, but he's turning his back to Stanislaus while looking away and facing Frederick II, thus completely ignoring where the sword of Prussia points. Taking the imagery as a whole, the engraving appears to be propaganda, pure and simple, presenting Britain as latently hostile to Poland and careless in connection with the partition of the Commonwealth. It is possible that the creator (or the publisher) of the engraving was trying by this to prompt the British monarch and his government towards taking action jointly with France to prevent the division, or was maybe just hoping to secure the benevolent neutrality of Britain by representing George III as indolently acquiescing in the partition.[62]

III. *"The idea of supporting a balance of power has been carried to an extreme"* – Criticism of the Inaction of British and European Diplomacy

One of the leading reference works of the period in Britain was the *Annual Register*, a periodical containing mainly parliamentary speeches, government documents, treaties, and commentaries on domestic and foreign politics. Most of the volumes of it can be attributed to Edmund Burke,[63] the famous Whig politician and political philosopher, whose views on the partitions of Poland and later on the French Revolution were shared by many political mediums across Britain as well as Europe.[64] The *Register*'s series of articles on European history – first published in July 1773 – focused on the events of the previous year, specifically the partition

the subject of his crown, the Commonwealth itself. The same situation can be seen in the inverted French composition from the collection of the *Bibliothèque nationale de France*, the exact date of publication of which is unknown: Inv. RESERVE QB-201 (108)-FOL, online: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8409860w (Accessed July 11, 2023). Interestingly, with the Latin proverb at the top of the engraving (*Inter duos litigantes Tertius Gaudet*, meaning: "Between two quarrelling men, the third rejoices"), the engraver was referring to the same contemporary prediction, which was often cited also in English newspapers and prints, that the partitioning powers were likely to clash in their pursuit of plunder. However, the French engraving, unlike its English contemporaries, predicts a perceptible gain for Russia.

62 George, *Catalogue of Political and Personal Satires … Vol. V. 1771–1783*, 60.

63 David B. Horn, *British Public Opinion and the First Partition of Poland* (Edinburgh: Oliver and Boyd, 1945), 35.

64 Plassart, "Edmund Burke, Poland, and the Commonwealth of Europe," 888–89, 896–97.

of the Commonwealth.[65] From the beginning of his treatise, Burke stated that the partition posed a great danger not only for Poland and Central Europe but also for the whole of the European continent. He strongly condemned the partitioning act, referring to it as a *dismemberment*, and pointed out the negative vision it poses for the future of Europe, threatening its political balance.

Burke linked the devastating illegitimacy of the partition and the ensuing collapse with, on the one hand, a critique of the indifference of European powers, including Britain, and on the other a critique of the balance-of-power policy in practice, which had rather few contemporary examples. In this context, he provided a lengthy analysis of the concept in the light of balance-of-power politics from a historical perspective. In Burke's view, the partition radically and violently altered the balance of power on the European continent, and in this context, he noted that "*the idea of supporting a balance of power* has in some cases been carried to an extreme."[66] He saw the reason for this as lying mainly in the fact that the "German states" (i.e., Prussia and the Habsburg Monarchy) had, in his view, interfered in the balance of power in Europe to a much greater extent than any other European state in the decades leading up to the partition. According to him, "if the partition of Poland takes place in its utmost extent, the existence of the Germanic body in its present form, for any length of time, will be a matter rather to be wished for than expected," and will create serious problems on the continent. He concluded that "the extraordinary power to which the houses of Austria and Brandenburg have risen within a few years, was already sufficiently alarming to the other parts of that body."[67]

In his memorandum of 1772, already mentioned previously, King George III – similarly to Burke – underlined the threat to the balance of Europe in connection to the partition of Poland, referring to the dangers of unresolved tensions between the European powers, which, through the partition, would become even more inflamed:

65 Burke's *The History of Europe* published in the *Annual Register* of 1773 was also reprinted in several London newspapers, for example in the *General Evening Post* in three parts (in the issues of July 22–24, July 24–27, and July 27–29, 1773), thus his insights must have had an even greater impact on the authors of the opinion pieces of the time.

66 [Edmund Burke,] "The History of Europe," in *The Annual Register, or a View of the History, Politics, and Literature for the Year 1772* (London: Printed for J. Dodsley, in Pall-Mall, 1773), 2. (My emphasis – B.S.)

67 Ibid., 3–4.

> "The very extraordinary phenomenon of a coalition of the Courts of Vienna, Petersburgh, and Berlin to take what may suit their Separate conveniences of the Kingdom of Poland, is so subversive of every idea of their mutual jealousies, and of *the balance of Europe* that it of necessary [*sic* – i.e., necessity] must give rise to very extraordinary Alliances amongst the other Powers."[68]

He stated that in the interests of helping Poland to endure and survive the pressure and territorial demands it was coming under from its neighbours, Britain, the Netherlands, and France should form an alliance to counterbalance the partitioning coalition of Prussia, Russia and the Habsburg Monarchy as well as to "extricate Poland from the Tyranny that now seems impending."[69] The British government, however, was inactive on the issue of intervention, and in his next speech to the Parliament in November 1772, George III laid out the government's legislative plan for the new session but made no mention of the partition.[70] As a result, the opposition press were quite fond of portraying the King of Britain and his government as indifferent, and British diplomacy as ineffective and weightless, even in the form of satirical engravings.

The topos of the indifferent monarch can be seen, for example, on the satirical print entitled *Picture of Europe for July 1772*,[71] which is both a clear criticism of the inert British diplomacy and an excellent example of the visual representation of the issue of contemporary political balance. (*Fig. 3*) The engraving, also from the British Museum's collection, is the only find so far that directly applies the balance-of-power iconography, while one of its main themes is the first Polish partition. The imagery of the work reflects the European great power situation current at the time, reflecting on the conclusion of the tripartite treaty and the events of the Russo-Turkish War, explicitly applying an iconography reflecting on the principle of balance of power.

---

68 Sir John Fortescue (ed.), *The Correspondence of King George the Third, From 1760 to December 1783. Printed from the Original Papers in the Royal Archives at Windsor Castle, in Six Volumes. Volume II: 1768 to June 1773* (London: Frank Cass & Co., 1967), 428–29. (No. 1180) (My emphasis – B.S.)

69 Ibid.

70 Brendan Simms, *Three Victories and a Defeat. The Rise and Fall of the First British Empire, 1714–1783* (New York: Basic Books, 2007), 567.

71 Anon., "Picture of Europe for July 1772" (London, c. 1772), BM Inv. 1868,0808.10013; George, *Catalogue of Political and Personal Satires … Vol. V. 1771–1783*, 59–60.

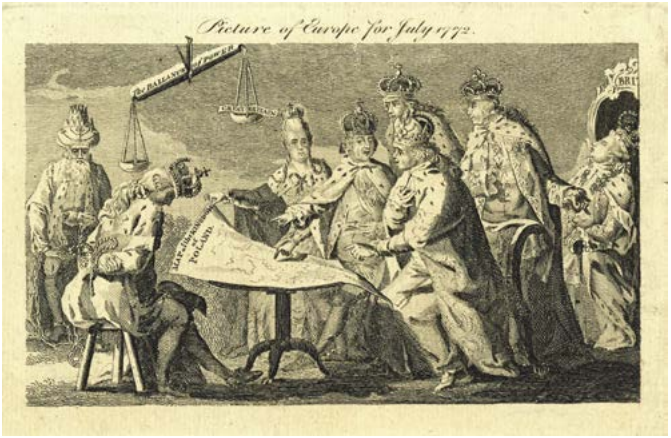

Fig. 3: *Picture of Europe for July 1772* (c. 1772)
© The Trustees of the British Museum.
Shared under a Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0 International (CC BY-NC-SA 4.0) licence.

At the extreme right of the print, in a marginal position, King George III can be seen sitting in a chair with an inscription reading *British*, as he sleeps soundly. Above the map of Poland is a scale with the inscription *The Balance of Power*: the lighter pan of the scale reads *Great Britain*, a reference to the criticism that the country played a lightweight, insignificant role in shaping the course of events. George III and his government and diplomats were not, in fact, indifferent to the Polish cause, even though Britain ultimately did not take any firm action against the practice of partition. Nevertheless, the satirical portrayal of the monarch, with his eyes closed and asleep, was a strong criticism of the failure of the government to take real steps to prevent or retaliate against the partition of Poland.

The practical consequences of the partition for Britain were first and foremost a serious threat to her economic and (grain) trade interests. At the same time, acting more severely against Prussia would have jeopardised the Hanoverian legacy of the British monarch.[72] Criticism of this was particularly evident in London newspapers, especially in opposition and radical opinion pieces, after the violent Polish ratification

72 Jeremy Black, *Debating Foreign Policy in Eighteenth-Century Britain* (Farnham: Ashgate, 2011), 145–70.

of the partition in the autumn of 1773. In an opinion piece published in the *St. James's Chronicle*[73] in August 1774, the harsh criticism of Prussia's actions was accompanied by a strong focus on the problem of George III's Hanoverian commitment. According to the author, there was no legal basis for the King of Prussia's claim of Gdańsk. The treatise also argued that Frederick II – entertainingly referred to as the *Royal Macbeth* – may have had a sound claim to the reigning British monarch's own throne, implicitly suggesting that Britain may be anxious about the lengths to which Prussia would go in terms of the partition of Poland:

> "It is impossible to say where these alarming Claims of this Northern Ravager [i.e., Frederick II] will stop. He has certainly a much better Title to the Crown of Great Britain than to the Cities of Dantzic [*sic*] or Hamburgh; for he is Son of the Sister of his late Majesty King George the Second, and consequently related nearly to George the Third."[74]

In connection with this, the author noted sharply and with some concern that "this Royal Macbeth may one Day think it worth his While to pursue a Claim which is much better founded, or at least not so ridiculous, as many that he has made."[75] Despite the serious concerns of the time, however, the British government managed to protect its commercial interests in the region for a time. Success was achieved, for example, in diplomatic efforts to retain Gdańsk, which did not fall into Prussian hands until the second partition in 1793.

Conclusion

The first partition treaty was a severe shock for Poland in all respects. Western European states, including Britain, were unwilling to enter military conflict with either the increasingly powerful Russian Empire or the Kingdom of Prussia, while the Habsburg Monarchy – which had previously been a sometimes more promising partner when it came to settling disputes in Central Europe – was condemned by British politics

73 Founded by Henry Baldwin and published in London, *St. James's Chronicle* began its long and successful run as a triweekly evening paper in 1761.

74 "Postscript / London," *St. James's Chronicle, or British Evening-Post* (London, August 6–9, 1774), [4].

75 Ibid.

and public opinion, mainly on the grounds of Joseph II's plans. As with most Western European countries, Britain *in principle* refused to accept the partition and, as it has been pointed out in this paper, also constantly attacked it in its press. Despite this, however, the British monarch and his government did not veto the partition, and *in practice* acquiesced in the implementation of the partition agreement, while constantly monitoring the balance of power in Europe and watching with concern the increasing expansion of Poland's neighbouring powers. The opinion pieces in most London newspapers basically emphasised the diabolical alliance of the partitioning powers, and specifically the Prussian, sometimes Prussian *and* Austrian, lust for power (*Point I*). The other theme that can be found, the question of British intervention and the diplomatic steps taken by British and Western European diplomacy – initially desirable but already clearly considered absent in 1774 – and the harsh criticism of its failure, appeared more prominently in opposition press sources (*Point II*).

Closely related to this is the third theme, the image of an idle British diplomacy and an indolent monarch, and, from the autumn of 1773 onwards, how both of these came in for criticism. (*Point III*). Related opinion articles emphasise the damaged European political milieu caused by the partition and the threat to the balance of power in Europe, as well as to British national and economic interests. This theme can be observed in both governmental and opposition press coverage, along with opinion pieces in opposition and radical newspapers on the issue of King George III's Hanoverian commitment. From the analysis of the British monarch's memorandum from 1772 and Edmund Burke's article from 1773, it is also clear that this is the topic in which the balance-of-power discourse is most prominent and evident. Although the two aforementioned works are not opinion pieces in the strict sense of being published in newspapers – being rather a reference work and a memorandum – in Burke's case, London newspapers almost immediately republished excerpts from his article, meaning it certainly influenced the authors of the opinion pieces presented and quoted in the study. As well as British pamphleteers, politicians and diplomats, the publicists of London newspapers were also quite concerned about the excesses of Prussia at the time of the first partition, and specifically about the threat to the continent's balance of power. In some cases, as in Burke's article mentioned above, this even led to a general questioning of the legitimacy of the contemporary balance-of-power policy.

References

Primary Sources

Newspapers
Craftsman, or Say's Weekly Journal (London, 1772–1773).
General Evening Post (London, 1773).
London Chronicle (London, 1773).
Middlesex Journal, or Universal Evening-Post (London, 1773).
Public Advertiser (London, 1773).
Public Register, or The Freeman's Journal (Dublin, 1771).
St. James's Chronicle, or British Evening-Post (London, 1774).

Satirical Prints
Anon., "Picture of Europe for July 1772" (London, c. 1772), British Museum, Inv. 1868, 0808.10013.
Anon., "The Troelfth Cake / Le Gâteau des Rois" (London: Printed for Robert Sayer, c. 1772–1773), British Museum, Inv. J,4.178.
Anon., "The Troelfth Cake / Le Gâteau des Rois" (s.l.: s.d.), Bibliothèque nationale de France, Inv. RESERVE QB-201 (108)-FOL.
John Lodge, "The Polish Plumb-Cake" (London, 1774), British Museum, Inv. 1868, 0808.10063.
Johannes E. Nilson, "La Situation de La Pologne en MDCCLXXIII/Die Lage des Königreichs Pohlen im Jahr 1773" [The Situation of the Kingdom of Poland in 1773] (Augsburg, c. 1773), National Széchényi Library, Inv. TR 433/ST, 66.

Published Sources, Collected Volumes
[Edmund Burke,] "The History of Europe," in *The Annual Register, or a View of the History, Politics, and Literature for the Year 1772* (London: Printed for J. Dodsley, in Pall-Mall, 1773), 1–105.
Sir John Fortescue (ed.), *The Correspondence of King George the Third, From 1760 to December 1783. Printed from the Original Papers in the Royal Archives at Windsor Castle, in Six Volumes. Volume II: 1768 to June 1773* (London: Frank Cass & Co., 1967).
Mary D. George, *Catalogue of Political and Personal Satires Preserved in the Department of Prints and Drawings in the British Museum: Vol. V. 1771–1783* (London: Printed by Order of the Trustees, 1935).

Secondary Literature

Morten S. Andersen, *A Genealogy of the Balance of Power* (PhD thesis, Department of International Relations, London School of Economics and Political Science, 2016).
Matthew S. Anderson, "Eighteenth-Century Theories of the Balance of Power," in *Studies in Diplomatic History: Essays in Memory of David B. Horn*, ed. Ragnhild Hatton, Matthew S. Anderson (Hamden, Conn.: Archon Books, 1970), 183–198.
Matthew S. Anderson, *Europe in the Eighteenth Century, 1713–1783* (Harlow: Longman, 2000).

Juliusz Bardach, Bogusław Leśnodorski, Michał Pietrzak, *Historia państwa i prawa polskiego* [A History of the Polish State and Law] (Warsawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1987).
Hannah Barker, *Newspapers, Politics, and Public Opinion in Late Eighteenth-Century England* (Oxford: Clarendon Press, 1998).
https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198207412.001.0001
Jeremy Black, "British Foreign Policy in the Eighteenth Century: A Survey," *Journal of British Studies* 26, no. 1 (1987): 26–53. https://doi.org/10.1086/385878
Jeremy Black, "Essay and Reflection: On the 'Old System' and the 'Diplomatic Revolution' of the Eighteenth Century," *The International History Review* 12, no. 2 (1990): 301–323. https://doi.org/10.1080/07075332.1990.9640547
Jeremy Black, *Debating Foreign Policy in Eighteenth-Century Britain* (Farnham: Ashgate, 2011).
Jeremy Black, *English Press in the Eighteenth Century* (London–Sydney: Croom Helm, 1987).
Hans-Jürgen Bömelburg, Andreas Gestrich, Helga Schnabel-Schüle, "Die Teilungen Polen-Litauens als Zäsur einer europäischen Strukturgeschichte. Komparative Überlegungen jenseits der Nationalgeschichtsschreibung" [The Partitions of Poland-Lithuania as a Caesura in European Political History: Comparative Considerations Beyond National Historiography], in *Die Teilungen Polen-Litauens. Inklusions- und Exklusionsmechanismen – Traditionsbildung – Vergleichsebenen*, hrsg. Hans-Jürgen Bömelburg et al. (Osnabrück: fibre, 2013), 9–35.
Johannes Burkhardt, Benjamin Durst, "Friedenskongresse" [Peace Congresses], in *Handbuch Frieden im Europa der Frühen Neuzeit / Handbook of Peace in Early Modern Europe*, ed. Irene Dingel et al. (Berlin–Boston: De Gruyter Oldenbourg, 2021), 437–454. https://doi.org/10.1515/9783110591316-022
Richard Butterwick, *Poland's Last King and English Culture: Stanisław August Poniatowski, 1732–1798* (Oxford: Clarendon Press, 1998).
Brian L. Davies, *The Russo-Turkish War, 1768–1774: Catherine II and the Ottoman Empire* (London–New York: Bloomsbury, 2016).
Patrik Dinnyés, "Egy zálog 'kiváltása.' A szepességi városok visszaszerzése (1769–1772)" [The "Redemption" of a Pledge: Reclaiming the Towns of Spiš], in *"Politika, életrajz, divat, oktatás..." Tanulmányok Magyarország történetéből a középkortól napjainkig*, ed. Csaba Kis et al. (Eger, 2018), 95–109.
Dorota Dukwicz, "The Internal Situation in the Polish–Lithuanian Commonwealth (1769–1771) and the Origins of the First Partition (In the Light of Russian Sources)," *Acta Poloniae Historica* 103 (2011): 67–84.
Dorota Dukwicz, *Na drodze do pierwszego rozbioru. Rosja i Prusy wobec Rzeczypospolitej w latach 1768–1771* [On the Road to the First Partition: Russia and Prussia against Poland in 1768–1771] (Warsawa: Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk, 2022).
Dorota Dukwicz, *Rosja wobec sejmu rozbiorowego warszawskiego (1772–1775)* [Russia and the Partition Sejm in Warsaw] (Warsawa: Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk, 2015).
Stella Ghervas, "Balance of Power vs. Perpetual Peace: Paradigms of European Order from Utrecht to Vienna, 1713–1815," *The International History Review* 39, no. 3 (2016): 404–425. https://doi.org/10.1080/07075332.2016.1214613

Heidi Hein-Kirchner, Michael G. Müller, "Polen-Litauen in der europäischen Mächtepolitik, von der Endphase des Großen Nordischen Kriegs bis zur letzten Königswahl (1717–1763)" [Poland-Lithuania in European Power Politics from the Final Phase of the Great Northern War to the Last Royal Election], in *Polen in der europäischen Geschichte. Band 2: Frühe Neuzeit. 16. bis 18. Jahrhundert*, hrsg. Michael G. Müller, Hans-Jürgen Bömelburg (Stuttgart: Hiersemann, 2012), 443–463.
David B. Horn, *British Public Opinion and the First Partition of Poland* (Edinburgh: Oliver and Boyd, 1945).
Izidor Janžekovič, "The Balance of Power from the Thirty Years' War and the Peace of Westphalia (1648) to the War of the Spanish Succession and the Peace of Utrecht (1713)," *History of European Ideas* 49, no. 3 (2023): 561–579. https://doi.org/10.1080/01916599.2022.2077401
Jacek Jędruch, *Constitutions, Elections, and Legislatures of Poland, 1493–1977: A Guide to Their History* (New York: EJJ Books/Hippocrene Books, 1998).
Christoph Kampmann, "Die englische Krone als 'Arbiter of Christendom'? Die 'Balance of Europe' in der politischen Diskussion der späten Stuart-Ära (1660–1714)" [The English Crown as 'Arbiter of Christendom'? The 'Balance of Europe' in the Political Debate of the Late Stuart Era], *Historisches Jahrbuch* 116 (1996): 321–366.
Sharon Korman, *The Right of Conquest: The Acquisition of Territory by Force in International Law and Practice* (Oxford: Clarendon Press, 1996).
Randall Lesaffer, "The Peace of Utrecht, the Balance of Power and the Law of Nations," in *The 1713 Peace of Utrecht and its Enduring Effects*, ed. Alfred H.A. Soons (Leiden–Boston: Brill, 2019), 67–89. https://doi.org/10.1163/9789004351578_005
Jerzy Michalski, *Stanisław August Poniatowski* (Warsawa: Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk, 2009).
Michael G. Müller, "Die Erste Teilung Polens und ihre Folgen" [The First Partition of Poland and its Consequences], in *Polen in der europäischen Geschichte. Band 2: Frühe Neuzeit. 16. bis 18. Jahrhundert*, hrsg. Michael G. Müller, Hans-Jürgen Bömelburg (Stuttgart: Hiersemann, 2012), 513–528.
Anna Plassart, "Edmund Burke, Poland, and the Commonwealth of Europe," *The Historical Journal* 63, no. 4 (2020): 885–910. https://doi.org/10.1017/S0018246X2000014X
Éva Ring, "'Lengyelországot az anarchia tartja fenn?' A nemesi köztársaság válságának anatómiája" ['Is Poland Sustained by Anarchy?' An Anatomy of the Crisis of the Rzeczpospolita] (Budapest: Eötvös Kiadó, 2001).
Endre Sashalmi, "The Late-Eighteenth Century European Balance of Power and Russophobia in the English Media: The Ochakov Crisis (1791)," *RussianStudiesHu* 4, no. 2 (2022): 111–122. https://doi.org/10.38210/RUSTUDH.2022.4.18
Katalin Schrek, "Changes in the Diplomatic Measures of the Russian Empire in the Balkans after the Treaty of Kuchuk Kainardji (1774)," *Hungarian Historical Review* 12, no. 2 (2023): 310–338. https://doi.org/10.38145/2023.2.310
Paul W. Schroeder, *The Transformation of European Politics, 1763–1848* (Oxford: Clarendon Press, 1994). https://doi.org/10.1093/oso/9780198221197.001.0001
Brigitta Schvéd, "The First Partition of Poland and the Issue of the European Balance of Power in Contemporary English Media (1772–1774)," *Specimina Nova Pars Prima Sectio Mediaevalis* 11 (2021): 203–225. https://doi.org/10.15170/SPMNNV.2021.11.10

Hamish M. Scott, *The Emergence of the Eastern Powers, 1756–1775* (Cambridge: Cambridge University Press, 2001).
Brendan Simms, *Three Victories and a Defeat: The Rise and Fall of the First British Empire, 1714–1783* (New York: Basic Books, 2007).
István Soós, "A lengyel anarchia, Lengyelország felosztásai (1772, 1793, 1795)" [The Polish Anarchy, the Partitions of Poland], in *A kora újkor története*, ed. János Poór (Budapest: Osiris Kiadó, 2009), 119–139.
Arno Strohmeyer, "Balance of power," in *Encyclopedia of Early Modern History Online*, ed. Graeme Dunphy, Andrew Gow (Brill, 2015). http://dx.doi.org/10.1163/2352-0272_emho_COM_020274
Ellen M. Wicklum, *Britain and the Second and Third Partitions of Poland* (PhD thesis, London School of Economics and Political Science, 1999).

ШАНДОР ГЕБЕИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ПОЛЬСКО–РУССКОЙ КОНФРОНТАЦИИ: ЗАРОЖДЕНИЕ, 16 ВЕК – УГЛУБЛЕНИЕ, 17 ВЕК – НЕПРИМИРИМОСТЬ, 18 ВЕК[1]

THE HISTORICAL ROOTS OF THE POLISH-RUSSIAN CONFRONTATION: ITS ORIGIN (16TH CENTURY) – ITS DEEPENING (17TH CENTURY) – ITS IRRECONCILABILITY (18TH CENTURY)

The origins of the permanent Polish-Russian confrontation in the Livonian War (1558–1582) can be found in the events of that war. Although this conflict had ended initially with Russia's failure in the Baltics in 1582 and a Russo-Polish peace treaty, the Union of Lublin in 1569 sparked a series of wars for control over the Eastern European plain in the 17th and 18th centuries. At the beginning of the 17th century Rzeczpospolita (*Res Publica Utriusque Nationis*) was still able to use the crisis caused by the extinction of the Russian Rurik dynasty to its advantage (1598); even Moscow was temporarily under its control. From the second half of 17th century onwards, Rzeczpospolita went into a spectacular and rapid decline. The military defeats eroded the strength of former Polish-Lithuanian great power, allowing Russia's western expansion to be completed. The peace of 1721, which closed the "Great Northern War", not only marked the end of Rzeczpospolita's status as a great power in Eastern Europe, but also brought domestic political life under the ever-increasing influence of Russia. The functioning of the sejms (parliaments) of 1717, 1733, 1764 and 1768 are testament to this, at a time when the issue of religious freedom overshadowed all other issues and problems. The dominance of the Russian tsars and tsaresses, as defender of the Orthodox religion, was ruthlessly enforced against the Poles who were adamantly for Catholicism and the nobles' "Golden Freedom" (*złota demokracja*). Religious intolerance and the Nobles' Democracy versus tsarist absolutism were irreconcilable factors of opposition and to the divisions of the Polish-Lithuanian state in the 18th century.

Keywords: Rzeczpospolita (Res Publica Utriusque Nationis), Russia's western expansion, defender of the Orthodox religion, Polish Nobles' Democracy tsarist absolutism

Sándor Gebei – Dsc in History, Professor Emeritus at Eszterházy Károly Catholic University.
E-mail: gebei.sandor@uni-eszterhazy.hu

1 This study is a written version of a lecture given at the 'Nation, Statehood, and Historiography in East- and East-Central Europe' conference held at ELTE on September 28-29th, 2023.

Citation: Sándor Gebei, "Istoricheskie korni pol'sko-russkoi konfrontatsii: zarozhdenie, 16 vek – uglublenie, 17 vek – neprimirimost', 18 vek [The Historical Roots of the Polish-Russian Confrontation: Its Origin (16th Century) – Its Deepening (17th Century) – Its Irreconcilability (18th Century)], *RussianStudiesHu* 6, no. 1 (2024): 109–134. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2024.6.6

DOI: 10.38210/RUSTUDH.2024.6.6

Начало перманентного польско–русского противостояния датируется ливонской войной 1558–1582. Тогда, в 1558 году, балтийская оффенсива, которую начал Иван Грозный, еще не затрагивала Польское королевство, только Литовское княжество, образующее с ней персональную унию. Так как военной силы княжества было недостаточно, оно стремилось вовлечь в войну и Польшу. Литовцы добились участия в войне поляков, инициировав пересмотр, ревизию персональной унии в реальную унию, что и произошло в 1569 г. в т.н. люблинской унии. Реальная уния принесла польской короне ранее литовские южные и юго–восточные земли, протяженностью от Черного моря до реки Днепр, Украина (Окраина) стала частью Польши. Таким образом, Речь Посполитая (Respublica Polska–Litewska) и Великое Российское княжество стали соседними государствами. Война, длившаяся более 20 лет, закончилась в 1582 г. Ям–запольским миром, Россия не достигла своих целей. Она была вынуждена отказаться от балтийских планов, от преобретения морских портов, однако ей удалось остановить угрожающий захватом Пскова и Новгорода военный поход польского короля Стефана Батория. Отчеты как русских, так и польских современников о штурме Пскова,[2] означавшего кульминацию ливонской войны, свидетельствуют о героической и мужественной обороне крепости, открыто говорят о нехватке продовольствия и военного снаряжения штурмующих, о развале королевской армии, состоящей из польско–литовско–венгро–немецких полков, об обессиливании воюющих сторон, о неизбежности подписания мира. Такая «объективность» со временем исчезла, важные исторические события политическая память приспособила к актуальному политическому положению.

Картина Яна Матейко – «Стефан Баторий под Псковом» (*Stefan Batory pod Pskowem*, 1872) самое известное исторически ложное представление, однако до сих пор отражающее живущую и считающуюся в сознании поляков реальностью точку зрения. Центральная тема кар-

2 *Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков* (Подготовка текста и статьи В. И. Малышева) (Москва–Ленинград: Академия Наук СССР, 1952), 80. https://djvu.online/file/l9OLZfFZwgyAu https://azbyka.ru/otechnik/istorija_tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-13/14; Reinhold Heidenstein, *De bello Moscovitico, quod Stephanus rex Poloniae gessit, commentariorum libri VI.* (Basileae [Basel], MDXXCVIII [1588]); Jan Piotrowski, *Dziennik wyprawy Stefana Batorego pod Psków.* (Kraków: Księgarnia Spółki Wydawniczej Polskiej, 1894) (перевод с лвтинского на польский) https://books.google.hu/books?id=uq9DAAAAYAAJ&printsec=frontcover&hl=hu&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false

тины не что иное как стоящее на коленях перед Баторием посольство царя Ивана Грозного, умоляющее о мире. Так в центр произведения попала историческая фикция, как будто Баторий одержал победу в Ливонской войне. Победу поляков символизирует расстановка фигур: Сидящий в доспехах Баторий с обнажённым мечом на коленях, перед ним на земле российское знамя. В чёрной монашеской одежде иезуит Поссевино (Possevino), позади королевский секретарь Станислав Жолкиевский (St. Żółkiewski), рядом с ним племянник короля Болдижар Баторий (Báthori Boldizsár). По левую руку короля в красном одеянии главный канцлер Ян Замойски (Jan Zamoyski) с печатью канцлера в правой руке. Перед королём на коленях полоцкий епископ Киприян (Cyprian), за ним Иван Нащокин, за Нащокиным с растрёпанной седой бородой князь Дмитрий Елецкий с ям–запольским мирным договором. За поверженным на землю униженным человеком стоит закованный в броню витязь князь Теодор Оболенский со сломанным надвое мечом – символом поражения. В настоящее время в собрании Королевской крепости выставлен ценный предмет «картинной истории», ничего общего не имеющий с реальной историей.

Основной, до сих пор живущей причиной польско–русской конфронтации является не внешняя политика, а идеология и религия. В этом отношении даты 1589 и 1596 обозначают границы. В 1589 г. образование московского православного патриархата и русской автокефальной церкви (ни от кого не зависимой, никому не подчиняющейся), а в 1596 г. объявление брестской религиозной унии, положившей начало расколу православной церкви.

О 1589 г.: В Москве в присутствии Иеремии II, константинопольского патриарха, 2 февраля/23 января 1589 г. проходит избрание московского патриарха. Синод (собор русских епископов и духовенства) нашёл подходящими из трёх кандидатов (митрополита московского Иова, фаворита царя Бориса Годунова, который поднимался всё выше среди церковной иерархии, Александр архиепископ новгородский и Варлам архиепископ ростовский). Царь решил в пользу архиепископа московского, назначив его патриархом. Иеремий II («патриарх нового Рима», епископ константинопольский) благославил Иова как «наречённого» патриарха Московского и всея Руси. 26 января/5 февраля была совершена его интронизация в кремлёвском Успенском соборе (в 1605 г. он не признает Лжедмитрия сыном Ивана его низложат и сошлют). Константинопольский синод 1593 г., на котором присутствовали восточные патриархи, приняли и одобрили московские действия

Иеремия II. Приняли основание нового патриархата и возведение в сан патриарха Московского митрополита. Новый патриарх занял 5-ое место после константинопольского, александрийского, антиохийского, иерусалимского. Официальный титул стал «патриарх Московский и всея Руси и северных стран». Тогда ещё Киевская православная митрополия находилась на территории Речи Посполитой и по-прежнему находилась под эгидой константинопольского патриарха.

В 1596 г. под влиянием работы монаха иезуита Петра Скарги (Piotr Skarga, 1536–1612) «О единстве церкви божией…» (*O jedności Kościola Bożego pod jednym Pasterzem i o greckim od tej jedności odstąpieniu, Wilno, 1577*), обеспечившей идеологическую основу и предоставившей инструкции для церковной унии. Идею унии первыми приняли Ипатий Потей (Hipacy Pociej), православный епископ Владимира-Волынского и Бреста и Кирилл Терлецкий (Cyryl Terlecki), православный епископ Луцка–Острога. На Рождество 1595-го в Риме с позволения польского короля Сигизмунда III клятвой подтвердили свое решение: «Исповедую, что Святая Католическая и Апостольская Римская для всех Церквей вера есть Матерь и Учительница, а римскому понтифику преемнику блаженного Петра, князя апостолов наместнику Христа, истинное послушание отдавать торжественно обещаю и клянусь». Папа Клемент VIII (1592–1605) выразил удовлетворение, что образовалась единая вера и единая Церковь (*do jedności wiary, do jedności Kościóła*), обещал поддержку принявшим унию верующим.[3]

Потей и Терлецкий в марте 1596 г. возвратились домой и сразу же начали подготовку к созыву Синода, несмотря на то, что православные бурно протестовали из–за римских событий. Князь Константин Острогский на варшавском сейме прямо потребовал, чтобы епископов–предателей лишили постов и исключили из ортодоксальных церквей.[4] Процесс церковного раскола безповоротно начался. В этом процессе выдающуюся роль играл польский король Ваза Сигизмунд III (его матерью была Екатерина Ягелло, жена шведского короля–

3 Edward Likowski, *Unia brzeska, 1596.* (Wyd. drugie) (Warszawa: Gebethner i Wolff, 1907), 133–137. https://pbc.biaman.pl/dlibra/publication/1953/edition/2104/content. С точки зрения православия об истории брестского синода смотри произведение митрополита Макария: Макарий Митрополит, *История Русской Церкви (IV. том. 5. глава*) https://azbyka.ru/otechnik/Makarij_Bulgakov/istorija–russkoj–tserkvi/4_5

4 Дмитриев М. Вл., «Религиозные войны в Речи Посполитой. К вопросу о последствиях брестской унии 1596 года», *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, no. 1 (2008) https://slavica–petropolitana.spbu.ru/images/2008–1/01–Dmitriev.pdf

лютерана Яна Вазы). Точка зрения короля, естественно, не могла остаться без влияния. Из девяти ортодоксальных епископов четыре – луцкий, пинский, хелмский, львовский – собрались в Бресте в епископской парокии Фотия и 24 июня 1596 г. заявили о принятии церковной унии. Епископы торжественно объявили, что готовыподписать документ папы Клемента VIII (понтификат 1592–1605), состоящий из 33 статей, готовы были заключить соглашение об объединении с Римом. Это июньское собрание привело к тому, что король Сигисмунд III разрешил созыв церковного синода в литовском Бресте в октябре 1596 года. Синод начался при участии представителей католической и ортодоксальной церквей. В работе синода кроме папских и королевских депутатов принял участие и уже упомянутый польский иезуит Петр Скарга. После смерти константинопольского патриарха Иеремия II в ортодоксальной иерархии появилось вакантное место (1594–97 год), среди патриархов ни один не был уполномочен распоряжаться церковными делами Руси.

Папа, Верховный пастырь католической церкви, использовал эту возможность и освободил Терлецкого и Потия от подчинения константинопольскому патриарху (*od zwierzchności patryarchów carogrodzkich wyzwolił*).[5] Клятва перешедших на грекокатолическую веру и собственноручная подпись в торжественном документе происходила 9/19 октября в Бресте в церкви Св. Николая. Среди принявших унию были киевский митрополит Рагоза, полоцкий архиепископ Загорский и т.д.[6] Перешедшего в унию Михаила Рагозу Сигизмунд III назначил «митрополитом Киева, Галича и всея Руси», который, используя власть митрополита, сразу же лишил церковных должностей таких как Гедеон Балабан львовский, Михаил Копустенский перемышлянский епископы.[7] Сигизмунд III одновременно в циркуляре провозгласил унию и рождение униатской церкви, от православных же подданных ожидал и торопил переход в греко–католическую церковь. С непослушными подданными местные власти могли поступать как им заблагорассудится.[8] Религиозная деятельность православных была ограничена, придерживающиеся ортодоксии помещики могли проводить церковную службу только в своих поместьях. Те священни-

5 Likowski, *Unia brzeska, 1596,* 154–155.

6 Likowski, *Unia brzeska, 1596,* 146–167.

7 Antoni Mironowicz, „Kościoł prawosławny i unicki w Rzeczypospolitej w latach 1596–1648", *Białoruskie zeszyty Historyczne* 1 (5) (Białystok, 1996): 26.

8 Mironowicz, «Kościoł prawosławny i unicki w Rzeczypospolitej», 28.

ки, которые не подчинялись переменам, не могли проводить церковную службу, теряли свои поместья, не могли принимать подношения верующих. По закону они могли подавать петиции протеста в суды, но суды всегда принимали сторону католической и униатской церкви. Поскольку государство их не защищало, вошло в практику закрытие православных церквей, насильственная конфискация.

Среди множества судебных актов такого рода документы составляют толстые тома археографических комитетов 19 века. Из числа многочисленных нарушений закона и насильственных действий следует остановиться на деле уже упомянутого выше православного львовского епископа Гедеона Балабана. В центре событий, случившихся в августе – сентябре 1597 г., стоит нападение на резиденцию епископа Балабана, ее разорение и ограбление. Первое заявление подал в суд брат епископа Федор Балабан с подробным описанием того, как греко–католики напали на дом брата, как ломали все, что попадало под руку. Его брат, епископ, вынужден был бежать и спрятатья в монастыре. Однако одичавшие униты напали и на монастырь, штурмовали его с ведома луцкого старосты, более того, и его люди участвовали в этом.[9] 28 августа 1597 г. сам епископ Балабан заявил на насильников, на самого старосту, а также на стоящего за всем этим униатского архиепископа Терлецкого. Он подробно перечислил материальные (свои и церковные) убытки, упоминая их и в денежном эквиваленте. (Документ сохранился среди актов владимирского городского суда). Из церкви украли церковную утварь, золото, иконы в серебряных окладах, Библию и другие церковные книги (стоимостью 115 польских золотых), толстые свечи, двери церкви сломали, все повредили. В подробном личном списке убытков фигурирует еще много ценностей.[10] Заявление униатского архиепископа Терлецкого и его сторонников против Балабана в луцком суде зарегистрировали 27 сентября 1597 г.[11]

Король Сигизмунд III, чтобы успокоить вспыхнувшее недовольство, в циркуляре от 22 марта 1597 г. сообщает подданным, что отрицающие унию епископы неприкасаемы, но решение по делу епископа Балабана отложил, как и требование участвующих в сейме 1598 г. православ-

9 *Архив Юго–Западной России, издаваемый Комиссией для разбора древних актов*, … (Архив ЮЗР) I/6. (Киев: Изд. Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1883), 128–129., 130–133.

10 *Архив ЮЗР I/6*, 133–140.

11 *Архив ЮЗР I/6*, 144–147.

ных депутатов вернуть православные церкви. Однако декретом от 27 марта 1599 г. спор о недвижимости между архимандридом киевского пещерского монастыря и униатским митрополитом он решил в пользу последнего.[12] Спустя год король Сигизмунд III в качестве верховного судьи государства обязал архимандрита передать все земельные владения, находящиеся в киевской митрополии, в собственность униатского митрополита.[13]

Само собой разумеется, что ортодоксальная клерия и нижнее духовенство, особенно занимающиеся работой православных школ братства (в первую очередь вильнюское, львовское) отрицали унию и использовали каждую возможность для выражения протеста.[14] Из документов ясно что территориями религиозной борьбы, центрами столкновений между католиками и православными после 1596 года были луцко–владимирское (волынское) и русинское (львовское) епископства.

В борьбе православных с униатами поворотным моментом является 1620 год, когда в Киеве «воскрес» не существующий между 1596 и 1620 гг. пост православного митрополита. Случилось так, что иерусалимский патриарх Феофан III (Theophanes), который в 1619 г. в Москве назначил московским патриархом освободившегося из польского плена Филарета Романова (отца царя Михаила Федоровича), в августе 1620 г. прибыл в Киев. С разрешения и под зашитой короля Сигизмунда III он мог находиться и путешествовать в Польше. Феофан III провел в Киеве 9,5 месяцев, за это время он смог собрать убедительные доказательства об обидах, нанесенных православной церкви и верующим. Иерусалимский патриарх, обойдя королевскую бюрократию, в тайне осуществил реконструкцию православной церковной иерархии. Всего 7 монахам были дарованы посты высшего духовенства: 1 митрополиту, 1 архиепископу, 5 епископам, – владимирскому, премышлянскому, пинскому, луцкому, хелмскому. 9/19 октября 1620 г. Феофан III посвятил в митрополиты Иова Борецкого (в миру Иван Матвеевич Борецкий, 1560–1631), бывшего ректора львовского, позже киевского братства, митрополита Киевской Лавры, с титулом «Экзарх Константинопольского престола». Мелития Смотрицкого Феофан III посвятил на архиепи-

12 Mironowicz, «Kościoł prawosławny i unicki w Rzeczypospolitej», 28.
13 Архив ЮЗР *I/6*, 301–303.
14 Likowski, *Unia brzeska, 1596*, 190–199.

скопство Полоцкое при участии митрополита Иова[15] Смотрицкого. Как только приехал из Киева домой в свое архиепископство, в циркуляре известил полоцких, витебских, вилнюских православных верующих о восстановлении митрополии. К удивлению римских и греческих католиков, православные приходы были восстановлены, теологические дискуссии с большой интенсивностью продолжались как устно, так и письменно.[16] Этому способствовало то обстоятельство, что униатское церковное руководство: архиепископ полоцкий Иоасафет Кунцевич (Ioasafat Kuncewicz), митрополит из Вильна Йосиф Рутский (Rutski) были в Варшаве на сейме. Рутский и Кунцевич сделали все возможное, чтобы объявить вне закона киевскую деятельность, признать недействительным восстановление патриархом Феофаном православной иерархии. Сейм 1623 г. не тронул изменения внутри православной церкви. Однако противоречия между униатами и православными это никак не приглушило. Православные три раза покушались на жизнь Кунцевича не могли простить, что он основал орден Базилиана на Украине и еще больше укрепил позиции униатов в Речи Посполитой. Кунцевич, как основатель монашеского ордена Базилиана и Полоцкий униатский архиепископ с 1618 г. активно помогал миссионерской деятельности ордена. 12 ноября 1623 г. в Витебске его беспощадно убили. Тело протащили по улицам города, после этого привязали к телу камни и бросили в Западную Двину. За свой жестокий поступок город Витебск был лишен магдебургского права.[17]

Религиозные противоречия не утихали, расширялись. О повторяющихся изо дня в день нападениях, беспокойствах свидетельствует огромное количество судебных заявлений. Особенно острыми были акты насилия в брестском, пинском, луцком и львовском церковных приходах.[18] Характеризуемая «3 Т» (*taciturnitas, tenacitas, tarditas* – закрытость, упрямство, медлительность) нетерпимая религиозная политика короля Сигизмунда III доказала и его преемнику сыну Вла-

15 Макарий, *История Русской Церкви Часть 5. Глава II. Западнорусская митрополия в борьбе с унией, под гнетом униатских митрополитов* (без нумерации страниц) https://azbyka.ru/otechnik/Makarij_Bulgakov/istorija-russkoj-tserkvi/5_1

16 Архив ЮЗР *I/8.* Выпуск I. (Киев, Изд. Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1914), 505–561., 562–596., 597–673., 674–731., 762–798. – Полемические сочинения против латино-униатов 1597, 1621, 1622, 1638. гг.

17 В середине 18 века на востоке Речи Посполитой работало 195 базилианских монастырей!

18 Акты Виленской археографической комиссии. Том XXXIII (Вильна: Тип. А.К. Киркора, 1908), 281–282., 346–348.

дославу IV (1632–1648), что интолерантность по отношению к ортодоксам насилием можно только ненадолго прикрыть, нужны реальные уступки. Он решительно отказался от негибкой антиордоксальной политики отца. Уже в коронационной клятве он обязался соблюдать свободы «греческих верующих», неприкосновенность привилегий, обстоятельства, мешающие свободе ортодоксального вероисповедания, должны быть устранены и его слова должно закрепить законом.[19] Это и случилось артикулом 1633/XII. (*Assecuracya uspokoienia Religiy Graeckiey*). С согласия всех сословий сейма родился закон, который всему неуниатскому населению Королевства и Великого княжества (*Obywatelom Koronnym i W.X. Litv. Religiy Graeckiey nie będącym w Uniy*) гарантировал свободу вероисповедания.[20]

Разницу во взглядах отца и сына надо искать не в разнице религиозных убеждений, это имеет политические причины. Конкретно, между 1632–1634 в русско–польской войне за Смоленск и в стремлении привлечь на свою сторону казачьи массы православной веры. Со смертью в 1648 г. польского короля Владислава IV хрупкий общественный мир нарушился. На поверхность с невиданной до сих пор силой выплеснулись противоречия между польским дворянством и украинским – окраинным, привилегированным военным крестьянством, усугубленные непримиримым религиозным противостоянием. Но вся казацкая война 1648–1654 гг, польско–литовская внутренняя война коренным образом отличалась от выступлений прошедших десятилетий, так как православное население окраин Речи Посполитой (Киев, Подолия, Волынь) на религиозно – идеологической основе стало единым в борьбе с польскими, католическими и греко–католическими «угнетателями».

Гетман украинского казачества Богдан Хмельницкий происходил из привилегированной казацкой семьи, был воспитанником иезуитской школы – личные обиды удачно связал с обидами народа и свободного казачества, время от времени на его стороне выступали и крымские татары. Весной 1648 г. он инициировал вооруженную борьбу против поляков. Переломный момент в войне наступил после решения Земского Собора от 1/11 октября 1653 г.[21], когда царь Алексей

19 *Volumina Legum. Volumen Tertium, ab Anno 1609 ad Annum 1640* (Warszawa: Drukarnia J. K. M. y Rzeczypospolitey, w Collegium Warszawskim Scholarum Piarum, 1735), 781.

20 *Volumina Legum. Volumen Tertium*, 787.

21 Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ) с 1649 г. Т. 1. 1649–1675 (СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830),

Михайлович после отказов предыдущих лет в конце концов «услышал просьбу Богдана Хмельницкого и Войска Запорожского» и принял их под «высокую царскую руку». После этого он объявил войну польскому королю Яну Казимиру и отправил войска против Речи Посполитой. Среди доказательств справедливости войны, естественно, было преследование православной веры. В этой стране считают враждебной «греческую христианскую веру», церкви до сегодняшнего дня уничтожают, преследуют православных – можно прочитать в объявлении войны. («На православную Християнскую веру Греческого закона … возстали и гонение чинили большое. От истинной Православной Християнской веры … учали отлучать и неволить к своей Римской вере, … Святые Божия церкви осквернили и обругали и разорили, многих невинно замучили, терпети больше того нельзя.»)[22]

Достоверность московского решения была подтверждена 8/18 января 1654 г. на переяславской открытой раде. Перед прибывшим сюда царским посольством на главной площади казацкого города публично и единодушно желали видеть свое будущее под рукой царя Алексея Михайловича, который был «одной веры и одной крови». «Волим под царя восточного! лучше нам умереть в нашей благочестивой вере, нежели доставаться ненавистнику Христову, поганому»… «Боже утверди, Боже укрепи, чтоб мы навеки были едино!»[23]

Военное вмешательство России в польский конфликт, объединенный русско–казацкий потенциал в будущем предполагал неизбежное поражение польско–литовского государства. Было недостаточно угрозы с севера–северо–запада, в 1655 г., используя тяжелое положение Речи Посполитой, с севера–северо–запада начались шведско–бранденбургские захватнические атаки. Польская защитная стратегия была выиграть время. В северном направлении она утихомирила агрессивных соседей, отдав территории (например, бранденбургско–

293-301.

22 ПСЗ Т. 1, 297–298., 299.

23 Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Том 10. 1653–1654 (СПб: Тип. брат. Пантелевых, 1878), 217–219. (Об украинских событиях подробно информирует доклад в Посольский приказ царского посла бояра Василия Бутурлина – там же. 141–274.) На этом же базисе документов еще: Грушевський М. С., Історія України–Руси. Том IX, часть 1. (роки 1650–1654). (Київ: Наукова Думка, 1996), 737–738. (репринт издания 1928–го года). О религиозных аспектах Заборовский Л. В., Католики, православные, униаты: Проблемы религии в русско–польско–украинских отношениях конца 40–х – 80–х гг. XVII в. Документы. Исследования. Часть 1: Источники времени гетманства Б. М. Хмельницкого (Москва: «Памятники исторической мысли», 1998).

быдгощский договор в 1658 г.) а русско–казацкий союз – обезвредить «новой казацкой политикой (безуспешно). В 1658 г. кроме привилегий, означавших только общественные выгоды, обещала Запорожскому Войску «государство». Внутри Речи Посполитой, наряду с Польшей и Литвой в качестве элементов нового государства были предложены три украинские воеводства (киевское, черниговское, браславское) под названием «Великое княжество Русь». «Русское княжество» было декларировано гадячской унией 6/16сентября 1658 г., ратифицировано 10 июня 1659 г., в Варшаве: *"Approbacya Kommissyi Hadyackiey"* de jure дуальная Речь Посполитая была организована в триальную.[24] Осуществить на практике это было невозможно уже потому, что киевское и черниговское воеводства были в русско–казацких руках, но это хрупкое сотрудничество удалось нарушить. Полки по обе стороны Днепра не знали, что делать, среди них сформировались польские и русские сторонники. Так польско–русская война дополнилась противостоянием правобережных и левобережных казаков. Военным действиям положило конец в 1667 г. на 13,5 лет андрусовское перемирие. Только через 20 лет в 1686 г. воюющие стороны подписали мир.

26 апреля/6 мая 1686 г. в Москве в тронном зале в праздничной обстановке проходила церемония подписания мира, который ознаменовал конец начавшейся в 1654 г. польско–русской войны. Мир «на вечные времена» закрепил искреннюю дружбу, братскую любовь, уважение, настоящую верность в будущем. Чтобы война не вспыхнула вновь, стороны договорились, что общая государственная граница проходит по реке Днепр, Киев окончательно переходил России. Правобережные и левобережные полки Запорожского Войска повинуются своему государю и, позабыв вражду, будут участвовать в войне против Османской империи. Согласно IX артикулу Речь Посполитая обеспечивала православному населению полную свободу вероисповедания («в Короне Польском и Великом Княжестве Литовском Греко–Российской веры никакого утеснения и принуждения к Вере Римской и к Унии… быти не имеет»)[25] и русский царь имеет право быть защитником православных подданных польского короля.

1686 год преподнес поворот не только в политической жизни, но и

24 *Volumina Legum. Volumen Quartum, ab Anno 1641 ad Annum 1668* (Warszawa, 1737), 644–656.; Подробности: Sándor Gebei, „Üzenet a mának? Az 1658–as Gadjacsi (Hadziaczi) egyezmény akkor és ma?", *Eszterházy Károly Főiskola tudományos közleményei. Acta Academiae Paedagogicae Agriensis. Sectio Historiae T. XXXVII.* (Eger, 2010): 21–39.

25 ПСЗ Т. 2. 1676–1688 (СПб., 1830), 771–772., 777.

в жизни православной церкви. В этом году константинопольский патриарх Дионисий IV (Dionysos) передал свои права над киевским митрополитом московскому патриарху. Есть причина предполагать, что уступка константинопольского патриарха в пользу московского связана с заключением польско–русского мира, т. е. что успешная война против Османской империи (1683–1699) возможна только при единстве западного и восточного христианства и закончится освобождением восточного христианства. Таким образом луцкий архиепископ Гедеон (в миру Григорий Захарович Святополк–Четвертинский), которого выбрали в киевского митрополита в 1685 году, уже не считался «экзархом константинопольского патриарха», то есть он не мог начальствовать над киевским пещерским монастырем и черниговским архиепископством. В 1688 г. политическое банкротство покровителя Гедеона гетмана Запорожского Войска повлекло за собой изменение в использовании титулов. Вместо титула «митрополит Киевский, Галицкий и всея Руси» митрополит мог использовать только «Митрополит Киевский, Галицкий и Малыя России». Нужно зафиксировать: самостоятельная киевская метрополия существовала между 1620–1688 гг.[26]

Турецкая война как для России, так и для Речи Посполитой окончилась необычно. Главное действующее лицо Святой Лиги Леопольд I, немецко–римский император, отвернулся от союзников и заключил с Турцией сепаратный мир, вынудив и союзников к такому миру (1699 г. – карловицкий, 1700 – константинопольский мир). Все это он сделал чтобы борьбу с исламскими государствами сменить на войну за испанское наследство (1701– 1714). Россия Петра I, союзница сменившего лютеранизм на католицизм польского короля Августа II (Сильного), сражалась на балтийской территории против Швеции, стремившейся создать Балтийскую империю. За время т.н. великой северной войны с 1700 по 1721 гг. Россия была коалиционным партнером Речи Посполитой, православное население дворянской республики, несмотря на дипломатическую и законодательную защиту, и дальше подвергалось преследованию.

К 1703 г. в Малой Польше (Краков, Люблин, Перемышль, Владимир), Литве, на Польской–Украине полностью победила униатская церковь,

26 Флоря Б. Н., «Западнорусская митрополия», *Православная энциклопедия, т. 19* (Москва, 2013), 612–615. https://www.pravenc.ru/text/182581.html; Janusz Woliński, *Polska i kościół prawosławny: zarys historyczny.* (Lwów: Wydawnictwo Zakładu Narodowego im. Ossolińskich, 1936), (Metropolia prawoslawna w Rzp–ej w XVII–XVIII stuleciu) 97–130. https://zbc.uz.zgora.pl/dlibra/doccontent?id=18828

ведь в стране официально существовала единственная православная могилевская епархия.[27] Ссылаясь на военную опасность, в 1717 г. сейм отменил IV артикул («*Dissidentes in Religione Christiana*»), сделав почти невозможным вероисповедование «диссидентов внутри христианства» (протестантов и православных)[28]. Некатолики решениями 1632, 1648, 1668, 1674 гг. только в некоторых местах могли проводить церковную службу, или в частных домах, где помещики это позволяли. Публичные крестные ходы были запрещены, православные псалмы тоже. Новые диссидентские религиозные общества не могли создаваться, новые церкви запрещалось строить. С зарубежными ортодоксальными епархиями поддерживать связь было запрещено, православные братства по закону подчинялись католической церкви.

Противоположно ограничениям свободного вероисповедания «иноверцев» государственно привилегированный киевский униатский митрополит одержал тотальную победу на Синоде 26 августа – 17 сентября 1720 г. в Замостье (Замойский синод). Работой синода руководил киевский униатский митрополит Лев Кишка. На синоде приняли участие семь униатских епископов, аббат базилитов, восемь униатских высших аббатов, 129 униатских священников и семь представителей католической церкви. Почетным председателем синода был папский нунций (1674–1733) Джироламо Гримальди. Обсуждали вопрос укрепления церковной дисциплины, проблемы усвоения теологоческих знаний и обучения священников, дальнейшее усердие в деле выхода из православия, возможности единства церковных служб, создание сети униатских церквей (в 1720–1795 гг. было построено 95 униатских церквей, главным образом в перемышлянской и львовской епархиях), исключение условий, мещающих латинизации.[29]

Царь Петр I, непосредственные преемники (Екартерина I, Петр II, Анна Елизавета, Петр III) не особенно обращали внимание на законы,

27 См. еще Архив ЮЗР I/4 (Киев: Изд. Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1871), 214–217., 229–230.

28 *Volumina Legum. Volumen Sextum, ab Anno 1697 ad Annum 1736* (Warszawa, 1739), 253–255.

29 Вальчак Д., «Церковная архитектура в западном стиле. Замойский синод 1720 года и его значение для процесса латинизации церковного интерьера на территории Речи Посполитой в 1720–1795 гг.», *Studia Humanitatis,* no. 4 (2020) (без нумерации страниц – https://st-hum.ru/content/valchak-d-cerkovnaya-arhitektura-v-zapadnom-stile-zamoyskiy-sinod-1720-goda-i-ego-znachenie; Tadeusz Śliwa, «Kościół greckokatolicki w latach 1696–1764», *Historia kościoła w Polsce* (Red. B. Kumor, Z. Obertyński) T. 1: cz. 2: Od roku 1506 do roku 1764 (Poznań–Warszawa, 1974), 458–478.

ограничевающие веру польско–литовских православных, не пользовались гарантированной международным правом ролью «защитник веры» (*defensor fidei*). Внешнеполитические цели России отодвинули пока на задний план жалобы единоверцев. А ведь с 1733 г. у православных женитьба, крещение, похороны могли совершаться только с разрешения католиков, к тому же православные могли хоронить исключительно ночью. Родившиеся в смешанном браке дети были без исключения католиками. По решению сейма (1736) исключили религиозных диссидентов из списка не только государственных, но и местных чиновников. Угрожали серьезным наказанием для тех, кто пытался обратиться за помощью в другие страны. [30] Эти дискриминационные различия родились во время господства Августа Веттина III (1733–1763), который был в полной зависимости от дворянской демократии. Поскольку одновременно он был электором Саксонии, он находился постоянно в Дрездене. Август III тридцать лет был королем, великим князем польско–литовского государства, но никогда не был государем.[31]

Считалось естественным, что каждодневную проверку ограниченных в религиозных и гражданских правах диссидентов проводила сеть римских и грекокатолических институтов. Согласно русской статистике (по административной системе конца 18 века) в виленском воевдстве 114, в гродненском 43, в минском 55, витебском 91, могилевском 24 католических церкви и монастыря, всего работало 227 церквей + 53 часовни, не считая 88 базилианских (грекокатолических) монастырей.[32] Ненависть между верующими начиналась уже в школах. Нередко случались нападения учащихся в иезуитских коллегиях на православные братства. Такие громкие события произошли в минском, могилевском воеводствах. Известны, например, такие случаи в

30 *Volumina Legum. Volumen Sextum, ab anno 1697 ad annum 1736* (Warszawa, 1739), 581.

31 Jacek Staszewski, *August III. Kurfürst von Sachsen und König von Polen: eine Biographie* (Berlin: Akademie Verlag, 1996), 249–260.

32 Петров, Н. И., Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо–Западного края (СПб.: Тип. Тов. Общественная польза, 1890), 268–278.; Antoni Sebastian Dembowski (1682–1763) епископ куявский – в его книжке статистические данные о католических институтах. О них известно, что в середине 18 века в Речи Посполитой действовали мужские и женские монастыри: 49 иезуитских, 132 августинских, 122 доминиканских, 120 францисканских, 86 францисканских–миноритов, 76 кармелитских, 29 бенедиктских, 19 цистерцианских, 12 капуцинских и т.д. – Dembowski A. S., *Grundriß der heutigen Staatsverfassung von Polen.* – Его перевод на русский: История о нынешнем состоянии правительства польскаго (С–Петербург: Ак. наук, 1766), 60–62. https://kp.rusneb.ru/item/reader/istoriya-o-nyneshnem-sostoyanii-pravitelstva-polskago

Дорогичине: 1715, 1717, 1722, 1723, 1738, 1742; в Пинске, Бресте: 1724, 1730, 1742; Слуцке: 1744, Вильно: 1745, 1755; Орше: 1722, 1759; Могилеве; 1761 и т.д. По указанию Замойского синода 1720 г. ускорился процесс латинизации униатской церкви: далекая цель слияния римской и греческой католических церквей. Об этом свидетельствуют церковные грекокатолические книги, переписанные с польским произношением (не переводы!)[33], а также меры, помогающие молодежи записаться в школы. На основе присланного в Литву от 5 апреля 1753 г. папского разрешения, поступившие в иезуитскую коллегию и семинарию, живущие в грекокатолических епархиях школьники (*juvenes scholares Rutheni et Moschovitae*) могут усвоить настоящую веру, настоящие теологические учения.[34]

За 30 лет правления короля–марионетки Августа III дворянская демократия породила и вскормила т.н. «золотую свободу» (*złota demokracja*), которая совершенно дезорганизовала государство. Славное прошлое Речи Посполитой, ее международный престиж в 18 веке уже исчез, она превратилась в пассивного наблюдателя неблагоприятно затрагивающих ее европейских событий. После окончания семилетней войны (1756–1763) она попала в вынужденное положение по отношению к соседним государствам (России, Пруссии).

Избрание последнего короля Речи Посполитой также отражает это зависимое положение. Станислав Август Понятовский, (St. A. Poniatowski) ставший польским королем с помощью Петербурга и Берлина (1764–1795) связывал это с неупорядочностью положения некатоликов. Бывший любовник императрицы Екатерины II обещал равноправие иноверцам. «Создатели короля» считали недостаточной силу данного слова, поэтому во время между кандидатством (7 мая 1764 г.) и избранием короля (7 сентября) в совместной русско–прусской декларации собрали и представили будущему королю религиозные, церковные требования.[35] Екатерина II и Фридрих II в заявлении

33 Теплова В. А., «Латинизация греко–католической церкви XVII–XVIII вв. как фактор духовно–культурного размежевания униатского духовенства», в Верныя веры бацькоу. Зборнік матэрыялаў Міжнароднай царкоўна–навуковай канферэнцыі (Мінск, 2013), 77. Другие аргументы к усилению латинизвции 73–81. – https://sofia.by/Conference_400.pdf#page=159

34 Акты Виленской археографической комиссии (*Документы, относящиеся к истории Церковной Унии в России)* Том XVI (Вильна: Тип. А.К. Киркора, 1889), 197.

35 Мартенс Ф. Ф., Собрание трактатов и конвенций, Т. VI. Трактаты с Германиею, 1762–1808 (С.–Петербург, 1883), 33–37. См еще Носов Б. В., «Русская политика в диссидентском вопросе в Польше 1762–1766 гг.», Польша и Европа в XVIII веке. Между-

предупредили Речь Посполитую, что дискриминация православных, лютеран, калвинистов (под общим названием диссиденты, иноверцы), невозможна, все религии и их церкви в будущем должны быть равноправны. Первым шагом ожидаемого юридического ответа была коронационная клятва. На коронации в Варшаве 25 ноября (на именины Екатерины) Станислава Августа, коронующийся дал клятву соблюдать с римско– и греко–католиками законное и общественное равноправие иноверцев.[36]

Поведение короля, его подчинение иностранцам вызвало всеобщее недовольство в стране, вождь сеймской оппозиции краковский архиепископ Каетан Солтик (Kajetan Sołtyk) прямо назвал предателями родины тех, кто на сейме поднял голос за православие.[37] На заседаниях сейма он выступал с гневными речами в защиту «истинной веры». 10 августа 1764 г. он написал одинаковые письма французскому королю Людовику XV, испанскому королю Карлу III, сардинскому королю Иммануилу III, королеве Марии Терезии, австрийскому наследному принцу Иосифу, саксонскому князю Альберту, епископам–электорам майнцскому, кельнскому, трирскому, в которых просил помочь Польше, которой угрожают польские религиозные диссиденты, и просил

народные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой (Москва: Институт славяноведения РАН, 1999), 39–46.

36 *Volumina Legum. Volumen Septimum, ab Anno 1764 ad Annum 1768* (Petersburg, Druk J. Ohryzki, 1860), 135. – „cum caeteris confirmavimus, in juramento nostro Catholicas Romanas nominavimus, id nihil omnibus Ecclesiis Graecis, et privilegiis earundem obesse debet, imo eadem in suo robore conservamus, tum et articulo juramenti huic nequaquam derogare volumus, quod videlicet pacem et tranquillitatem inter dissidentes de religione tuebimur et manutenebimus,..."

37 О его жизни: Kazimierz Rudnicki, *Biskup Kajetan Sołtyk 1715–1788* (Monografie w zakresie dziejów nowozytnych. Wydawca Szymon. Askenazy. t. 5.) (Kraków: Druk W.L. Anczyca, 1906). https://archive.org/details/biskupkajetansot05rudn – Каетан Солтык (Kajetan Sołtyk) изучал теологию в Риме, в 1736 уже гнезненский каноник, посвятили в епископы в 1749 году, киевский епископ с 1756 по 1759 год. Резиденция его была в Житомире. С его именем связан т. н. житомирский судебный процесс на котором были обвинены 31 еврей и 2 еврейки в ритуальном убийстве трехлетнего мальчика польского дворянина. Обвинение в убийстве было доказано в 13 случаях и обвиненные были казнены. (Подробности Rudnicki, 15–18.) Каетан Солтык тридцать лет (1758–1788) был краковским епископом, беспощадный враг религиозных диссидентов, в первую очередь православных и их поддерживающих русских. Подробнее о деле диссидентов: Kęder Wojciech, „Kryzys wokół sprawy dysydenckiej a sprawa suwerenności Rzeczypospolitej w latach 1764–1767 w świetle dokumentów papieskiego Sekretariatu Stanu", in *Rzeczpospolita wielu wyznań (Materiały z międzynarodowej konferencji, Kraków, 18–20 listopada 2022.* Под redakcją Adama Kaźmierczyka et a.) (Kraków: Akademicka, 2004), 365–375.

спасти польскую католическую церковь (*niebezpieczeństwo dla kraju polskiego a katolickiego*). Бывшая слава Речи Посполитой благодаря католической церкви, уступки иноверцам – признак упадка и причина всех несчастий, – утверждал он. Государство находится в опасности, ему необходима внешняя помощь, будущее зависит от государей–католиков, теперь ответственность лежит на них.[38]

Внешнеполитический кризис Речи Посполитой неудержимо нарастал. Обострение религиозных проблем переплеталось с разжиганием национальных чувств, с ненавистью к инородцам, в первую очередь к русским. Причина этого была в том, что часть русских солдат не оставила польско–литовские территории, чтобы помешать внутренней анархии, чтобы новый король, поддерживаемый Екатериной II и Фридрихом II, обеспечил религиозные и гражданские права православным и протестантам. Король был в незавидном положении, ведь ему одновременно надо было сражаться с угрожающей его власти внутренней (анархия) и внешней (суверенность) опасностями. Реально оценивая создавшееся положение, он понимал, что своими силами он не может справиться. Для него и поддерживающих его сенаторов был единственный выход – опираться на присутствие русской военной силы, что вследствие прусско–русского союза выглядело еще более неприемлемым.

Король, не обращая внимания на раздел сенаторов по принципу про–контра был готов принять делегацию православных. Во главе православной делегации стоял ученый, знающий греческий, латинский, хебер, польский, немецкий языки, Георгий Конисский, могилевский архиепископ, бесстрашный защитник православия. Католические фанатики много раз организовывали покушения, в 1759 его хотели убить в оршанской церкви, во время службы. Его авторитет был так велик, что в 1762 г. он участвовал в московской коронации русской императрицы Екатерины II. Этот уважаемый всеми верховный священник, пользуясь случаем, на королевской аудиенции подал письменную просьбу королю, в которой требовал для живущих в Речи Посполитой православных защиты, правовой безопасности, равноправия перед законом.

38 Rudnicki, *Biskup Kajetan Sołtyk*, 115–117.; См. еще: Władysław Konopczyński, „Do charakterystyki biskupa Sołtyka", in *Kwartalnik Historyczny. Rocznik XXIV* (Lwów, 1910), 468–494.; Носов, Русская политика в диссидентском вопросе в Польше 1762–1766 гг., 609–660.

Список, состоящий из 60 пунктов, король, посаженный на трон русскими и пруссаками «милостиво» принял.[39] В перечислении обид особое значение имели нападения на православные монастыри. Идею подавали римско– и греко–католические приходские священники, они же возглавляли эти нападения. Особенно серьезные инциденты произошли в чигиринском старостве в бельзской волости. Уния упрямо отрицала это, поэтому грабили и закрывали церкви, православных монахов разгоняли, тех, кто не мог убежать, били палками, бросали в ямы, держали в плену. В некоторых местах от разгромов откупались подношениями, деньгами и т.д.

Король Станислав Август, чтобы снять напряжение, торжественно обещал, что проверит обиды неуниатов и поступит по справедливости, а на следующем сейме добьется равноправия некатоликов. Со стороны короля, во всяком случае, обещание было преждевременным, до конца непродуманным высказыванием, ведь данное слово надо было исполнить вопреки желанию сидящего в сенате высшего духовенства. Его попытки одна за другой провалились, терпение держав, сделавших из него короля, к 1767–1768 гг. кончилось, и его насильно принудили принять «закон толеранции»,[40] выгодный им.

Уже 5 октября 1767 г. в первый день заседаний чрезвычайного сейма угрожала открытая конфронтация. И не только потому, что укрепленные артиллерией четыре полка Петра Кречетникова, русского генерала-майора, направились на Варшаву[41], но и потому, что обещания Станислава Августа во время коронации, подтвержденные клятвой, в глазах сеймской оппозиции были предательством родины. Они утверждали, что уступки короля в пользу диссидентов означают отказ от католицизма, как от фактора, образующего нацию, религия защищает отчизну, а покорность внешним государствам ведет к потере государственной суверенности. Гражданскую войну на время предотвратило выступление русского посла в Варшаве Николая Репнина. По

39 Архив ЮЗР часть 1. том 2. *Материалы для православия в Западной Украине в 18 столетии* (Киев, 1864), 136–145. Дело диссидентов с точки зрения католиков: M.C. Łubieńska (сестра урсулинка), *Sprawa dysydencka 1764–1766* (Warszawa–Kraków: Gebethner i Wolff, 1911) – десь см. главу 8 *„Petycya dysydentów"* 119–127.

40 Stanisław Lubomirski, *Pod władzą księcia Repnina. Ułamki pamiętników i dzienników historycznych (1764–1768)* (Opracował: Jerzy Łojek) (Warszawa: Pax, 1971), 146–152., 161–167.

41 «Журнал генерал–майора и кавалера Петра Никитича Кречетникова, главного командира корпуса Ея Императорского Величества, ... о движении о военных действиях в Польше в 1767 и 1768 годах», в Чтения в Обществе истории и древностей российских (ЧОИДР) 1863. Книга 3. Часть 2 (Москва, 1863), 14–19., 50–54. (Журнал Кречетникова)

его приказу арестовали 53–летнего епископа Солтика и других руководителей оппозиции ночью 2/13 октября 1767 г. и депортировали их в Россию.[42] В спецлитературе названный как «Сейм Репнина» окончился «соответственно ожиданиям».[43]

26 февраля 1768 г. сейм принял с неслыханной подробностью написанную книгу законов «Права кардинальные» (*Prawa kardynalne*), принятие которой в религиозном и гражданском отношениях уровняло некатоликов. Первое приложение написанного на латинско–польском языке документа занимается практической корригацией религиозных обид. Было закреплено равноправие религий и церквей; все, общества и лица, имели право на свободное вероисповедание. Исключенные до сих пор из общественной жизни иноверцы могли беспрепятственно пользоваться (выбирать и быть выбранным) гражданскими правами согласно букве закона. Подробности практического исполнения, касательно «греческих неуниатов» содержал II артикул 1–17§ параграфы, относительно жителей протестанских центров (Торунь, Гданьск, Елбланг, Вармия) содержал III артикул 1–13§ параграфы. Иноверцами присоединенных к Речи Посполитой территорий (Курляндия, Польская Ливония, Семигаллия) занимались IV артикул (1–8§) и V артикул (1–4§).[44]

Вынужденные (русским вмешательством) действия сейма 1767–1768 гг. и насильственные решения стали причиной появления антикоролевских и антирусских программ конфедераций (66 местных, из них 23 литовские)[45] Из них самой значительной была барская конфедерация, которой руководили подольский епископ Адам Красинский и генералы Пуласские: отец Йозеф и сыновья Казимир, Антон, Франтишек. Одно из обращений говорящего о патриотических чувствах поляков Казимира Пуласки открыто призывает поляков к борьбе.[46] «Уже 60 лет

42 Журнал Кречетникова, 62–64.

43 Носов Б. В., Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756—1768 гг. (Москва: Индрик, 2004), 609–659.

44 *Volumina legum. Volumen Septimum, ab Anno 1764 ad Annum 1768,* (репринт издания варшавских пиаристов 18–ого века) Actus separatus primus, quo immunitates et praerogativae Graecorum Non–Unitorum, et dissidentium, civium et incolarum in Ditionibus Serenissimae Reipublicae Poloniae, et annexis eidem Provinciis continentur. – 257–276. (II. articulus 1–17 §: 258–270.; III. articulus 1–13 §: 270–272.)

45 Соловьев С. М., История падения Польши. (Москва: Тип. Грачева, 1863), 56. https://prussia.online/Data/Book/is/istoriya-padeniya-polshi/Solovjev_S_M_Istoriya_padeniya_Poljshi_1863.pdf

46 Петров А. Н., Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769–1774 гг. Том 1. (СПб.: Тип. Веймара, 1866), 47–49. (Петров Война России ... с 1769–1774 гг.)

в нас живет подавляемая ненависть к русским и это в большей степени ослабило нашу несчастную родину, чем открытое военное поражение, говорит военный руководитель барийцев. – Когда-то этот презираемый народ спасался бегством от наших предков, их цари кланялись нашим королям. Мы молчали, но приняли к сведению, что они построили свою империю на земле лесов и степей. Наша республика стала жертвой насилия с их стороны. В наши дни унижена наша вера, наша верховная власть стонет под чужим игом, наши права топчат ногами. Все это могут терпеть только трусы. Надо отбросить трусость, за свободу надо бороться, за нее даже смерть надо принять, даже если среди поляков и литовцев есть предатели. Наше противостояние надо организовать двигаясь из одного района в другой, чтобы вся страна была окутана сетью нашей конфедерации, чтобы русские везде чувствовали наше презрение, нашу ненависть».

Епископ Красинский в 1768 г. даже ездил в Париж к королю Людовику XV за помощью к начатой борьбе под лозунгом «за веру и вольность» (za wiaru). Париж не остался равнодушным к полякам, оказывая материальную помощь и направляя военных советников для помощи «первому польскому народному восстанию», словами Нормана Девиса: «началу современного польского национализма.»[47] Стамбульские дипломаты Франции (в первую очередь посол Шарль де Вержен (1755–1768 гг.) играли активную роль в том, чтобы Османская империя, используя вооруженную борьбу поляков, в 1768 г. объявила войну России. Россия была вынуждена сражаться на два фронта: против армий барской конфедераци и против османов.

Конфедераты, избегая общих столкновений, не ввязываясь в открытые бои, прекрасно используя трюки «малой войны», основательно усложняли дело русской регулярной армии. Как только удавалось усмирить литовские и подольские части (например взятие Бара 9 июня 1768 г.), так надо было концентрироваться на уничтожении нового «очага пожара». Успешные акции Суворова – занятие Кракова (22 января/2 февраля 1772 г.) и взятие последнего значительного центра ченстоховского монастыря–крепости (4/15 августа 1772 г.) – означали окончательное поражение конфедератов. Ченстоховское чудо 1655 года не повторилось в 1772–ом году. Если Карол X Густав шведский король не мог справиться с героически защищавшимися поляками во время потопа, то солдаты Суворова заставили сдаться на все готовых

47 Norman Davies, *Lengyelország története* (Budapest, Osiris, 2006), 412.

воинов Казимира Пулаского. В последнем приказе комендант крепости призвал защитников закончить борьбу, так как узнал, что соседние государства с Речью Посполитой договорились о территориальном разделе Польши–Литвы.[48] Соглашение о разделе подписали в Петербурге 25 июля/5 августа 1772 г. Дальнейшее противостояние не имеет смысла, невозможно сражаться с тремя державами – покорно признал горькую действительнось Пуласки. Но капитуляция должна произойти исключительно перед польским королем, не перед русскими – герой барской конфедерации тайно бежал из крепости–монастыря, потому что он не мог рассчитывать на помилование. [49]

Главное в рациональном и иррациональном поведении конфедератов французский военный советник конфедератов Шарль Франсуа Дюмурье характеризовал следующим образом. Сами поляки великодушные, страстно любят свободу, в ее интересах они готовы на любые жертвы, но это государство – чудовище, потому что имеет только голову и желудок, оно живет без рук и ног. Это такое государство, в котором 8–10 млн человек не считают людьми, их продают и покупают как домашних животных.[50]

Подавление «первого народного восстания», и неразделимость религиозной интолерантности (католицизм) и с 1573 г. «золотой свободы» (*złota demokracja*), усмирение поляков–литовцев, которые социализировались при неограниченной свободе, только временно обеспечило спокойствие. Появление на польской земле идеалов Великой французской революции (т.н. четырехлетний сейм 1788–1792, во время его работы 3 мая 1791 г. принята новая конституция), вновь вынесло на поверхность непримиримое, неразрешимое противоречие между государственной структурой Польши и царским и прусским абсолюцизмом. По русско–прусской инициативе в мае 1792 г. образовалась тарговицкая конфедерация, чтобы польская внутренняя политика вернулась к состоянию до конституции 1791 г. то есть к «настоящей польской конституционности». Чтобы предотвратить новую гражданскую войну, русская армия наводнила Польшу, что вызвало «малую войну» уже в 1792 г. Для успокоения страны был проведен второй раздел Речи Посполитой (13 января 1793 г.), что только подлило масла

48 Петров, Война России ... с 1769–1774 гг. Том 4 (СПб.: Тип. Веймара, 1874), 134–135.

49 József Zachar, „Kováts Mihály és Kazimierz Pułaski. Magyar – lengyel fegyverbarátság az Ó– és az Újvilágban", in *Acta Academiae Paedagogicae Agriensis. Tom. XXXIV. Sectio Historiae.* (Szerk.: Tibor Besze, Antal Miskei) (Eger, Líceum Kiadó, 2007), 127–155.

50 Соловьев, *История падения Польши*, 97.

в огонь. Напоминая барскую конфедерацию, сложилось всенародное единство. В 1794 г. началось антирусское восстание, которое возглавил генерал Тадеуш Костюшко (1746–1817). Борьбу неравных сил 10 октября 1794 г. решило мацеёвицкое сражение, где раненый Костюшко и сам попал в плен. До 1796 г. он находился в плену в Петербурге, освободился после того, как дал слово царю Павлу I, что никогда не вернется в страну и никогда не поднимет оружия против России.

Польско–русское противостояние к концу 18 века непримиримо усугублялось, а в 19 и 20 веках политические события еще больше усиливали его.[51] Вспомним 1807, 1815, 1831, 1863, 1918, 1921, 1939, 1991, 2022 гг.! Мы только можем надеяться на примирение, но в настоящее время этому и признака нет. Без всякой задней мысли следует сделать замечание в конце доклада. Исчезновение Речи Посполитой с европейской карты случилось по общему желанию, в общих интересах трех соседних держав. Таким образом за судьбу Речи Посполитой они одинаково ответственны.

Иллюстрация к 1-ой странице –
Jan Matejko: Stefan Batory pod Pskowem, (1872)[52]

51 По теме например см. книгу белорусского историка. Тарас А. Е., Анатомия ненависти (Русско–польские конфликты в XVIII – XX вв.) (Минск: Харвест, 2008) – Польский вариант: Anatol Taras, *Anatomia nienawiści. Stosunki polsko–rosyjskie XVIII–XX wiek* (Warszawa: Wyd. Demart, 2015).

52 https://hu.wikipedia.org/wiki/F%C3%A1jl:Jan_Matejko-Batory_pod_Pskowem.jpg#file

References

Akty, otnosiashiesia k istorii Juzhnoi i Zapadnoi Rossii. Tom 10. 1653-1654 [Acts Related to the History of Southern and Western Russia. Volume 10. 1653-1654] (Sankt-Peterburg: Tip. brat. Panteleievikh, 1878).

Arkhiv Iugo-Zapadnoi Rossii, izdavaemyi Vremennoi komissei dlia razbora drevnikh aktov [The Archive of Southwestern Russia, Published by the Temporary Commission for the Analysis of Ancient Documents] (Kiev: Izd. Tip. G. T. Korchak-Novitskogo. Chast' 1, tom 2, 1864; Chast' 1, tom 4, 1871; Chast' 1, tom 6, 1883; Chast' 1, tom 8, vypusk 1, 1914).

Akty Vilenskoi archeograficheskoi komissii. Tom XVI, XXXIII [Acts of the Vilnius Archaeographic Commission. Volumes 16 and 33] (Vilna: Tip. A. K. Kirkora, 1889., 1908).

Norman Davies, *Lengyelország története* [A History of Poland (Budapest: Osiris, 2006).

Antoni Sebastian Dembowski, *Istoriia o nyneshnem sostojanin pravitel'stva pol'skago* [The Current state of the Polish Government's History] (Sankt-Peterburg: Akademiia Nauk, 1766.) https://kp.rusneb.ru/item/reader/istoriya-o-nyneshnem-sostoyanii-pravitelstva-polskago (Accessed 20th August 2023).

M. V. Dmitriev, «Religioznye voiny v Rechi Pospolitoi. K voprosu o posledstviiakh bretskoi unii 1596 goda» [Religious Wars in the Polish-Lithuanian Commonwealth. On the Question of the Consequences of the Brest Union of 1596], *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, no. 1 (2008) https://slavica-petropolitana.spbu.ru/images/2008–1/01–Dmitriev.pdf (Accessed 20th August 2023).

B. N. Floria, «Zapadnorusskaia metropoliia» [The Western Russian Metropolis], v *Pravoslavnaia enciklopediia.* Tom 19 (Moskva, 2013). https://www.pravenc.ru/text/182581.html (Accessed 20th August 2023).

Sándor Gebei, „Üzenet a mának? Az 1658–as Gadjacsi (Hadziaczi) egyezmény akkor és ma?" [A Message for Today? The 1658 Hadiach (Hadziaczi) Agreement Then and Now?], *Eszterházy Károly Főiskola tudományos közleményei. Acta Academiae Paedagogicae Agriensis. Sectio Historiae T. XXXVII.* (Eger, 2010): 21–39.

Reinhold Heidenstein, *De bello Moscovitico, quod Stephanus rex Poloniae gessit, commentariorum libri VI.* [On the Muscovite War, which Stephen, King of Poland, Conducted, in Six Books of Commentaries] (Basileae [Basel], MDXXCVIII [1588] https://books.google.hu/books?id=7GZiXc3q2goC&printsec=frontcover&hl=hu&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (Accessed 20th August 2023).

M. S. Hrushevsky, *Istorija Ukrayni-Rusi* Tom IX. Chast' 1 (roki 1650–1654) [History of Ukraine-Rus. Volume IX, Part 1. (Years 1650–1654)] (Kyiv: Naukova Dumka, 1996).

E. Kachinskaia, «Poliaki v Sibiri (1815–1914). Sotsial'no-demograficheskii aspekt» [Poles in Siberia (1815–1914): Socio-Demographic Aspects], *Sibir' v istorii i kul'ture pol'skogo naroda* (Perevod s pol'skogo) (Moskva: Ladomir, 2002).

Wojciech Kęder, „Kryzys wokół sprawy dysydenckiej a sprawa suwerenności Rzeczypospolitej w latach 1764–1767 w świetle dokumentów papieskiego Sekretariatu Stanu" [The Crisis around the Dissident Issue and the Matter of the Sovereignty of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the years 1764–1767 in the Light of Documents from the Papal Secretariat of State], in *Rzeczpospolita wielu wyznań (Materiały z międzynarodowej konferencji, Kraków, 18–20 listopada 2022.* Pod redakcją Adama Kaźmierczyka et a.) (Kraków: Akademicka, 2004), 365–375.

Władysław Konopczyński, „Do charakterystyki biskupa Sołtyka" [Towards a Characterization of Bishop Sołtyk], in *Kwartalnik Historyczny. Rocznik XXIV* (Lwów, 1910), 468–494.
P. N. Krechetnikov, «Zhurnal general-maiora i kavalera P. N. Krechetnikova, glavnovo komandira korpusa Eia Imperatorskogo Velichestva, ... o dvizhenii o voennikh deistviiakh v Polshe v 1767 i 1768 godakh» [The Journal of Major General and Knight Petr Nikitich Krechetnikov, the Supreme Commander of the Corps of His Imperial Majesty, ... on the Movement and Military Actions in Poland in 1767 and 1768], v *Chteniia v Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh 1863. Kniga 3. Chast' 2* (Moskva, 1863), 14–19., 50–54.
A. A. Krikh – S. A. Mulina, «Pol'skie konfederaty v Sibiri» [Polish Confederates in Siberia], *Izvestiia irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia «Politologiia. Religiovedenie»*, no. 2. ch. 2 (2012): 13–21.
Zygmund Librowicz, *Polacy w Syberii* [Poles in Siberia] (Kraków: G. Gebethner i Spółka, 1884 // Biblioteka Zesłańca. – Wrocław, 1993).
Edward Likowski, *Unia brzeska, 1596.* (Wyd. drugie) [The Union of Brest, 1596. (2nd Edition)] (Warszawa: Gebethner i Wolff, 1907), 133–137. https://pbc.biaman.pl/dlibra/publication/1953/edition/2104/content (Accessed 20th August 2023).
Maria Cecylia Łubieńska, *Sprawa dysydencka 1764–1766* [The Dissident Issue 1764–1766] (Warszawa–Kraków: Gebethner i Wolff, 1911).
Stanisław Lubomirski, *Pod władzą księcia Repnina. Ułamki pamiętników i dzienników historycznych (1764–1768)* [Under the Rule of Prince Repnin: Fragments from Memoirs and Historical Journals (1764–1768)] (Opracował: Jerzy Łojek) (Warszawa: Pax, 1971).
Makarii metropolita, *Istoriia Russkoi Tserkvi* [A History of the Russian Church] https://azbyka.ru/otechnik/Makarij_Bulgakov/istorija-russkoj-tserkvi/4_5
F. F. Martens, *Sobranie traktatov i konventsii, ... T. VI. Traktaty s Germanieiu, 1762–1808* [A Collection of Treaties and Conventions, Vol. 6. Treaties with Germany, 1762–1808 (Sankt-Peterburg: Tip. Ministerstva Putei Soobshcheniia, 1883).
Antoni Mironowicz, „Kościoł prawosławny i unicki w Rzeczypospolitej w latach 1596–1648" [The Orthodox and Uniate Church in the Commonwealth in the Years 1596–1648], *Białoruskie zeszyty Historyczne* 1 (5) (Białystok, 1996): 26.
B. V. Nosov, «Russkaia politika v dissidentskom voprose v Pol'she 1762-1766 gg.» [Russian Policy on the Dissident Question in Poland, 1762–1766], v *Pol'sha i Evropa v XVIII veke. Mezhdunarodnye i vnutrennie faktory razdelov Rechi Pospolitoi* (Moskva: Institut slavianovedeniia RAN, 1999), 39–46.
B. V. Nosov, *Ustanovleniie rossiiskogo gospodstva v Rechi Pospolitoi 1768 gg.* [Establishment of Russian Dominance in the Polish-Lithuanian Commonwealth in 1768] (Moskva: Indrik, 2004).
Franciszek Nowiński, *Polacy na Syberii Wschodniej. Zesłańcy polityczni w okresiemi międzypowstaniowym* [Poles in Eastern Siberia: Political Exiles in the Inter-Insurrection Period] (Gdańsk: Wydawnictwo Gdańskie, 1995).
Jan Piotrowski, *Dziennik wyprawy Stefana Batorego pod Psków* [The Diary of Stefan Batory's Expedition to Pskov] (Kraków: Księgarnia Spółki Wydawniczej Polskiej, 1894). https://books.google.hu/books?id=uq9DAAAAYAAJ&printsec=frontcover&hl=hu&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (Accessed 20th August 2023).

Povest' o prihozhdenii Stefana Batoriia na grad Pskov [The Tale of Stefan Batory's Arrival at the City of Pskov] (Podgotovka texta i stat'yi V. I. Malysheva) (Moskva – Leningrad: Akademiya Nauk SSSR, 1952). https://djvu.online/file/l9OLZfFZwgyAu (Accessed 20th August 2023).
A. N. PETROV, *Voina Rossii s Turtsiei i pol'skimi konfederatami s 1769-1774 gg*. Tom 1. [The War of Russia with Turkey and Polish Confederates from 1769-1774. Volume 1] (Sankt-Peterburg: Tip. Veimara, 1866).
N. I. Petrov, *Belorussia i Litva. Istoricheskie sud'by Severo-Zapadnovo kraia* [Belarus and Lithuania. Historical Destinies of the Northwestern Region] (Sankt-Peterburg: Tip. Tov. Obshestvennaia pol'za, 1890).
Polnoe sobranie Rossiiskoi imperii s 1649 g. T. 1. 1649–1675., T. 2. 1676-1688 [A Complete Collection of the Russian Empire from 1649. Vol. 1. 1649-1675, Vol. 2. 1676-1688] (Sankt-Peterburg: Tip. II. Otdeleniia Sobstvennoi Evo Imperatorskovo Velichestva Kancellarii, 1830.)
Kazimierz Rudnicki, *Biskup Kajetan Sołtyk 1715–1788* [Bishop Kajetan Sołtyk (1715–1788)] (Monografie w zakresie dziejów nowozytnych. Wydawca Szymon. Askenazy. t. 5.) (Kraków: Druk W.L. Anczyca, 1906). https://archive.org/details/biskupkajetansot05rudn (Accessed 20th August 2023).
Tadeusz Śliwa, «Kościół greckokatolicki w latach 1696–1764» ["The Greek Catholic Church in the Years 1696–1764," History of the Church in Poland] , in *Historia kościoła w Polsce* (Red. B. Kumor, Z. Obertyński) T. 1: cz. 2: Od roku 1506 do roku 1764 (Poznań–Warszawa, 1974), 458–478.
S. M. Solov'ov, *Istoriia padeniia Pol'shi* [A History of the Fall of Poland] (Moskva: Tip. Grachova, 1863). https://prussia.online/Data/Book/is/istoriya-padeniya-polshi/Solovjev_S_M_Istoriya_padeniya_Poljshi_1863.pdf (Accessed 20th August 2023).
Jacek Staszewski, *August III. Kurfürst von Sachsen und König von Polen: eine Biographie* [August III, Elector of Saxony and King of Poland: A Biography] (Berlin: Akademie Verlag, 1996).
V. S. Sulimov, *Pol'skie ssyl'nye v Tobol'skoi gubernii (1801–1881 gg.)* [Polish Exiles in Tobolsk Governorate] (Tobol'sk, 2007).
V. A. Teplova, «Latinizatsiia greko-katolicheskoi tserkvi XVII-XVIII vv. kak faktor dukhovno-kulturnogo razmezhevaniia uniatskovo dukhovenstva» [The Latinization of the Greek Catholic Church in the 17th-18th Centuries as a Factor in the Spiritual and Cultural Differentiation of the Uniate Clergy], v *Vernyia very bats'kou. Zbornik materyialai Mizhnarodnai tsarkoina-navukovai kanferentsi* (Minsk, 2013), 73–80. https://sofia.by/Conference_400.pdf#page=159 (Accessed 20th August 2023).
Volumina Legum. Volumen Tertium, ab Anno 1609 ad Annum 1640 [Volumes of Laws. Volume Three, from the Year 1609 to the Year 1640] (Warszawa: Drukarnia J. K. M. y Rzeczypospolitey, w Collegium Warszawskim Scholarum Piarum, 1735).
Volumina Legum. Volumen Sextum, ab Anno 1697 ad Annum 1736 [Volumes of Laws. Volume Six, from the Year 1697 to the Year 1736] (Warszawa: Drukarnia J. K. M. y Rzeczypospolitey, w Collegium Warszawskim Scholarum Piarum, 1739).
Volumina Legum. Volumen Septimum, ab Anno 1764 ad Annum 1768 [Volumes of Laws. Volume Seven, from the Year 1764 to the Year 1768] (Petersburg: Druk J. Ohryzki, 1860).
Volumina Legum. Volumen Quartum, ab Anno 1641 ad Annum 1668 [Volumes of Laws. Volume Four, from the Year 1641 to the Year 1668] (Warszawa, 1737).

Janusz Woliński, *Polska i kościół prawosławny: zarys historyczny* [Poland and the Orthodox Church: A Historical Outline] (Lwów: Wydawnictwo Zakładu Narodowego im. Ossolińskich, 1936), https://zbc.uz.zgora.pl/dlibra/doccontent?id=18828 (Accessed 20th August 2023).

Dorota Walczak, «Tserkovnaia arhitektura v zapadnom stile. Zamoiskii sinod 1720 goda i ego znachenie dlia protsessa latinizatsii tserkovnogo inter'era na territorii Rechi Pospolitoi v 1720-1795 gg.» [Church Architecture in the Western Style: The Synod of Zamość in 1720 and Its Significance for the Latinization of Church Interiors in the Territory of the Polish-Lithuanian Commonwealth in 1720–1795], *Studia Humanitatis*, no. 4 (2020) (bez numeratsii stranit) https://st-hum.ru/content/valchak-d-cerkovnaya-arhitektura-v-zapadnom-stile-zamoyskiy-sinod-1720-goda-i-ego-znachenie (Accessed 20th August 2023).

L. V. Zaborovskii, *Katoliki, pravoslavnye, uniaty: Problemy religii v russko-pol'sko-ukrainskikh otnosheniiakh kontsa 40-kh – 80-kh gg. XVII v. Dokumenty. Issledovania. Chast' 1. Istochniki vremeni getmanstva B. M. Hmel'nitskogo* [Catholics, Orthodox, Uniates: Problems of Religion in Russian-Polish-Ukrainian Relations from the late 1640s to the 1680s. Documents. Research. Part 1: Sources from the Time of Bohdan Khmelnytsky's Hetmanate] (Moskva: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 1998).

József Zachar, „Kováts Mihály és Kazimierz Pułaski. Magyar – lengyel fegyverbarátság az Ó– és az Újvilágban" [The Hungarian-Polish Brotherhood in Arms in the Old and New World: Mihály Kováts and Kazimierz Pułaski], in *Acta Academiae Paedagogicae Agriensis. Tom. XXXIV. Sectio Historiae.* (Szerk.: Tibor Besze, Antal Miskei) (Eger, Líceum Kiadó, 2007), 127–155.

Essays

Статьи

Tanulmányok

ДЮЛА СВАК

ПЕРИОДИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ[1]

RUSSIAN HISTORY WRITING AND ITS PERIODISATIONS

Periodisation, by its very nature, reflects historical concepts used by particular historians or historical trends. It also clearly defines the place, significance, and degree of importance of particular periods, events or persons in history. With the aim of being representative, while naturally not claiming to be exhaustive, this article offers a selection of twelve well-known overviews by Russian and international academic historians in order to give an idea of the factors determining periodisation and illustrate the opportunities it offers as well as its contradictions. Given that the reigns of Ivan IV and Peter the Great, the Great Patriotic War, the Tatar invasion, the death of Stalin and the collapse of the USSR were all decisive events for their era, these are included in almost all periodisations. This study shows that by examining the structure, periodisation and terminological tools used in large, general overviews, it is possible to get a picture of the various stages and changes in the development of academic history writing. One thing is certain: while it is unnecessary to mystify certain dates, they can be very useful as signposts through the profusion of events.

Keywords: Russian history, periodisation, general overwiew, history writing, decisive events

Gyula Szvák – DSc in History, Professor Emeritus, Russian Studies Centre, Department of Eastern and Central European History and Historical Russistics, Faculty of Humanities, Eötvös Loránd University. E-mail: centre@russianstudies.hu. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6505-5286

1 This study is a written version of a lecture given at the 'Nation, Statehood, and Historiography in East- and East-Central Europe' conference held at ELTE on September 28–29th, 2023.

Citation: Gyula Szvák, "Periodizatsii Rossiiskoi istorii" [Russian History Writing and Its Periodisations], *RussianStudiesHu* 6, no. 1 (2024): 139–156. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2024.6.7

DOI: 10.38210/RUSTUDH.2024.6.7

Неотъемлемой частью изучения истории любой страны является периодизация. Она указывает сигнальные вехи для интерпретации истории и тем самым определяет ключевые, переломные моменты исторического процесса еще до создания самого нарратива. Очевидно, что в данном случае речь идет не просто о датах и событиях. Распределение материала по датам обуславливает и рамки итерпретации. Таким образом, периодизация уже сама по себе отражает понимание истории, характерное для того или иного историка или исторического направления, и в то же время четко определяет место, значение, степень важности того или иного периода, события или личности в истории.

В дальнейшем мы, естественно, без претензии на полноту, но со стремлением к репрезентативности, отобрали 12 широко известных обобщающих работ, созданных в российской и международной исторической науке, на основе которых можно дать представление о возможностях, противоречиях и определяющих факторах периодизации.

Прежде всего мы возьмем для примера «Курс русской истории», возможно, крупнейшего российского историка всех времен, *Василия Осиповича Ключевского*, который оказал влияние на исторические воззрения многих поколений. Мы цитируем одно из поздних изданий «Курса»[2], хотя впервые он был опубликован в начале XX в. По мнению Ключевского российская история состояла из следующих периодов:

1. Период «днепровской, городовой, торговой Руси» с VIII до XIII в.
2. С XIII до середины XV в. длилось время «Верхневолжской, удельно-княжеской, вольно-земледельческой Руси».
3. С середины XV до второго десятилетия XVII в. – «Великой, Московской, царско-боярской, военно-землевладельческой Руси».
4. С этого рубежа начинался последний на тот момент, четвертый период, продолжавшийся до середины XIX в. Это была «всероссийская, императорско-дворянская, крепостническая, земледельческая и фабрично-заводская» эпоха российской истории.

До капитального труда Ключевского наиболее авторитетными считались две крупные обобщающие работы российских историков: «История государства Российского» *Н. М. Карамзина* и «История России с древнейших времен» *С. М. Соловьева*.[3] И хотя обе они в свое время были выдающимися достижениями, использованные в них периоди-

2 В. О. Ключевский, *Сочинения*, т. I. *Курс русской истории 1* (Москва, 1957).
3 Gyula Szvák, *Klió, a csalfa széptevő* (Budapest: Russica Pannonicana, 2013), 17, 27-29.

зации строились по крайне простым схемам. В первой материал делился по правлению князей, а во второй почти методом летописания. По сравнению с этим Ключевский, оставаясь верным своему интересу к социальной истории, уже на уровне периодизации стремился интерпретировать российскую историю как процесс, в ее преемственности. Именно поэтому он не считает рубежами периодов, например, ни вступление на трон первого Романова (1613), ни даже царствование Петра I, которое в большинстве российских исторических работах фигурирует как водораздел эпох.

Зарождавшаяся марксистская интерпретация истории была представлена в русской исторической науке *Михаилом Покровским*. В его обобщающем труде представлены все характерные черты «героического периода» марксизма в России, прежде всего представление об определяющей роли классовой борьбы и социально-экономических отношений в исторических процессах. Этому соответствовала и периодизация, которой практически не придается значения, так как в центре нарратива стоят не события.[4]

Часть 1
Глава I. Следы древнейшего общественного строя
Глава II. Феодальные отношения в Древней Руси
Глава III. Заграничная торговля, города и городская жизнь X—XV веков
Глава IV. Новгород
Глава V. Образование Московского государства
Глава VI. Грозный
Глава VII. Смута
Глава VIII. Дворянская Россия

Часть 2
Глава IX. Борьба за Украину
Глава X. Петровская реформа
Глава XI. Монархия XVIII века
Глава XII. Александр I

4 М. Н. Покровский, *Русская история с древнейших времен*. Кн. 1–3. (Москва, 1896–1899).

Часть 3
Глава XIII. Декабристы
Глава XIV. Крестьянская реформа
Глава XV. Шестидесятые годы
Глава XVI. Революция и реакция
Глава XVII. Внешняя политика буржуазной монархии
Глава XVIII. Конец XIX века

Еще отчетливее эта интерпретация проявляется в научной-популярной, «сжатой» до одного тома и выполнявшей функции учебника «Русской истории», которая с 1921 по 1933 г. включительно выдержала десять изданий.[5]

Часть I.
Первые столетия русской истории
Образование Московского государства
Борьба Москвы с Новгородом
Разложение московского феодализма. Товарное хозяйство и крепостное право
Крестьянская революция
Государство Романовых и раскол
Северная война и Российская империя

Часть II.
Промышленный капитализм
Крепостническое государство
Революционная буржуазия
Народническая революция
Рабочее движение

В этой книге Михаил Покровский уже демонстративно избегает дат (они фигурируют отдельно, в сравнительной таблице в конце тома), но все же видно, что он, например, считает отдельными периодами время Ивана IV, Смутное время, царствование первых Романовых и эпоху Петра I.

5 М. Н. Покровский, *Русская история в самом сжатом очерке. Части I и II. От древнейших времен до конца XIX столетия*. 10-е издание (Москва, 1933).

В девятитомном труде, посвященном российской истории до XIX в., советские историки предложили подход, в котором доминировала политическая история.[6]

1 том: Первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР (1956)
2 том: III-IX вв. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР (1958)
3 том: Период феодализма IX-XV вв. Часть I. IX-XIII вв. Древняя Русь. Феодальная раздробленность (1953)
4 том: Период феодализма XIV-XV вв. Часть II. Объединение русских земель вокруг Москвы и образование русского централизованного государства. XIV-XV вв. (1953)
5 том: Конец XV-начало XVII вв. Укрепление Русского централизованного государства (конец XV-XVI вв.) Крестьянская война и борьба русского народа против иностранной интервенции в начале XVII в. (1955)
6 том: Период феодализма XVII в. (1955)
7 том: Россия в первой четверти XVIII века. Преобразования Петра I (1954)
8 том: Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. Народы СССР в первой половине XVIII в. (1957)
9 том: Период феодализма. Россия во второй половине XVIII века (1956)

Этот обобщающий труд по существу отражает еще сталинское понимание истории, ведь его первый том вышел в свет в 1953 г., и из-за длительности подготовки к печати интелектуальные перемены, начавшиеся с XX съезда КПСС, не смогли оказать влияние и на остальные тома этого издания. О многом говорит, например, само название – «Очерки истории СССР», хотя изложение российской истории доведено лишь до конца XVIII в. Но даже если отвлечься от этого, кажущегося сегодня абсурдным словоупотребления, то и в этом случае останется немало определений курьезного характера. Строго придерживаясь марксовой

6 *Очерки истории СССР. В 9 томах* (Главные редакторы: Б. Д. Греков, А. Л. Сидоров, Н. М. Дружинин, А. М. Панкратова, С. Д. Сказкин, М. П. Ким, М. В. Нечкина, А. А. Новосельский, Б. А. Рыбаков, П. Н. Третьяков, Л. В. Черепнин, Л. М. Иванов) (Москва, 1953–1958).

теории формаций, авторы включили в историю первобытнообщинный и рабовладельческий периоды, считали, что складывание феодализма произошло до IX в., а затем распространили последний на всю рассмотренную ими эпоху. По два тома посвящено периодам с IX до XV и с XV до XVII в., зато XVIII веку отведено целых три тома. Стремлением соответствовать «западной» схеме, всемирно-историческим закономерностям развития объясняется применение в отношении XIV–XVII вв. термина «централизованное государство», а упрощенным пониманием принципа органического развития – отсутствие в периодизации татарского нашествия.

По существу продуктом хрущевской «оттепели» стала первая по замыслу полная академическая история СССР,[7] несколько томов которой были опубликованы почти одновременно (8 томов в 1966-68 гг.), еще три тома – в 1971, 1973 и 1980 гг., а последний, 12 том так и не вышел в свет. В обобщающем труде, охватывающем период времени от первобытнообщинного общества до 1961 г., 6 томов посвящены XX веку.

Названия томов одновременно обозначают и разделы периодизации:

1. Первобытнообщинный строй. Древнейшие государства Закавказья и Средней Азии. Древняя Русь (до начала XIII в.)
2. Борьба народов нашей страны за независимость в XIII–XVII вв. Образование единого русского государства
3. Превращение России в единую державу. Народные движения XVII-XVIII вв.
4. Назревание кризиса крепостного строя в первой половине XIX в.
5. Развитие капитализма и подъем революционного движения в пореформенной России
6. Россия в период империализма 1900–1917 гг.
7. Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в СССР. 1917–1920 гг.
8. Борьба советского народа за построение фундамента социализма в СССР. 1921–1932 гг.

---

7 *История СССР с древнейших времен до наших дней в 12 томах. Серия 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции* (тт. 1-6. Главный редактор А. Рыбаков) (Москва, 1966–1968).; *История СССР с древнейших времен до наших дней в 12 томах. Серия 2. От Великой Октябрьской Социалистической революции до наших дней* (тт. 7-11. Главный редактор Б. Н. Пономарев) (Москва, 1967–1980).

9. Построение социализма в СССР. 1933-1941 гг.
10. СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг.
11. Советский Союз на пути к развитому социализму. 1945-1961 гг.

В этом издании, в отличие от предыдущих и последующих советских обобщающих работ и, в целом, от российских традиций, нет отдельного тома, посвященного истории Киевской Руси, и не татарское нашествие сделано рубежом периодов. Не отведено отдельного тома и истории «Московии»: в книге, начинающейся где-то с начала XIII в., изложение истории данного периода доведено до 40-х гг. XVII в., таким образом, ни «Смутное время», ни вступление на престол Романовых не являются границами периода. Не отведено отдельного тома и истории XVIII в., следовательно, и правление Петра I скорее включено в ткань исторической преемственности. По традиции XIX в. делится на две части, и отдельный том, довольно механически начинающийся с 1900 г., получила и история «империализма». Два тома посвящены революциям и гражданской войне, здесь четкой границей периода является Октябрьская революция. Следующий период неожиданно доведен до 1932 г., а 11 том также практически безпрецедентно доходит до 1961 г., то есть до XXII съезда партии. Таким образом, ни смерть Сталина, ни XX съезд не являются границей периода, и изложение в томе не доведено до смещения Хрущева (1964). Быть может, хронология этого тома стала бы иной, если бы была издана последния книга серии.

Появившийся в постсталинскую эпоху небольшой обобщающий двухтомник,[8] опубликованный и в венгерском переводе,[9] также обещал в своем названии историю СССР, и в данном случае ее изложение действительно содержалось во втором томе, который был по объему примерно вдвое больше первого. В двухтомнике уже не говорилось о первобытнообщинном и рабовладельческом периодах, зато определяющие соответсвующие периоды термины «централизация» и «абсолютизм» и здесь вызывают ассоциации с «западным» развитием. Интересно, что XVII век выделен в отдельный период, а XVIII веку посвящено всего две главы. Первый том завершается Февральской революцией 1917 г., а второй начинается с Октябрьской революции, сле-

8 *Краткая история СССР I.* (Отв. ред. Н. Носов) (Москва, 1976).; *Краткая история СССР II.* (Отв. ред. В. Самсонов) (Москва, 1977).

9 *A Szovjetunió története I.* (fel. szerk. N. Noszov) (Budapest, 1980).; *A Szovjetunió története II.* (fel. szerk. V. Szamszonov) (Budapest, 1980).

довательно средством периодизации особо подчеркивается значение Октябрьской революции 1917 г. в российской истории. Значительную часть тома о советской истории его создатели посвятили теме строительства и построения социализма, а также перехода к коммунизму, тем самым уже в свое время сильно дискредитировав свое творение, в то время как авторы первого тома сумели большей частью избежать крайних проявлений сталинского понимания истории.

I том:

1. Древнерусское государство
2. Борьба народов нашей страны за независимость. Феодальная раздробленность. Объединение русских земель в XIV–XV вв.
3. Образование централизованного государства. Русское государство во второй половине XV–XVI вв.
4. Крепостная Россия XVII в.
5. Образование абсолютной монархии в России в первой половине XVIII в.
6. Крепостная Россия во второй половине XVIII в.
7. Россия в период разложения крепостного строя. Первая половина XIX в.
8. Пореформенная Россия. Вторая половина XIX в.
9. Россия в эпоху империализма
10. Россия в Первой мировой войне. Февральская буржуазно-демократическая революция

II том:

1. Великая Октябрьская социалистическая революция. Начало революционного преобразования мира (1917-1918)
2. Борьба советских республик против иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции (1918-1920)
3. Восстановление народного хозяйства. Образование и развитие СССР (1921-1925)
4. Построение социализма. Дальнейшее упрочение и развитие социалистического общества (1926-1941)
5. Великая Отечественная война Советского Союза (1941-1945)
6. Восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства. Завершение строительства социализма (1946-1958)
7. Дальнейшее упрочение социалистического общества и постепенный переход к коммунистическому (1959-1977)

После смены общественного строя, в 1997 г. был написан академический трехтомник[10], который также можно считать «краткой историей», и авторы которого намеревались порвать с прежним, называвшимся марксистским пониманием истории. Стремление к переоценке бросается в глаза уже в периодизации. В противоположность прежним традициям XX век получил в этом трехтомнике лишь примерно треть всего объема, и посвященный этому столетию том начинается не с Октябрьской революции, которая тем самым потеряла значение рубежа эпох. XVII век не считается здесь отдельным большим периодом, но один период образует весь XIX век. Не слишком разделенным остался и XX век, даже Отечественная война не получила отдельной главы, единым периодом интерпретирован отрезок времени с 1953 до 1991 г.

Первый том: С древнейших времен до конца XVII в.
1. Древняя Русь (до татарского нашествия)
2. Северо-Восточная Русь (до середины XV в.)
3. Становление Российского централизованного государства

Второй том: С начала XVIII до конца XIX в.
1. Россия при Петре I
2. Россия при преемниках Петра I и в правление Екатерины II
3. Россия в XIX веке (Прибл. до 1905 г.)

Третий том: XX век
1. Россия на переломе (1904-1917)
2. От компромисса к новому штурму
3. Испытание войной и миром (1941-1952)
4. Кризис и крах советской системы (1953-1991)

В 2013 г. президент Путин дал поручение разработать концепцию новой линейки школьных учебников по истории. В результате широкой и экспертной дискуссии был подготовлен т. н. «Стандарт»[11], который дважды обсуждался и на заседаниях Венгерского отделения Венгер-

10 *История России с древнейших времен до конца 20 века.* I-III. (Отв. ред. А. Сахаров) (Москва, 1997).

11 *Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории* (Авт. коллектив под рук. А. Чубарьяна (Москва, 2013).

ско-Российской комиссии историков и в целом был квалифицирован как материал, созданный под знаком т. н. «западнического» понимания истории, но при этом имеющий резко имперский, патриотический характер.[12] Периодицация и в этом случае не слишком подробна: время татарского нашествия не составляет отдельного периода, единые периодизационные блоки образуют и в этом «Стандарте» «долгий XVI век» и время с 1945 по 1991 г. 1917 год также не считается рубежом периодов, в периодизации даже не используется понятие революции, вместо этого период с 1914 по 1921 г. называется «годами великих потрясений».

1. От Древней Руси к Российскому государству
2. Россия в XVI – XVII веках: от великого княжества к царству
3. Россия в конце XVII – XVIII веках: от царства к империи
4. Российская империя в XIX – начале XX вв.
5. Россия в «годы великих потрясений». 1914–1922 гг.
6. Советское общество в 1920-е-1930-е гг.
7. Великая Отечественная война. 1941–1945 гг.
8. Апогей и кризис советской системы. 1945–1991 гг.
9. Российская Федерация в 1991–2012 гг.

Современное состояние «мейнстримной» российской исторической науки лучше всего отразится в давно запланированной[13] новой, двадцатитомной истории России. К тому времени, когда я писал эти строки, ни один из томов еще не был опубликован, первый том, посвященный эпохе Петра I, был обещан к 2022 г., очевидно, в связи с 350-летней годовщиной рождения царя.[14] Однако благодаря одному из членов ред-

12 Gyula Szvák, "Vita a történelemről (Oroszországban)", in *Vita az új orosz történeti koncepcióról: a 2013. aug. 29–én és 2014. ápr. 24–én Budapesten tartott vitaülések szerkesztett anyaga*, Poszt-Szovjet Füzetek XXI., szerk. Gyula Szvák (Budapest: Russica Pannonicana, 2014), 7-14.

13 «20-томная "История России"». Интервью с Ю. А Петровым, *LiveJournal* https://istoriograph.livejournal.com/1308.html (Дата обращения: 23 октября 2021 г.)

14 В конце концов ни этот, ни какой-либо другой том серии не был опубликован к осени 2023 г., хотя президент Путин на празднике Национального Единства в 2022 г. уже говорил о создании двадцатитомника как о свершившемся факте и хвалил его создателей: «Путин заявил, что России пока не хватает популяризации фундаментальных исторических знаний», ТАСС https://tass.ru/obschestvo/16249291?yscli d=lm3le699m8354276634 (Дата обращения: 23 января 2024 г.)

коллегии серии, В. Н. Захарову,[15] мы имеем возможность ознакомиться со структурой этого крупного обобщающего труда.

Вот запланированная периодизация двадцатитомной академической истории России:

Том 1. Древнейшая история. Первобытная эпоха. С момента появления человека на территории России – VI в. н.э.
Том. 2. Государства и народы на территории России в VI – середине XIII вв. Становление и развитие Руси. С VI в. до нашествия Батыя (1237 г.)
Том 3. Русские земли с середины XIII до конца XV вв. От нашествия Батыя до образования Российского (Московского) государства в конце XVI в. Верхняя грань – кончина Ивана III (1505 г.)
Том 4. Россия в XVI веке. (1505–1598)
Том 5. Россия в XVII веке. Том в двух книгах:
Книга 1. Смутное время и правление Михаила Федоровича (1598–1645)
Книга 2. Середина и вторая половина XVII в. (1645–1689)
Том 6. Россия в эпоху преобразований Петра I (1689–1725)
Том 7. Россия в XVIII в. после преобразований Петра I (1725–1801) (в двух книгах)
Том 8. Россия в первой половине XIX в. (1801–1855/1861)
Том 9. Россия во второй половине XIX в. (1855/1861–1894)
Том 10. Россия на рубеже XIX—XX вв. и в начале XX в. (1894–1914)
Том 11. Россия в годы великих потрясений (1914–начало 1918)
Книга 1. Россия в годы Первой мировой войны (1914–февраль 1917)
Книга 2. От развала империи до Гражданской войны
Том 12. Гражданская война в России (конец 1917–1922). (Состоит из двух тематических книг)
Том 13. СССР в 1920-х–1930-х гг.
Книга 1. СССР в 1920-х гг. (1921–1929)
Книга 2. СССР в 1930-х гг. (1929/1930–22 июня 1941 г.)
Том 14. СССР в годы Второй мировой и Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. – 2 сентября 1945 г.)
Том 15. СССР в послевоенные годы (1945–1953)
Том 16. СССР с середины 1950-х до середины 1960-х гг.
Том 17. СССР с середины 1960-х до начала (середины) 1980-х гг.
Том 18. СССР с середины 1980-х гг. до декабря 1991 г.

15 В. Н. Захаров, *Письмо Дюле Сваку* (13 октября 2021 г.).

Том 19. Россия в 1990-х гг. (1991–2000)
Том 20. Современная Российская Федерация с 2000 г.

Таким образом, видно, что упомянутый двадцатитомник на самом деле будет состоять из 25 книг: двойные тома будут посвящены XVII веку и периоду с 1725 по 1861 г., о периоде 1914–1922 гг. будет рассказано в четырех томах, и в двух книгах выйдет том, посвященный 1920-1930-м гг. Тем самым пропорции обобщающего труда опять оказываются смещены в сторону российской истории XX века. Однако вопреки прежней практике в нем снова особо выделена история XVII и в качестве особого периода – XVI век, хотя последний в этой периодизации уже перестал быть «долгим», больше того, скорее заслуживает определение «короткого», так как охватывает промежуток времени с 1505 по 1598 г. В этой интерпретации интересно то, что княжение Ивана III не столько начинает, сколько завершает период. Несмотря на удивительно пространный объем издания, в периодизации четырех книг 11 и 12 томов наблюдаются многократные повторы и некоторая непроясненность: октябрь 1917 г. не является границей периодов ни в одной из книг в противоположность, например, февральской революции. В 11 томе, позаимствовав словоупотребление «Стандарта», успешно удалось избежать использования слова «революция», вместо которого появляется формулировка «великие потрясения». История после Второй мировой войны в этом обобщающем труде делится практически по руководителям страны, и смерть Сталина опять получает в периодизации важное место. Том, посвященный современной России, начинается с 2000 г., однако его конечная точка еще не определена.

Одна из важнейших историй России в англосаксонской исторической науке связана с именем *Николая Рязановского*, чьим однотомным учебником[16] пользовались/пользуются целые поколения студентов. Конечто, профессор Калифорнийского университета в Беркли не мог (да и не хотел) оставить без внимания российские историографические традиции и скорее попробовал сочетать российские и советские традиции с соображениями, сформулированными в западной исторической науке. У Рязановского российская история состоит из пяти действительно хорошо различаемых крупных периодов. При этом интересно, что начало «Московской Руси» историк относит

16 Nicholas V. Riasanovsky: *A History of Russia. Fifth Edition* (New York – Oxford, 1993).

не княжению Ивана III (или его концу), а к началу правления Ивана IV. «Долгий» XIX век, за исключением отрезка времени после 1881 г., практически делится по отдельным царствованиям, революции 1917 г. рассматриваются в качестве границы между периодами. Интересно и то, что в рамках советской эпохи время Хрущева не выделено в отдельную главу.

I. Kievan Russia (till the Tartars)
II. Appanage Russia (till 1533)
III. Muscovite Russia
    1. 1533–1598
    2. 1598–1613
    3. 1613–1682
IV. Imperial Russia
    1. 1682–1725
    2. 1725–1762
    3. 1762–1801
    4. 1801–1825
    5. 1825–1855
    6. 1855–1881
    7. 1881–1905
    8. 1905–1917
    9. Revolutions of 1917
V. Soviet Russia
    1. 1917–1928
    2. 1928–1941
    3. 1941–1945
    4. 1945–1953
    5. 1953–1985
    6. 1985–1992

Самым значительным обобщающим трудом 2000-х гг. стала трехтомная «The Cambridge History of Russia».[17] В первом томе главные периоды в целом покоятся на сложившемся ранее историографическом консенсусе, хотя татарское нашествие здесь не является границей

17 *The Cambridge History of Russia. Vol I. From Early Rus' to 1689* (ed. M. Perrie); Vol II. *Imperial Russia. 1689-1917* (ed. D. Lieven); Vol III. *The Twentieth Century* (ed. R. Suny) (Cambridge, 2006).

периода, а, например, начало «Смутного времени» имеет непривычную датировку, которая, впрочем, может быть обоснована. Однако во втором томе периодизация отсутствует в такой степени, что не совсем ясно даже то, где находится периодизационная граница между томами, посвященными XIX и XX вв. Таким образом, в издании имеются серьезные хронологические накладки, что хорошо видно в случае глав, рассказывающих о периоде 1914-1922 гг. В плане периодизации и хронологии «современная» кембриджская история России имеет крайне противоречивый облик, неясны даже принципы ее редактирования. Таким образом, в этом случае нельзя говорить о едином обобщающем труде, быть может, в затронутой постмодерном англосаксонской исторической науке 2000-х гг. и не было стремления к такому единству.

Vol I. From Early Rus' to 1689 (ed. M. Perrie), 2006.

I. c. 900–1462. Early Rus' and the Rise of Muscovy
   1. c. 900–1015 (The Origins of Rus')
   2. 1015–1125 (Kievan Rus')
   3. 1125–1246 (The Rus' Principalities)
   4. 1246–1359 (North-eastern Russia and the Golden Horde)

II. 1462–1613 (The Expansion, Consolidation and Crisis of Muscovy)
   1. 1462–1533 (The Growth of Muscovy)
   2. 1533–1584 (Ivan IV)
   3. 1584–1605 (Fedor Ivanovich and Boris Godunov)
   4. 1603–1613 (The Time of Troubles)

III. 1613–1689 (Russia under the First Romanovs)

Vol II. Imperial Russia. 1689–1917 (ed. D. Lieven)

Vol III. The Twentieth Century (ed. R. Suny)

1. 1900–1914 (Russia's fin de siècle)
2. 1914–1918 (The First World War)
3. 1917–1918 (The Revolutions)
4. 1917–1922 (The Russian Civil War)
5. 1921–1928 (Building a new state and society: NEP)
6. 1928–1940 (Stalinism)
7. 1941–1945 (Patriotic War)
8. 1945–1953 (Stalin and his Circle)
9. 1953–1964 (The Khrushchev period)
10. The Brezhnev era
11. The Gorbachev era
12. The Russian Federation

В 1997 г. мы тоже создали историю России, которую написали венгерские историки.[18] Конечно, мы в значительной степени опирались на историографические традиции и отдельно изучали прежние периодизации. Ниже будет хорошо видно, что мы разделили российскую историю на пять больших периодов, в этом отношении наша книга больше всего похожа на также однотомный труд Николая Рязановского. Так как мы написали не событийную историю, а обобщающую работу, основанную на комплексном подходе, изложение идет не в хронологическом порядке, хотя крупные периоды у нас тоже делятся на подпериоды. «Вторичная» периодизация осуществлена по векам, позже редактор книги воспользовался этим решением уже в качестве определяющего периодизационного принципа при публикации четырнадцатитомной обобщающей книжной серии «Magyar Századok» («Века венгерской истории»).[19]. В отличие от многих других историй России у нас татарское нашествие не является резкой границей эпох, поскольку мы создавали свою книгу не исходя из перспективы будущей Российской империи. Не является водоразделом и 1917 г., так как в соответствии с концепцией, пониманием истории, на которых основана эта книга, главной целью был показ исторических фактов в ткани исторических процессов.

1. Киевская Русь. Века «героической эпохи»
2. Регионы Руси. Века раздробленности
3. Московская Русь
    - «Долгий» XVI век
    - «Бунташный» XVII век
4. Петербургская Россия
    - Век Просвещения
        - I. Петр – радикальный консерватор
        - Наследие Петра
        - Просвещенный абсолютизм в России
    - Век становления капитализма
        - Европейская великая держава
        - Капиталистические преобразования

18 Márta Font – Emil Niederhauser – Gyula Szvák – Tamás Krausz, *Oroszország története* (1. kiadás: Budapest, 1997., 2. kiadás: Budapest, 2001).

19 Gyula Szvák (szerk.), *Magyar Századok*, I-XIV. (Budapest: Pannonica, 1999–2003).

5. Советская Россия. Век сверхдержавы
   Эпоха революций
   Сталинская эпоха
   Догоняющее развитие и реформы

После рассмотрения 12 значительных обобщающих работ по истории России ясно, что нет двух тождественных периодизаций, поскольку характер периодизации в значительной степени определяется методологией историка (и исторической науки его времени), профессионально-методологической направленностью его деятельности, а иногда методологической и методической неопределенностью и сумятицей. На все обобщающие труды накладывает отпечаток фрагментация истории, причем этот отпечаток тем сильнее, чем ближе мы подходим к современности. В конечном итоге факт в том, что история и ее описание находятся в постоянном, взаимозависимом движении.

Время правления Ивана III, царствование Петра I, Великая Отечественная война, татарское нашествие, смерть Сталина, распад СССР – все это определяющие для своей эпохи события, поэтому они практически консенсусно фигурируют почти во всех периодизациях. В то же время границами периодов часто являются 1928–29 гг. как годы сталинского перелома, 1985 г., начало перестройки, или 1964 г., конец эпохи Хрущева. Упомянутые выше важные даты имеют неодинаковый вес в различных обобщающих работах: в некоторых случаях они обозначают основные периоды, а в других – лишь подпериоды. Можно сказать, что периоды складываются в определенную иерархию, которая опять-таки может быть выведена их неодинакового в понимании истории.

Таким образом, на основании структуры, строения крупных обобщающих трудов, их периодизации и терминологического инструментария последней можно получить представление о различных этапах, изменениях и развитии исторической науки, хотя, конечно, полное представление об этом можно составить лишь тогда, если мы подвергнем историографическому анализу сами эти труды. Небольшая, но очень характерная часть этого – периодизация. Несомненно одно – у нас нет оснований мистифицировать даты, однако они могут быть очень полезны в качестве своего рода исторических вех, помогающих найти ориентиры в густой массе событий.

References

«*20-tomnaia* “Istoriia Rossii”». Interv'iu s Iu. A. Petrovym [“20-volume “History of Russia””. Interview with Yu. A. Petrov], *LiveJournal*. https://istoriograph.livejournal.com/1308.html (Last accessed October 23, 2021)
The Cambridge History of Russia. Vol I. From Early Rus' to 1689 (ed. M. Perrie). https://doi.org/10.1017/CHOL9780521812276
The Cambridge History of Russia. Vol II. Imperial Russia. 1689–1917 (ed. D. Lieven). https://doi.org/10.1017/CHOL9780521815291
The Cambridge History of Russia. Vol III. The Twentieth Century (ed. R. Suny) (Cambridge, 2006). https://doi.org/10.1017/CHOL9780521811446
Márta Font – Emil Niederhauser – Gyula Szvák – Tamás Krausz, *Oroszország története* [History of Russia] (1. kiadás: Budapest, 1997., 2. kiadás: Budapest, 2001).
Istoriia Rossii s drevneishikh vremen do kontsa 20 veka. I–III. [History of Russia from Ancient Times to the End of the 20th Century. Volumes I–III] (Otv. red. A. Sakharov) (Moskva, 1997).
Istoriia SSSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei v 12 tomakh. Seriia 1. S drevneishikh vremen do Velikoi Oktiabr'skoi sotsialisticheskoi revoliutsii [History of the USSR from Ancient Times to the Present Day in 12 Volumes. Series 1. From Ancient Times to the Great October Socialist Revolution (tt. 1–6. Glavnyi redaktor A. Rybakov) (Moskva, 1966–1968).
Istoriia SSSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei v 12 tomakh. Seriia 2. Ot Velikoi Oktiabr'skoi Sotsialisticheskoi revoliutsii do nashikh dnei [History of the USSR from Ancient Times to the Present Day in 12 Volumes. Series 2. From the Great October Socialist Revolution to the Present Day] (tt. 7–10. Glavnyi redaktor B. N. Ponomarev) (Moskva, 1967–1980).
V. O. Kliuchevskii, *Sochineniia*, t. I. *Kurs russkoi istorii* 1 [Works. Volume 1. Course of Russian History, Part 1] (Moskva, 1957).
Kontseptsiia novogo uchebno-metodicheskogo kompleksa po otechestvennoi istorii [Concept of a New Educational-Methodical Complex on National History] (Avt. kollektiv pod ruk. A. Chubar'iana (Moskva, 2013).
Kratkaia istoriia SSSR I. [A Brief History of the USSR. Volume 1] (Otv. red. N. Nosov) (Moskva, 1976).
Kratkaia istoriia SSSR II. [A Brief History of the USSR. Volume 2] (Otv. red. V. Samsonov) (Moskva, 1977).
Ocherki istorii SSSR. V 9 tomakh [Outlines of the History of the USSR. 9 Volumes] (Glavnye redaktory: B. V. Grekov, A. L. Sidorov, N. M. Druzhinin, A. M. Pankratova, S. D. Skazkin, M. P. Kim, M. V. Nechkina, A. A. Novosel'skii, B. A. Rybakov, P. N. Tret'iakov, L. V. Cherepnin, L. M. Ivanov) (Moskva, 1953–1958).
M. N. Pokrovskii, *Russkaia istoriia s drevneishikh vremen*. Kn. 1-3. (Moskva, 1896–1899).
M. N. Pokrovskii, *Russkaia istoriia v samom szhatom ocherke. Chasti I i II. Ot drevneishikh vremen do kontsa XIX stoletiia*. 10-e izdanie [Russian History in the Most Concise Outline. Parts I and II. From Ancient Times to the End of the XIX Century. 10th Edition] (Moskva, 1933).
«Putin zaiavil, shto Rossii ne khvataet populiarizatsii fundamental›nykh istoricheskikh znanii» [Putin stated that Russia lacks the popularization of fundamental historical

knowledge], TASS https://tass.ru/obschestvo/16249291?ysclid=lm3le699m8354276634 (Last accessed January 23, 2024)
Nicholas V. Riasanovsky: *A History of Russia. Fifth Edition* (New York – Oxford, 1993).
A Szovjetunió története I. [History of the Soviet Union. Volume 1] (fel. szerk. N. Noszov) (Budapest, 1980).
A Szovjetunió története II. [History of the Soviet Union. Volume 2] (fel. szerk. V. Szamszonov) (Budapest, 1980).
Gyula Szvák, *Klió, a csalfa széptevő* [Clio, the Deceptive Muse of History] (Budapest: Russica Pannonicana, 2013), 17, 27-29.
Gyula Szvák, "Vita a történelemről (Oroszországban)" [Discussion about History (in Russia)], in *Vita az új orosz történeti koncepcióról: a 2013. aug. 29–én és 2014. ápr. 24–én Budapesten tartott vitaülések szerkesztett anyaga,* Poszt-Szovjet Füzetek XXI., szerk. Gyula Szvák (Budapest: Russica Pannonicana, 2014), 7–14.
Gyula Szvák (szerk.), *Magyar Századok*, I-XIV. [Hungarian Centuries, 1–14th Centuries] (Budapest: Pannonica, 1999–2003).
V. N. Zakharov, *Pis'mo Diule Svaku* [Letter to Gyula Szvák] (13 oktiabria 2021 g.).

ENDRE SASHALMI

COMMAND AND CONTRACT IN RUSSIA FROM THE MID-16TH CENTURY TO 1725: CONTRACTOR STATE, PRIVATE ENTREPRENEURS(HIP), AND SUPPLYING THE RUSSIAN ARMED FORCES[1]

The present study aims to give a general overview of what the role of the state and private entrepreneurs(hip) was in supplying the Russian army (and the Baltic navy created by Peter the Great) with armaments and victuals in a period falling between two major European wars in which Russia was heavily involved: the Livonian War (1558-1583) and the Great Northern War (1700-1721). It makes use of the paradigm of the "contractor state" adopted by recent Western historiography, and places Russia in a European context while highlighting the peculiarities of the Russian case. The study concludes that the modernization of Russian statecraft and the armed forces under Peter the Great opened up opportunities to native entrepreneurs on an unparalleled scale, and that the autocratic state had to rely heavily on private entrepreneurs.

Keywords: contractor state, private entrepreneurs(hip), army supplies, supplies to the Baltic Navy, war industries, Demidov family, patrimonial state, mercantilism

Endre Sashalmi – D.Sc. in History, Professor, Institute of History, Faculty of Humanities, University of Pécs; Member of Department, Department of Medieval and Early Modern History. E-mail: endresashalmi@gmail.com. ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1490-074X

1 This article was written as part of a programme of the *Oroszország Története Kutatóműhely (History of Russia Research Workshop)* based at the University of Public Service, Budapest.

Citation: Endre Sashalmi, "Command and Contract in Russia from the Mid-16th Century to 1725: Contractor State, Private Entrepreneurs(hip), and Supplying the Russian Armed Forces", *RussianStudiesHu* 6, no. 1 (2024): 157–183. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2024.6.8

DOI: 10.38210/RUSTUDH.2024.6.8

This study was inspired by a 2018 general introduction to a series of articles highlighting a new approach to the study of early modern warfare and state-building, focusing on the 18th century. The main points of this paradigm, replacing the preoccupation with the "fiscal-military state," can be summarized as follows. "The newer literature on early modern warfare and state formation tended to focus on the cumulative mobilisation of armed forces and the subsequent degree of administrative expansion achieved by the central state, and assumed that this process entailed the wholesale rejection of medieval or feudal arrangements based on the participation of local or regional elite groups, urban institutions such as guilds or military entrepreneurs. According to this model, nationalising the armed forces and setting them up on a more professional basis in turn called for growing administrative control and greater fiscal and financial powers at the central level."[2]

This new approach, which led to the coining of the term "contractor state," questioned the idea that "the process of state formation necessarily occurred at the expense of non-state institutions and entrepreneurs."[3] Research came to focus on the logistical and productional side of warfare and came to the following conclusion: "The organisation of warfare involved a vast array of businesses, including large- and small-scale arms producers, suppliers of the army and the navy, contractors and subcontractors involved in the building of warships or fortresses, international banking houses and petty traders who followed the trail of armies."[4] The "contractor state" used the entrepreneurs to procure "the supplies it needed," but at the same time entrepreneurs proved to be "an efficient way of extending" state authority: they "could act as a means of enlarging the state's influence", but also participated in changing military technology and even acted as the main "implementors of the innovations sought by the state."[5] This new approach thus put relations between the *state* and *private entrepreneurs(hip)* at the centre.

Russia provides an interesting case study for examining this relationship for several reasons. One is the so-called patrimonial nature

2 Rafael Torres-Sánchez, Pepijn Brandon and Marjolein't Hart, "War and Economy. Rediscovering the eighteenth-century military entrepreneur", *Business History* no.1 (2018): 4–22, here 6.

3 Rafael Torres-Sánchez, Pepijn Brandon and Marjolein't Hart, "War and Economy", 6.

4 Rafael Torres-Sánchez, Pepijn Brandon and Marjolein't Hart, "War and Economy", 5

5 Rafael Torres-Sánchez, Pepijn Brandon and Marjolein't Hart, "War and Economy", 6, 8.

of the Russian state with its peculiarities, while others are tied to the modernization of Russian statecraft by Peter the Great and the grand military reforms of the tsar that made Russia a power to be reckoned with in European matters both on land and at sea. Lack of space precludes detailed analysis of the patrimonial nature of the Russian state in this period. Suffice it to say that the concept of the *state* inevitably implies the idea of a *public sphere*, but the notion of the "public" was not a point of reference in Russia until 1682, and it was not until the early 1700s that the crucial distinction between *public law* and *private law*, along with corresponding Russian terms, would enter the Russian legal vocabulary. The tsar was the "nominal universal proprietor" of the realm[6] (of both its subjects and resources), confirmed by a Muscovite proverb of the seventeenth century: "Everything belongs to God and the Master" (*Vse bozhego i gosudarevo*). And the very word which came to mean *state* in modern Russian in the eighteenth century, i.e., *Gosudarstvo* (a derivative of *Gosudar'*, which had earlier been one of the many titles of Russian monarchs but came to mean simply "ruler" in the eighteenth century), preserved a strong personal, and hence a proprietary connotation.[7]

Despite the new political rhetoric which involved constant reference to the *common good* and *Gosudartsvo*, the proprietorial (patrimonial) attitude to state power did not change in practice during Peter the Great's reign: what happened was a shift in thinking which abandoned the passive and pious image of the ruler and openly championed change. The new image of the so-called "reformer tsar," who was to take care of the terrestrial well-being of his subjects, was imbued with the concept of the *Police* borrowed from the West, which was not yet identical with the narrow idea of keeping order and prosecuting crime. At that point *Police* meant government in the broadest sense aiming to regulate and order society towards a desired goal, namely, what the government thought

6 Marshall T. Poe, *"A People Born to Slavery": Russia in Early Modern European Ethnography, 1476-1748* (Ithaca: Cornell University Press, 2000), 225.

7 For the peculiarities of Russian ideas on the state and the nature of Russian statehood, see my recent book: Endre Sashalmi, *Russian Notions of Power and State in a European Perspective 1462-1725: Assessing the Significance of Peter's Reign* (Boston: Academic Studies Press, 2022).

to be the *common good*.[8] The *"Police State"* (the term itself appears in Russian under Peter the Great) concept of the common good was an activist one, coming close in meaning, especially in Russia, to the good of the state, a notion which in Peter's perception was identical with the military capacity and the might of the empire.

Because of the patrimonial attitude to government, the tsar/ emperor (after 1721) could extract resources from the population as he wished, which was made easier due to the principle of *universal service* to be rendered to the ruler, or from the time of Peter the Great, nominally to *Gosudarstvo*. The service principle was strengthened even further by Peter as he made the concept of nobility dependent on service, whether in the army or the administration. Last but not least, the *peculiar nature of Russian serfdom* should be given due emphasis in a European context, as the personal dependence of serfs living on the lands of private landowners was much more extreme than elsewhere in Western Christendom. Despite official government bans (as in the Law Code of 1649) serfs could be sold like chattels, i.e., without land, or even individually by breaking up families.[9]

The problem of supplies and logistics from the mid-sixteenth century to ca. 1700

In dealing with the issue of provisioning, we have to begin with the *size* and the *character* of the Russian army, which, despite its growth and important changes during the seventeenth century, did not undergo a fundamental reorganization of the sort made inevitable by the Swedish defeat of the Russian army at Narva in 1700. At the beginning of the period, after the conquest of the Khanates of Kazan (1552) and Astrakhan (1556) in the east and southeast, the major enemies of Russia in the West were the Polish-Lithuanian Commonwealth (1569) and Sweden, while in the south the Crimean Khanate posed a constant threat.[10] From the late

8 Marc Raeff, *The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change Through Law in the Germanies and Russia, 1600-1800* (New Haven–London: Yale University Press, 1983), 5.

9 Janet Hartley, *A Social History of the Russian Empire 1650-1825* (Cambridge: Cambridge University Press, 1999), 66–69.

10 The importance of this front is shown by the fact that Muscovite rulers maintained an almost permanent diplomatic mission in the Crimea from the 1560s on, although the tsars did not have such a presence in any other polity.

seventeenth century on, however, a direct confrontation began with the Ottoman Empire (1678-1681), to which the Crimea had sworn allegiance in 1475, opening the way to a series of Russo-Turkish Wars which lasted into the nineteenth century. These enemies, especially the Crimean Tatars, were "beyond the limits of what a supply train could carry."[11] In the sixteenth and seventeenth centuries, no doubt, it was the southern steppe which was a constant threat, the intensity of which depended on the seasons of the year. The vast and almost unpopulated region could provide nothing but fodder for the Russian army (provided the Tatars had not burned the steppe) when it risked to undertake campaigns and tried to overcome the long distance separating the Crimea from Moscow. Since these steppe nomads remained the main enemy of Russia for a long time, the adoption of firearms was slow, as it would have slowed down "the maneouvring speed" of the army.[12] Until about the 1660s the Muscovite army remained mainly a "rapidly moving light cavalry," and most of the army "gathered seasonally, only to return home at the end of the campaigns season."[13] The low level of economic development in the East European region (in terms of population density, agricultural yields, level of urbanization and monetarisation) set the context for the Muscovite army's specific "supply needs": to "live off the land", i.e., to obtain food from the local population was not an option.[14]

The bulk of the Muscovite army from the late fifteenth century on consisted of self-supporting cavalrymen, the so-called *military servitors* (*pomeshchiki*) armed with bows and arrows, axe and sword. Compulsory military service, however, was not confined to the *pomeshchiki* after 1556: it was extended and also regulated by obliging all landowners in possession of a certain amount of land to serve as cavalrymen. They had to equip and also provide for themselves: most of the time equipment and food (e.g. salt, bacon, millet seeds, garlic, onion) were carried in sacks on a single horse (they were expected to bring 3.5 months of supply), in the event of a long campaign they had to come with two horses.[15]

11 Carol B. Stevens, "Food and Supply: Logistics and the Early Modern Russian Army", in *Warfare in Eastern Europe, 1500–1800*, ed. Brian Davies (Leiden: Brill), 119–146, here 127.

12 Alexandr Filjushkin, *Ivan the Terrible*: *A Military History* (London: Frontline Books, 2008), 17.

13 Stevens, "Food and Supply", 120.

14 Stevens, "Food and Supply", 119–120.

15 Stevens, "Food and Supply," 121-129, 135. А. В. Зорин, «Проблема средневековой логистики на Руси (отзыв на работы Пенского В.В. ««...И запас пасли на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья

Since warfare with the steppe nomads did not force radical changes, the "fundamental structure of the army" did not change – perhaps not until about 1700,[16] but arguably until the 1660s. The first small change in the composition of the army came in the 1550s with the creation of the *streltsy* (musketeers), infantry equipped with firearms. They were employed as palace guards and garrison soldiers, but during campaigns they served as infantry, and although their number was not great, just a few thousands, their provisioning created a new challenge leading to the establishment of the *strelets tax,* and even to the *Strelets prikaz (Strelets Chancellery)*, to take care of their affairs.[17]

Another, and more important problem arose from "long campaigns and fortress sieges," as experienced first during the Livonian War, when storage granaries were established by the government in the border fortresses in the West;[18] similarly, granaries were set up in the centres of the newly conquered khanates and other major towns on the Volga river,[19] when from the mid-sixteenth century onwards the Volga became the backbone of Russian internal trade. Despite these measures, the strategy of "living off the land" in the Livonian War became increasingly common as this type of warfare strained the capacities of cavalrymen.[20] In the sixteenth century it was mainly the task of the *Military Service Chancellery*, which planned the campaigns,[21] to cope with these burdens, including the distribution of handguns during time of war. The aforementioned developments indicated the early spread of the military revolution, which at that time was just scratching the surface: adoption of firearms was on a small scale, occasional sieges did not change the structure of the army, hence the supply system.

In analyzing seventeenth-century practices, Zorin makes a distinction between provisioning the army before the campaigns and during the campaigns.[22] In the first case the food supply came from three major sources: landowners, lay and ecclesiastical (the estates of the patriarchate

– раннего Нового времени» и Несина М.А. «Из истории логистики русских войск в XV-начале XVI в.»)», *Milhist* (2016): 310–346, here 327.

16 Stevens, "Food and Supply", 120.

17 Stevens, "Food and Supply", 127.

18 Stevens, "Food and Supply", 128.

19 Nancy Shields Kollmann, *The Russian Empire*, *1450–1801* (Oxford, Oxford University Press, 2017), 164.

20 Stevens, "Food and Supply", 133.

21 Kollmann, *The Russian Empire*, 164.

22 Зорин, «Проблема», 324–339.

and the monasteries) were ordered to collect and transport flour, dried bread, oat flour and groats to collecting points, from which their serfs carted these stores close to the site of the campaign; other foodstuffs, such as meat, salt, beverages came from the tsarist magazines; and military servicemen had to provide for their own personal needs.[23] During the campaigns, especially in the mid-seventeenth century, there was a growing need to send large sums of money to the troops so that they could buy food on the spot.[24]

In the seventeenth century the need to consolidate the southern frontier posed a new challenge to army logistics, but the military reforms of the 1630s, 1650s, and 1680s made provisioning even more burdensome.[25] The so-called *Belgorod line* built in the 1630s and 1640s at the edge of the southern steppe region (the chain of fortified places which by 1650 consisted of 22 forts stretching over 800 kilometres, named after its central fortified settlement) was subsequently extended from Kozlov to Simbirsk (the *Simbirsk line*).[26] The construction of this enormous defence line, which also included "earthen wall segments," required substantial investment and also imposed the burden of provisioning these garrisons with food supplies: therefore, the first step was to settle colonists there.[27] The soldiers serving at the frontiers were supplied by so-called "service bread stores" (these included rye, flour, hardtack, porridge, buckwheat) provided by the settlements close to these garrisons, while meat, salt and wine were transported to them from Moscow from the government magazines.[28]

In the West, the Smolensk War (1632-1634) presented another type of challenge, as "the war was envisioned and carried out as a prolonged siege,"[29] and was aimed at taking back the town of Smolensk and the region lost to the Polish-Lithuanian Commonwealth during the Time of Troubles (1598-1613). Moreover, this war witnessed the first attempt to modernize the Muscovite army, i.e., to use the new western-type units (infantry with

23 Зорин, «Проблема», 324–325.
24 Зорин, «Проблема», 333–336.
25 Kollmann, *The Russian Empire*, 165.
26 Kollmann, *The Russian Empire*, 69-70.
27 Brian Davies, "Muscovy at war and peace", in *The Cambridge History of Russia*, ed. Maureen Perrie (Cambridge, Cambridge University Press, 2006) vol. I. 486–519, here 494–495.
28 В. А. Волков, *Войны и войска Московского государства. (конец XV — первая половина XVII вв.)* (Москва, 2004), 313.
29 Stevens, "Food and Supply," 135.

firearms) which formed at least a third, according to other sources half, of the army numbering about 35 000 men.[30] This war showed clearly that the advances of the military revolution in siege techniques and firepower were not at all foreign to Muscovy,[31] even though this first effort to change the composition of the army was unsuccessful. As for provisioning, the general pattern described above was at work, supplemented by other solutions. Nearby villages were assigned to supply particular regiments; furthermore, a new tax, called *nemetskii korm* ("German feeding"), was introduced to provide for the new regiments, paid "mainly in kind in the form of prepared food (hardtack, flour, salted pork)."[32] The name of the tax shows that a considerable part of the new regimental units consisted of mercenaries from Northern European countries whom the Russians called by the general name, "Germans". The real novelty in the war was the way the government turned to contractors on a larger scale than before: "the government contracted with sutlers to buy, deliver, and sell (at a set price) significant additional foodstuffs to the army in its Smolensk camp", and they were "also charged with the delivery of some of the provisions yielded by the *nemetski korm*."[33] These men, called "caterers" (*khvarchevniki:* from the word *khvarchevnia*, meaning "eating house"), became increasingly important in the course of the seventeenth century: they supplied the troops,[34] providing them with semi-prepared food for cash, and their inclusion into the system partly explains the troops' growing need for cash on the spot. Despite these efforts, the prolonged siege and the concomitant delays of delivery not only of food but also of heavy artillery put serious pressure on the whole army, even on the traditional light cavalrymen who were expected, in principle, to be self-sufficient.[35]

The Thirteen Years' War (1654-1667) imposed an even greater burden on the government concerning the provisioning of the army with food (and also weapons, as we shall see) not only due to the protracted warfare (mainly with the Polish-Lithuanian Commonwealth) but also due to the growth of the size of the army and its increasing infantry component.

30 For the differing figures see Stevens, "Food and Supply", 136., and Robert Frost, *The Northern Wars*: *War, State, and Society in Northeastern Europe, 1558–1721* (Longman, 2000), 144.
31 Frost, *The Northern Wars*, 146–147.
32 Stevens, "Food and Supply", 136.
33 Stevens, "Food and Supply", 137.
34 Зорин, «Проблема», 333-336.
35 Stevens, "Food and Supply", 137.

During this conflict the advances of the military revolution were adopted on a large scale but the muster still depended on the old system, i.e., the military obligations of the service landholding class: these men, forced to serve unmounted, composed much of the infantry. Before Peter's reform of the army, the "decisive shift" from the old-style Muscovite army, represented by the dominance of light cavalry and the presence of a small infantry equipped with firearms, took place during the Thirteen Years' War: by 1663 the new formation units comprised 79 % of an army 98 000 strong.[36] This trend continued: in 1689 the army of 110 000 strong sent against the Crimea included only a small portion of the old-style light cavalry, whereas the new cavalry using firearms and the new infantry numbered 30 000 and 50 000 men respectively.[37] Paradoxically, the modernisation of the army proved to be a setback in the conflict with Muscovy's traditional enemy, the Crimea. The unsuccessful campaigns of 1687 and 1689 against the Crimea showed the weakness that the lack of food supply generated during long campaigns in the case of a large army operating in a terrain where living off the land was impossible, even though a logistical improvement was noticeable in planning these campaigns.[38]

Finally, Peter's campaigns against Azov in 1695-1696 showed that "efforts to change the whole structure of the army would require the gradual restructuring of the entire supply system. Gradually, the Russian army moved to a year-round supply system for a large standing army."[39] Understandably, in the early years of the Northern War these efforts were "less successful in mustering resources and organizing distribution than those of the seventeenth century."[40]

Building Russian military industry: supply of arms and ammunitions to 1700

"At the beginning of the seventeenth century Russia had practically no domestic metal industry. All domestic iron came from swamp ore and was neither voluminous nor high-grade enough to produce reliable

36 Frost, *The Northern Wars*, 234.
37 Frost, *The Northern Wars*, 234.
38 Kollmann, *The Russian Empire*, 165–166.
39 Stevens, "Food and Supply", 144.
40 Stevens, "Food and Supply", 144.

weaponry."[41] Muscovy, therefore, was almost completely dependent on the *import of metals (iron and copper) necessary for manufacturing arms,* and *to a great extent on the import of various weapons* and *ammunitions* (including chemicals used to produce gunpowder) from the West.[42] For practical purposes until the 1630s there was no armament industry in Russia, apart from the government operated workshop in Moscow making mainly cannons.[43] It was only in 1632 that two Dutch entrepreneurs, Andreas and Abraam Vinnius, were given permission (and even subsidized by a massive government fund) to set up an ironwork manufacture in Tula with the obligation to produce iron and arms, and sell their products to the treasury. Although production of weaponry at the Tula ironworks grew in the seventeenth century with new enterprises appearing there, demand by far exceeded supply, and domestic arms production remained insufficient as late as 1716.[44] Under these circumstances Russian rulers employed various methods to obtain weapons and war materials from the West. As for saltpetre (necessary for gunpowder) the problem was mainly solved when the Russian protectorate over Little Russia/Ukraine was established (1654) and the territories on the left bank of the Dnieper river (and Kiev on the right bank) came under Muscovy's control (1667).[45]

Weapons and war materials became available to the Muscovite government through the following means, ranked in reverse order of importance: 1, occasional donations by Western foreign powers; 2, purchases made by native diplomats or privileged native merchants sent abroad for this purpose by the government; 3, commissions given to resident foreign merchants in Russia living mostly in Moscow and the main trading centres, often collectively called "Germans" *(Nemtsy)*; 4, sporadic contracts given to foreign merchants (English and Dutch) staying temporarily in Russia.

41 Jarmo Kotilaine, "In Defense of the Realm: Russian Arms Trade and Production in the Seventeenth and Early Eighteenth Century", in *The Military and Society in Russia 1450–1917,* ed. Marshall Poe, Eric Lohr (Leiden: Brill, 2002), 67–95, here 67.

42 Kotilaine, "In Defense of the Realm", 67–69.

43 Small calibre iron cannons were cast in Muscovy as early as the fifteenth century, but real improvement came only in the 1470s as Italian masters entered Muscovite service. Then bronze cannons were cast and by 1494 a cannon and ammunition workshop was operating in Moscow. Carol B. Stevens, *Russia's Wars of Emergence 1460-1730* (Routledge, 2007), 47. Still, Russia was in need of imported cannons in the sixteenth and seventeenth centuries.

44 Kotilaine, "In Defense of the Realm," 92.

45 Kotilaine, "In Defense of the Realm" 92.

The merchants in the last category played the most important role in supplying Russia with war materials and weapons, and the tsars, in turn, allowed them to export substantial amounts of grain, furs, and all kinds of materials necessary for shipbuilding.[46] By the end of the sixteenth century Arkhangelsk (founded in 1583) had become the only port for Russia's Western trade, and from the 1590s on, English merchants were increasingly overshadowed by the Dutch, who almost completely dominated Russia's foreign trade in the seventeenth century and became the main suppliers of weaponry for the tsar, while Sweden remained the main supplier of iron and copper until 1700.[47] There was no sign of a mercantilist-minded desire on the part of the government to end dependence on foreign resources.

J. Kotilaine gives detailed information on the Muscovite import of weapons and war materials in different periods of the seventeenth century. Imports obviously peaked in the years preceding the major wars of that century (the Smolensk War and the Thirteen Years' War), and understandably, in time of war: partly to provide for the growing demand posed by the rise of the field army, and partly to compensate for war losses.[48] Figures for the import of muskets through various means range from a few hundred or 1000 to 10 000 or so in different years, but in 1653 the amount was much more substantial, 50 000, and in this year we also hear of the import of cloth for army uniforms.[49] There are also detailed data for the import of bronze cannons, pistols, swords, carbines; sometimes a small part of the weaponry came from donation, as in 1635 when Sweden needed the support of Russia in the Thirty Years' War.[50]

The 1650s and the 1660s may have marked the peak of arms import in the seventeenth century due to "protracted warfare and still very little domestic production of either metals or weapons,"[51] as well as the reform of the army with the aforementioned growth of the infantry. To cope with the demand for arms, the government turned "almost exclusively to foreign merchant contractors," commissioning three Dutchmen and an Englishman

46 Kotilaine, "In Defense of the Realm", 72.
47 Jan Willem Veluwenkamp, *Archangel. Nederlandse ondernemers in Rusland, 1550–1785* (Amsterdam 2000), 16–21, 27–32.
48 Kotilaine, "In Defense of the Realm", 70–82.
49 Kotilaine, "In Defense of the Realm", 72–73.
50 Kotilaine, "In Defense of the Realm", 73.
51 Kotilaine, "In Defense of the Realm", 77.

with the task.[52] During the years of 1659-1662 two Dutch merchants active in Arkhangelsk, Johan van Sweeden and Hendrick Swellengrebel, were the Russian tsar's main arms suppliers on an enormous scale: they imported over 100 000 firearms for the Russian army.[53] From about the mid-seventeenth century until the early eighteenth, the "Armoury Chamber" was responsible not only for storing weapons, as its name would indicate, but also for arranging the purchase of arms abroad; furthermore it was responsible for testing, repairing the arms acquired, and last but not least, taking care of their transfer to the troops.[54]

Supplying the army and the Baltic Navy under Peter the Great

After the experimentation of the seventeenth century, the Russian army finally became a standing army in the early 1700s, operating with strict regulations. Peter's great achievement was "to provide a secure institutional and social framework" within which the Russian fiscal-military state would operate for the rest of the century, and even longer.[55] Peter's main reform was introducing general conscription in 1705, ordering every twenty households to provide a recruit (conditions of recruitment changed over time) – a move that completely changed the source of manpower for the army (and the navy). Personal military service for the nobility, now as officers, was also strictly enforced. The second innovation was the reform of the central organs of state administration dealing with military affairs: at first, Peter followed tradition, experimenting within the framework of the old *prikaz* (chancellery) system, but from 1717 on, he switched to European models. Finally, the bureaucratic regulations he drew up for the operation of the army (1716) and the navy were also of the utmost importance.

In the seventeenth century new chancelleries were established for military affairs either on a temporary or a permanent basis, but by the end of the century they were subordinated to the Military Service

52 Kotilaine, "In Defense of the Realm", 76.
53 Veluwenkamp, *Archangel,* 149.
54 С. П. Орленко, «Оружейная палата и вооруженные силы России во второй половине XVII – начале XVIII в.», *Вестн. Волгогр. гос. ун-та*. Сер. 4, Т. 21, no. 2 (2016): 71–78, here 72.
55 Frost, *The Northern Wars*, 320.

Chancellery, which acted as a "military super chancellery": resource mobilization thus paralleled administrative centralization.[56] Peter also created new chancelleries, among which the War Chancellery (*Voennyi prikaz)* (created in 1700–1701) stands out as it was empowered with wide range of functions. Yet, it did not enjoy the hegemonic position that the Military Service Chancellery had held before,[57] as other newly-created chancelleries dealing with military affairs remained independent of it. Among these the ones crucial to our topic are: the Admiralty, "responsible for the creation and maintenance of the fleet," the Artillery Chancellery, and the Provisions Chancellery (established in 1700) for taking care of the food and fodder for the army.[58] The system, however, continued to change over time as the Provisions Chancellery, for instance, was later subordinated to the War Chancellery.[59]

The final solution to the problem of coordination came with the creation of the Senate in 1711, and eventually with the establishment of the so-called *colleges*, the new type of organs of state administration replacing the old *prikaz* system from 1717-1718 on, in other words, with the radical reorganization of the administrative structure of the Russian state.[60] Recently V. N. Benda has argued that before the 1711 regulation establishing the Senate "there was no centralised organ or personnel in the Russian army in charge of the organisation and control of provisioning the troops with food and fodder."[61] The establishment of the colleges was a further step. Located not in Moscow but in the new capital, St Petersburg, the first colleges were the College of War, the College of the Admiralty and the College of Foreign Affairs: they were not only the pioneer colleges, but also the most important, and the most specialized ones.[62] By 1725, at the end of Peter's reign, the size of the army is estimated to have been about

56 Brian Davies, *Empire and Military Revolution in Eastern Europe: Russia's Turkish Wars in the Eighteenth Century* (London-New York: Continuum, 2011), 81.

57 Davies, *Empire and Military Revolution,* 81–82.

58 Davies, *Empire and Military Revolution,* 81.

59 Davies, *Empire and Military Revolution,* 82.

60 В.Н . Бенда, «Создание системы материально-технического обеспечения русской армии, артиллерии и инженерных войск, их личного состава в начале XVIII в.», *Вестник Брянского государственного университета*. Сер.: Исторические науки и археология. Литературоведение. Языкознание. Педагогические науки 28, no. 2 (Брянск: РИО БГ У, 2016): 16–23. here 16–22.

61 Бенда, «Создание системы», 17.

62 Evgenii V. Anisimov, *The Reforms of Peter the Great: Progress Through Violence in Russia* (Routledge, 1993), 147–148.

200 000 (with an additionial roughly 80 000 irregular troops), while the Baltic Navy in 1725 numbered about 25 000 men serving on 34 warships.[63]

For provisioning the army Peter the Great set up within the newly created College of War two offices bearing mixed Russian-German names which clearly show their function: the *Main War commission (Glavnyi-Krieg kommissariat)* was responsible for paying and supplying the troops with war materials in the widest sense (uniforms, weapons, ammunitions) while the *Main Provisionsmaster commission (Glavny proviantmeister kommissariat)* was charged with obtaining foodstuffs and forage.[64] For political and economic reasons most of the troops were stationed in the Baltic provinces and in Ukraine. Location of the troops in these regions was due to political and economic causes – among the latter was the position of the strategic ports of Estonia (Tallinn, Narva) and Latvia (Riga), and the intention to relocate the army to the main grain-growing regions.[65] In the 1730s a magazine network was built along Russia's major roads,[66] and "detailed regulations governing their administration" were drawn up establishing the size of depots and even prescribing that "their wooden floors were to rest on brick supports 'so that no mice shall get through'."[67]

After the conquest of Azov in 1696, Peter created a navy in the Black Sea. However, as a result of his disastrous Prut campaign in 1711 (where his army was encircled by the Ottoman army), the tsar was obliged to destroy this fleet in 1712. Of course, new measures were necessary to supply this navy, but for us the creation of the Baltic Navy, a much bigger and permanent navy, is more important not only because its supplies are better documented but also because it survived Peter. The creation of this navy was a more fundamental innovation of Peter's reign than his reorganization of the field army. I. G. Durov's magisterial monograph provides detailed information on the food and drink supply of the Russian Baltic Navy under Peter – a description ranging from the technological process of making dried and other foodstuffs to the size of the state magazines established for storage, and showing the operation of the different levels of the whole bureaucratic system in control of the

63 Hartley, *A Social History,* 26.

64 John H. Keep, "Feeding the Troops: Russian Army Supply Policies during the Seven Years War", *Canadian Slavonic Papers* 29 (1987): 24–44, here 25.

65 Л. Г. Бескровный, *Русская армия и флот в XIX в. Военно-экономический потенциал России*. (Москва: Наука, 1958), 120.

66 Бескровный, *Русская армия и флот,* 124.

67 Keep, "Feeding the Troops", 26.

administration of such supplies. A parallel monograph dealing with the food supplies for the field army in the eighteenth century is required to make a full analysis possible.

The turning point in the provisioning of the Baltic Navy came in 1715. A division called the "Provisions Chancellery" was set up within the Admiralty with depots under its control in different ports, responsible for the task of providing food and drink for the navy.[68] In Durov's opinion the formation of the personnel of this chancellery was the most important factor in the effective provisioning of the Baltic fleet.[69] Besides the organizational aspect, the adoption of methods employed by the Dutch navy in producing dried bread, salted beef, and beer was crucial: by 1721 Dutch technology accounted for one-third of the dried bread, a quarter of the beer, and almost the entire salted beef supply produced in Russia for the navy.[70] Finally, we should not forget the importance of legislation between 1716-1722 (in accordance with the idea of the *"Police state"*) which created the whole legal framework for the operation of the navy, including its provisioning with food supplies.[71] These regulations even prescribed the dates when the victuals were to be taken to the magazines by merchants, namely, in autumn and winter "'so that it be ready by spring'".[72] But once the products were accepted by the officials of the depots, the whole process of storing, distributing and even loading the food supply on ships was strictly controlled by government officials.[73] Shipment of various products to the ports was mainly on paid riverboats, the vessels being guarded and accompanied by state officials – occasionally even the postal service was used for this purpose.[74]

Although private producers were also employed in providing the food and drink supply (brewing beer, for instance), the massive needs of the navy required not only the establishment of state enterprises (bakeries in St Petersburg and Tallinn (Reval) and salted beef processing in St Petersburg) but, above all, *a massive service obligation imposed on the population*, mostly in providing baked dried bread, and to a lesser extent

68 И. Г. Дуров, *Провиантское обеспечение флота в эпоху Петра Великого* (Изд-во Нижегородского гос. университета, 2002), 503.
69 Дуров, *Провиантское обеспечение*, 553.
70 Дуров, *Провиантское обеспечение*, 549.
71 Дуров, *Провиантское обеспечение*, 550–551.
72 Дуров, *Провиантское обеспечение*, 538.
73 Дуров, *Провиантское обеспечение*, 538–543.
74 Дуров, *Провиантское обеспечение*, 440.

other commodities.[75] Local communities, towns and villages selected by the order of the *Senate* were to do this work: they were given detailed instructions and even samples by the Admiralty to maintain standards.[76] Durov claims that practically all layers of society were obligated to produce baked dried bread for the navy based on quotas: the nobility as owners of villages, and even the monasteries of the Russian Orthodox Church through its bakeries were compelled to satisfy the needs of the navy.[77] This was not Peter's invention, as we have seen, but it was enforced on a much larger scale than before. It was easier for the tsar to obtain the Church's deeper involvement, as the office of the patriarch was left vacant between 1700-1721, and this enabled the tsar to control the Church through a *locum tenens* he appointed before he abolished the patriarchal office in 1721.

Making armaments in Petrine Russia

It has already been mentioned that Russia in the seventeenth century was not self-sufficient in producing weapons and heavily depended on the import of arms as well as metals necessary for this purpose. This situation was made worse when Peter lost his whole field artillery at the battle of Narva in 1700.[78] According to Kotilaine in 1711 the Russian army needed 122 600 muskets, 49 800 carbines, 200 000 swords, sabres, lances, plus "12-15000 guns a year were needed as replacements."[79] The Tula arms factories were ordered to produce 18 000 firearms per year, but capacity ranged only from 2 to 4 000.[80] A drastic change came in 1715 with the reorganization of production and improvements in technology: "Between late 1715 and 1718, the works turned out over 4500 muskets and carbines and nearly 19 000 pistols."[81] *How did this change come about during the first decades of the 18th century?*

From the early 1700s, Peter's reign was characterized by a clear mercantilist determination to develop domestic industries, but priority was given to those which were vital for the armed forces. "In the Petrine

75 Дуров, *Провиантское обеспечение*, 297–301., 318–321.
76 Дуров, *Провиантское обеспечение*, 297.
77 Дуров, *Провиантское обеспечение*, 297.
78 Beskrovnyi, *Russkaia armiia i flot,* 75.
79 Kotilaine, "In Defense of the Realm", 92.
80 Kotilaine, "In Defense of the Realm", 92.
81 Kotilaine, "In Defense of the Realm", 92.

period, as before, the most important industrial entrepreneur remained the state, which concentrated its attention completely on the creation of those branches of industry which served the needs of the army."[82] A crucial step towards self-sufficiency in arms was the establishment in 1712 of a state armament factory in Tula which employed new technology in the production of small arms. Between 1721-1723 another armament factory was built at Sestroretsk, in the neighbourhood of the new capital St Petersburg, which was one of the largest and technologically the most advanced of such enterprises created by Peter: it worked both for the army and the navy as it manufactured not only guns, pistols, and swords but also anchors and nails.[83] Furthermore, St Petersburg became the second major site of the artillery industry in addition to Moscow when a "cannon-casting foundry" was set up between 1711-1713, renamed as the Arsenal in 1720.[84]

The tsar encouraged private entrepreneurship not only through personal privileges, as we shall see with the case of the Demidovs, but also as a result of general state legislation on these matters. The manpower of industrial enterprises (manufactories) was provided overwhelmingly through the use of forced labour. In the case of state manufactories *state peasants* of certain villages were assigned to state firms and they were obliged to perform labour duties according to various arrangements prescribed by the government. Private entrepreneurs had two options to obtain the workforce their manufactories needed if they were not landowners: one way was to hire serfs or state peasants on a temporary basis, or to buy serfs without land, as it was possible for landlords in Russia to sell their serfs (as noted before). What is more, despite Peter's ban on selling "individual serfs as opposed to whole families," family members were still sold separately, and as late as 1771 Catherine II had to forbid the auction of serfs.[85]

In 1721 Peter allowed the merchant-owners of newly created private industrial enterprises to buy villages with serfs tied to the land, with a strange provision that purchasing back these villages was possible only

82 Ольга Владимировна Арсенина, *История российского предпринимательства* (Изд-во Владимир. гос. ун-та, 2008), 38–39.

83 Ian M. Matley, "Defense Manufactures of St. Petersburg 1703-1730", *Geographical Review*, 71, no. 4 (Oct., 1981): 411–426, 417.

84 Matley, "Defense Manufactures", 417.

85 Hartley, *A Social History,* 68–69.

together with the manufactory attached to them.[86] This is a telling example of the importance of government legislation on contracts, and the clause in question clearly showed that the needs of the state came first. This was also the case with another related legislative act in 1721 which forbade landlords to take back masters and apprentices from the firms, "'no matter who they are, even if they are runaway [serfs]'".[87] This decree went against the letter of the Law Code of 1649 which gave landlords the right to seek and bring back their runaway serfs without any time limit. Due to Peter's decrees, Russian manufacturing was almost exclusively based on forced labour, an arrangement which was endorsed after Peter's death, as Empress Anne (1730-1740) confirmed that all those working in the factories were tied to them, even those who were not serfs![88] The success of Peter and his successors in becoming self-sufficient in producing iron, the most important prerequisite for making arms, to a great extent depended on the most remarkable private enterprise of eighteenth-century Russia, the Demidovs' enterprise.

The Demidovs' family enterprise

The story of the Demidovs' enterprise provides an invaluable insight into the history of eighteenth-century Russian private entrepreneurship and its relations with the state (*Gosudarstvo*). Although the story might not be typical, as this family enterprise was beyond doubt the greatest private industrial undertaking of the whole century in Russia – hence giving it a unique bargaining potential and resulting in unprecedented wealth and privileges for its owners –, in other respects it illustrates well the nature of relations between private entrepreneurs and the representatives of state power. It is clear that the Demidovs' family enterprise requires us "to re-evaluate some conventional images of Russia's economic development."[89] *Their story, in the long run, confirms the mutual interdependence of the central government and private entrepreneurs, rather than the model of the all-powerful state striving for total control in those branches of*

86 Арсенина, *История*, 41.
87 Арсенина, *История*, 41.
88 Арсенина, *История*, 43.
89 Hugh D. Hudson, "Free Enterprise and the State in Eighteenth-century Russia: The Demidov Metallurgical Empire," *Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes*, 26, no. 2/3 (June-September 1984): 182–200, here 182.

industry which were essential for Russia's becoming a great power, i.e., in the industries serving the military sector.

Nikita Demidov (1656-1725), the founder of the family's fortune, was an illiterate yet highly talented craftsman in Tula, operating a workshop producing refined weapons. When high quality iron ore was discovered in the Urals in 1697 due to Peter's efforts, and the samples of the first cast and wrought iron melted in the newly erected Ural ironworks were sent to Nikita early in 1702 for making arms, he immediately realized the opportunity to improve his fortunes.[90] He travelled to Moscow and petitioned the Siberian Chancellery for the Neviansk factory in the Urals to be transferred to him.[91] The tsar was already familiar with Nikita's capabilities, which explains not only his being asked for his expertise (not the first time in 1702) but also his daring to petition in such an important matter.[92] By 1701, he was prospering, no longer a simple craftsman but the manager of an enterprise, and he was not the only one of this type in the Tula region.[93] As Kafengauz states, Demidov's first grant of privilege in 1701 "contained in an embryonic form all the important advantages" which were likewise conferred in later decrees:

> "In this year of 1701, on the 2nd of January, by our, the great master's personal decree, we, the great master, granted Nikita Demidov, the Tula armaments master, for his outstanding service, permission to build new iron workshops at his own expense, without assistance and without a grant of peasants living on court lands, as they have been given before to foreigners for such workshops in various places and towns, so as to reduce the prices of iron and all kinds of military hardware which have become high under the [control of] foreigners, to whom many court peasants were given for their workshops; and now we have ordered that he, Nikita, and his wife and children shall hold with no time limit his Tula ironworks which were given to him for twenty years instead of a

90 Hudson, "Free Enterprise", 183–184.

91 Hudson, "Free Enterprise", 184.

92 Б. Б. Кафенгауз, *История хозяйства Демидовых в XVIII-XIX вв. Опыт исследования по истории Уральской металлургии* (Т. 1. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949), 84-88.

93 Кафенгауз, *История хозяйства Демидовых,* 89, Pavlenko emphasizes the significance of Tula entrepreneurs in promoting the iron industry under Peter. Н. И. Павленко, *История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводовладельцы* (Издательство Академии наук СССР, 1962), 71. In addition, Demidov got extensive lands and forests to provide sufficient waterpower and fuel for extending his enterprise.

> monetary payment; and wherever he may find private estate land or peasants suitable for his iron works, he, Nikita, is free to buy them for the purpose of iron working, so that it will always be abundant. And when iron is not imported from other states, then there will be no scarcity or shortage of military equipment. And he is to have purchase documents for these lands and serfs, and these purchase documents are to be registered in the Armaments chancellery." [94]

After arriving in Moscow in early 1702, Nikita was questioned about the details of his plan by Peter's expert on metallurgical issues, A. A. Vinnius (the son of the Dutchman who established the first ironworks in Tula), who sent a favourable report to Peter: the result was that the tsar duly issued an edict about the transfer at the beginning of March 1702.[95] This was the only case during the reign of Peter when a government operated firm (Neviansk) was transferred to a private entrepreneur.[96] The introduction of the new privilege emphasizes the importance of the *good of the state:* in other words, iron production was a *state necessity*. Demidov's duties were as follows:

> "to increase the production of all types of cast and forged iron in order to provide as needed all types of iron on demand to the *Muscovite state (Moskovskoe gosudarstvo)*, in order that the *state* may obtain all it requires without recourse to Swedish iron, and to have any contracted foreign craftsmen teach the Russians iron handicrafts so that these arts may be firmly established in the Muscovite state."[97]

The text of the privilege conveys the tsar's serious concern about the availability of a domestic supply of iron, which is understandable given the rise in the price of iron obtained from Sweden. While in 1693 one *pood* (one *pood* was circa 17 kgs), cost only 42 *kopeks,* in 1701 it cost 80![98] Demidov was expected to fulfil the demands of the state first, in principle at half the price that was paid to suppliers of iron at that time, but he was

94 Кафенгауз, *История хозяйства Демидовых,* 89.
95 Hudson, "Free Enterprise", 184.
96 Муравьева, "Иностранное предпринимательство", 81.
97 Translation is by Hudson, "Free Enterprise", 184–185.
98 В. В. Запарий, «Предыстория создания металлургии на Урале», *Историко-экономические исследования* Т. 16, no. 2 (2015): 349–365, here 353.

allowed to sell leftover product on the market.[99] Furthermore, he was also *expected to craft different kinds of weapons*, (casting cannons, mortars, and various small arms) for the state.[100] In return, he came to enjoy various privileges, such as purchasing serfs as his workforce, jurisdiction over his workers in minor cases, and above all, he enjoyed immunity from the sanctions of the local officials of the central government, as he was subject only to the Siberian Chancellery.[101] This was only the beginning, however, as subsequent privileges of different kinds broadened not only the scope of his enterprise by attaching villages to it (already in 1703 he had 2500 peasant workers under him) but also his personal rights, giving immunity to him and his family, and placing them first "under the exclusive supervision of a special department in St Petersburg" (1715), and then, in fact, only under that of the tsar himself (1720).[102] Nikita Demidov was also involved in copper production, and even established an enterprise manufacturing sails for the fleet.[103] In 1720, he was the first commoner to receive hereditary nobility in Russia![104] "Although illiterate, he had a phenomenal memory, not only recalling all the activity of the progress of his enterprises, but also reciting long passages from the Holy Writ and pointing out the pages they came from."[105]

In 1725 Nikita Demidov died, and henceforward not only the management but also the full control of the enterprise passed to Nikita's son, Akinfii Demidov (1678–1645), who had to cope with problems similar to those facing his father. The importance of the Demidovs' enterprise by the early 1730s is shown by the fact that "there were only two proprietors of metal enterprises in the Ural region: the treasury and Demidovs."[106] After him came, in ranking order, the greatest merchant family in Russia, the Stroganovs, who had made their fortune mainly in salt-making from the second half of the sixteenth century and the merchant Turchaninov.[107] Their wealth and the factories operated by the family made the Demidovs indispensable to the Russian war industry for the rest of the century: "The marriage of

99 Кафенгауз, *История хозяйства Демидовых,* 92–93. Hudson, "Free Enterprise", 185.
100 Hudson, "Free Enterprise," 184.
101 Кафенгауз, *История хозяйства Демидовых,* 93–94., Hudson, "Free Enterprise", 185.
102 Hudson, "Free Enterprise", 186–187.
103 Павленко, *История металлургии,* 74.
104 Hudson, "Free Enterprise", 187.
105 Paul Dukes, *A History of the Urals*: *Russia's Crucible from Early Empire to the Post-Soviet Era* (Bloomsbury Academic, 2015), 22.
106 Арсенина, *История*, 52.
107 Арсенина, *История*, 52.

the state and the Demidovs paid off handsomely for both parties."[108] Their story gives an insight not only into the importance of private enterprise in Russia but also into *patronage and upward social mobility* as well as the nature of the relations between the state and a family business.

State-owned and private enterprise in military-related industries: government policy and the social origin of entrepreneurs

A. Kahan divided the eighteenth-century Russian armaments industry into the following three branches: production of small armaments, artillery and ammunitions, and gunpowder.[109] The centre of the small firearms industry during the Petrine period and, indeed, during the whole eighteenth century, was clearly Tula.[110] In the 1720s this state-owned enterprise produced 20 000 firearms a year, while by the mid-century this figure stood at 30 000 together with another state-owned enterprise taking second place after Tula.[111] As for the production of artillery, the Ural region only began to catch up from the 1730s – despite the efforts of the government it was necessary to stop armament production there after 1710, due to technological problems.[112] The real importance of the region was in its capacity to produce large quantities of good quality iron.[113] In 1720 the Ural region produced half of the total Russian output in iron, by 1725 it was producing 73% of it![114] And in this the Demidovs were the driving force, making Russia the greatest producer of iron in Europe by 1725! Moreover, Russia soon became the greatest exporter of iron in Europe through St Petersburg (and other Baltic ports), which was made possible by the creation of the Ural-St Petersburg water route.[115]

"In spite of the tradition dating from the sixteenth century of state ownership of the armaments industries, there was no uniform policy

108 Hudson, "Free Enterprise", 198.
109 Kahan, *The Plow,* 95.
110 Kahan, *The Plow,* 98, Арсенина, *История*, 58.
111 Арсенина, *История*, 58–59.
112 Е. А. Курлаев, «Формирование центров производства военной и металлургической продукции на Урале в XVII - первой четверти XVIII в.», *Бакунинские чтения* (2018): 53–62. here 59–60.
113 Курлаев, «Формирование центров», 59.
114 Арсенина, *История*, 51.
115 Matley, "Defense Manufactures", 422–423.

of state ownership in the eighteenth century. Political, economic, and technological factors determined the degree of state ownership in each branch."[116] *In those industries which were vital to the production of armaments the government preferred private enterprise to state enterprise.*[117] After Peter's death the rigid view prevailing among state bureaucrats advocating complete state ownership was characteristic of the 1730s, and it was associated with von Henning and Tatishchev.[118] Henning tried to convince the Senate that state-owned ironworks were more productive than private ones – the Senate, however, pointed out that in 1733–1734 the state ironworks employing 35 000 serfs produced 160 000 *poods* of iron while the Demidovs' enterprise produced 300 000 *poods*, with merely 5000 serfs.[119] The Senate also questioned the assertion that the costs of the state ironwork were cheaper than that of the Demidovs.[120]

There were some foreigners among the enterpreneurs, and with regard to the military industry they were mostly active in gunpowder production during the Petrine period: between 1690-1725 they set up four such manufactories at their own expense.[121] In the iron and copper industry, in contrast to the textile industry, with one exception we find no foreigners; the other major difference was that the number of entrepreneurs was much smaller in the metal industry.[122] This latter difference was due to many reasons such as the greater amount of capital necessary for metal production, or the share of state-owned enterprises in metal production which, in the case of pig iron production, still amounted to 10-12 percent at the end of the century.[123]

Peter already tried to promote textile production by establishing factories in St Petersburg, and in 1712 ordered the cloth factories to organize production so that in five years Russia would be self-sufficient in uniforms – although a clear sign of mercantilist attitude, this did not work as a *fiat*.[124]

116 Kahan, *The Plow,* 96.
117 Kahan, *The Plow,* 158.
118 Kahan, *The Plow,* 159.
119 Kahan, *The Plow,* 159.
120 Kahan, *The Plow,* 159.
121 Л. А. Муравьева, «Иностранное предпринимательство в России первой четверти XVIII», *Финансы и кредит*, no. 21 (2008): 78-87. here 85.
122 Kahan, *The Plow,* 131.
123 Kahan, *The Plow,* 131.
124 Matley, "Defense Manufactures", 423–424.

Conclusion

Native private enterprise was able to develop in Russia in war industries alongside that established by foreigners in the seventeenth century, and it did so especially from the early eighteenth century, precisely due to the Great Northern War. That conflict proved to be the turning point in provisioning the army and the newly-built navy with all kinds of supplies, and in the development of private entrepreneurship as well. It is perfectly clear that when it came to producing raw materials and making armaments and war materials, the state could not do without private entrepreneurs, in which sphere the Demidov family's share was enormous. It seems that in the post-Petrine period state ownership of enterprises was much less important for the government than the degree of state control over private enterprises, which it saw as a more effective means.[125]

From 1700 on self-sufficiency, an important aspect of mercantilism, was, of course, one of Peter's main goals in encouraging private enterprise. Kahan called the "mercantilist-type policies" of Peter a "poor man's mercantilism", and he classified him as "proto-mercantilist" due to Russia's backwardness, as the tsar had to try "to create conditions that would eventually allow a mercantilist policy."[126] The driving force behind Peter's policy should not be sought in "philosophical convictions" but rather in his "activist attitude towards the role of government:"[127] in other words, in the concept of the *Police* that I have referred to in my introduction, or more exactly, in *Police á la* Tsar Peter. Pragmatism, perhaps, is a more suitable way to characterize his measures in general in the field of economic policy, which were mostly conditioned by military considerations.[128] The best example of government pragmatism (in the whole eighteenth century) is

125 Kahan, *The Plow,* 159.

126 Kahan, *The Plow,* 236–237.

127 Kahan, *The Plow,* 235.

128 Isaev and Shumilov claim that by the beginning of the early eighteenth century a developed form of mercantilism had appeared in Russia in which balance of trade was important, and the protectionist legislation from 1718 on was intended to defend domestic industry from foreign competition. А. П. Исаев, М. М. Шумилов, «Формирование политики торгового протекционизма в России (XVII – начало XVIII в.)», *Управленческое консультирование*, no. 2 (2012): 19–31. here 28–29. Kotilaine calls Peter's economic policy "mercantilism by necessity", resulting from "military emergency," and also emphasizes the novel "role of the state as the force of economic modernization." Jarmo T. Kotilaine, "Mercantilism in Pre-Petrine Russia", in *Modernizing Muscovy. Reform and Social Change in Seventeenth-Century Russia,* ed. Jarmo T. Kotilaine, Marshall Poe (Routledge 2004), 137–166, here 166.

the history of the Demidovs' family enterprise which, in itself, discards the notion of the all-powerful state operating a so-called pure "command economy," although the command element was a prominent feature of the system, notably in provisioning the navy.

References

Evgenii V. Anisimov, *The Reforms of Peter the Great: Progress Through Violence in Russia* (Routledge, 1993).

O. V. Arsenina, *Istoriia rossiiskogo predprinimatel'stva* [A History of Russian Entrepreneurship] (Izd-vo Vladimir. gos. un-ta, 2008).

V. N. Benda, «Sozdanie sistemy material'no-tekhnicheskogo obespecheniia russkoi armii, artillerii i inzhenernykh voisk, ikh lichnogo sostava v nachale XVIII v.» [Establishment of a Material-Technical Support System for the Russian Army, Artillery, Engineer Troops, and their Personnel, at the Beginning of the 18th century], *Vestnik Brianskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoricheskie nauki i arkheologiia. Literaturovedenie. Iazykoznanine. Pedagogicheskie nauki* 28, no. 2 (Briansk: RIO BGU, 2016): 16–23.

L. G. Beskrovnyi, *Russkaia armiia i flot v XIX v. Voenno-ekonomicheskii potentsial Rossii* [The Russian Army and Navy in the 19th Century: The Military-Economic Potential of Russia] (Moskva: Nauka, 1973).

Brian Davies, "Muscovy at war and peace," in *The Cambridge History of Russia*, ed. Maureen Perrie (Cambridge, Cambridge University Press, 2006), vol. I. 486–519. https://doi.org/10.1017/CHOL9780521812276.022

Brian Davies, *Empire and Military Revolution in Eastern Europe: Russia's Turkish Wars in the Eighteenth Century* (London-New York: Continuum, 2011).

Paul Dukes, *A History of the Urals*: *Russia's Crucible from Early Empire to the Post-Soviet Era* (Bloomsbury Academic, 2015).

I. G. Durov, *Proviantskoe obespechenie flota v epokhu Petra Velikogo* [Provisioning of the Fleet during the Era of Peter the Great] (Izd-vo Nizhegorodskogo gos. universiteta, 2002).

Alexandr Filjushkin, *Ivan the Terrible*: *A Military History* (London: Frontline Books, 2008).

Robert Frost, *The Northern Wars*: *War, State, and Society in Northeastern Europe, 1558–1721* (Longman, 2000).

Janet Hartley, *A Social History of the Russian Empire 1650–1825* (Cambridge: Cambridge University Press, 1999).

Hugh D. Hudson, "Free Enterprise and the State in Eighteenth-century Russia: The Demidovs' Metallurgical Empire," *Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes,* 26, No. 2/3 (June-September 1984): 182–200. https://doi.org/10.1080/00085006.1984.11091774

A. P. Isaev, M. M. Shumilov, «Formirovanie politiki torgovogo protektsionizma v Rossii (XVII – nachalo XVIII v.)» [The Formation of Trade Protectionism Policy in Russia (17th – Early 18th Centuries)], *Upravlencheskoe konsul'tirovani,* no. 2 (2012): 19-31.

John H. Keep, "Feeding the Troops: Russian Army Supply Policies during the Seven Years' War," *Canadian Slavonic Papers,* 29 (1987): 24–44. https://doi.org/10.1080/00085006.1987.11091848

Nancy Shields Kollmann, *The Russian Empire*, *1450–1801* (Oxford, Oxford University Press, 2017). https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199280513.001.0001

Jarmo Kotilaine, "In Defense of the Realm: Russian Arms Trade and Production in the Seventeenth and Early Eighteenth Century," in *The Military and Society in Russia 1450–1917* ed. Marshall Poe, Eric Lohr (Leiden: Brill, 2002): 67–95. https://doi.org/10.1163/9789047401070_009

Jarmo T. Kotilaine, "Mercantilism in Pre-Petrine Russia," in *Modernizing Muscovy: Reform and Social Change in Seventeenth-Century Russia,* ed. Jarmo T. Kotilaine, Marshall Poe (Routledge, 2004). https://doi.org/10.4324/9780203507032

B. B. Kafengauz, *Istoriia khoziaistva Demidovykh v XVIII–XIX vv. Opyt issledovaniia po istorii Ural'skoi metallurgii* [A History of the Demidovs' Business in the 18th -19th Centuries: Research Experience in the History of Ural Metallurgy] (T. 1. M. – L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1949).

E. A. Kurlaev, «Formirovanie tsentrov proizvodstva voennoi i metallurgicheskoi produktsii na Urale v XVII – pervoi chetverti XVIII v.» [The Formation of Centres for the Production of Military and Metallurgical Products in the Urals in the 17th - First Quarter of the 18th Centuries], *Bakuninskie chteniia* (2018): 53–62.

Ian M. Matley, "Defense Manufactures of St. Petersburg 1703-1730," *Geographical Review*, 71, no. 4 (Oct., 1981): 411–426. https://doi.org/10.2307/214506

L. A. Murav'eva, «Inostrannoe predprinimatel'stvo v Rossii pervoi chetverti XVIII» [Foreign Entrepreneurship in Russia in the First Quarter of the 18th Century], *Finansy i kredit*, no. 21 (2008): 78–87.

S. P. Orlenko, «Oruzheinaia palata i vooruzhennye sily Rossii vo vtoroi polovine XVII – nachale XVIII v.» [The Armory Chamber and the Armed Forces of Russia in the Second Half of the 17th – Early 18th Centuries], *Vestn. Bolgogr. gos. un-ta*. Cep. 4, T. 21, no. 2 (2016): 71–78. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.2.6

N. I. Pavlenko, *Istoriia metallurgii v Rossii XVIII veka. Zavody i zavodovladel'tsy* [History of Metallurgy in Russia in the 18th Century: Factories and Factory Owners] (Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1962).

Marshall T. Poe, *"A People Born to Slavery:" Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748* (Ithaca: Cornell University Press. 2000).

Marc Raeff, *The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change Through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800* (New Haven–London: Yale University Press, 1983).

Endre Sashalmi, *Russian Notions of Power and State in a European Perspective 1462–1725. Assessing the Significance of Peter's Reign* (Boston: Academic Studies Press, 2022). https://doi.org/10.2307/j.ctv2xszr80

Rafael Torres-Sánchez, Pepijn Brandon and Marjolein't Hart, "War and Economy. Rediscovering the Eighteenth-Century Military Entrepreneur", *Business History*, no. 1 (2018): 4–22. https://doi.org/10.1080/00076791.2017.1379507

Carol B. Stevens, *Russia's Wars of Emergence 1460-1730* (Routledge, 2007).

Carol B. Stevens, "Food and Supply: Logistics and the Early Modern Russian Army," in *Warfare in Eastern Europe, 1500–1800*, ed. Brian Davies (Leiden: Brill, 2012). https://doi.org/10.1163/9789004221987_008

Jan Willem Veluwenkamp, *Archangel. Nederlandse ondernemers in Rusland, 1550–1785* (Amsterdam, 2000).
V. A. Volkov, *Voiny i voiska Moskovskogo gosudarstva (konets XV – pervaia polovina XVII vv.)* [Wars and Armies of the Moscow State (Late 15th — First Half of the 17th Centuries)] (Moskva, 2004).
V. V. Zaparii, «Predystoriia sozdaniia metallurgii na Urale» [Prehistory of the Establishment of Metallurgy in the Urals], *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniia* T. 16, no. 2 (2015): 349–365. https://doi.org/10.17150/2308-2588.2015.16(2).349-365
A. V. Zorin, Problema srednevekovoi logistiki na Rusi (otzyv na raboty Penskogo V. V. ««...I zapas pasli na vsiu zimu do vesny»: logistika v voinakh Russkogo gosudarstva epokhi pozdnego Srednevekov'ia – rannego Novogo vremeni» i Nesina M. A. «Iz istorii logistiki russkikh voisk v XV – nachale XVI v.») [The Issue of Medieval Logistics in Russia (A Review of Works by Pensky V.V., ...And the Supply Was Provided for the Whole Winter Until Spring:' Logistics in the Wars of the Russian State in the Late Middle Ages – Early Modern Times' and M.A. Nesin ‚From the History of Logistics of Russian Armies in the 15th – Early 16th Centuries')], *Milhist* (2016): 310–346.

М. С. ПЕТРОВА

ДМИТРИЙ ГЕРАСИМОВ И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛИ О ГЛАГОЛЕ[1]

DMITRY GERASIMOV AND HIS FOLLOWERS ON THE VERB

This paper analyzes a fragment from Donatus' *Ars grammatica* (*Ars minor: De verbo*, 4th century) of the text, attributed to Dmitry Gerasimov (16th century) and unknown scribes from the 17th century. Gerasimov's methods and the work of his successors on with Donatus' text are discussed. Meaningful semantic and verbal parallels between the Latin original and the presentation under consideration are revealed. It is shown *what* exactly and *how* Dmitry managed to convey from Donatus' text on the verb. Revealed, showing exactly what Gerasimov succeeded in conveying of Donatus' text on the verb and how he did this. Gerasimov adopted Donatus' question-answer form of presentation, attempted to reproduce the content of the original and selected appropriate terminological equivalents and examples from his own native language. It is concluded that neither Gerasimov nor his followers were able to convey Donatus' text due to linguistic (including terminological) differences. Instead, they followed the Western European tradition of adapting the Latin text and its tools to their language and the educational needs of their epoch.

Keywords: *Dmitry Gerasimov, Donatus, text, translation, source, tradition*

Maya S. Petrova — Doctor of Science (History), Chief Research Fellow at the Department of Historical and Theoretical Studies at the Institute of World History at the Russian Academy of Sciences. Email: beionyt@mail.ru

1 *Citation:* M. S. Petrova, "Dmitry Gerasimov i ego posledovateli o glagole" [Dmitry Gerasimov and His Followers on the Verb], *RussianStudiesHu* 6, no. 1 (2024): 185–210. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2024.6.9

DOI: 10.38210/RUSTUDH.2024.6.9

Цель нашей статьи — рассмотреть посвященный глаголу раздел из восходящего к Донатовой[2] *Ars grammatica* (*Ars minor*[3]: *De verbo*, IV в.)[4] текста, приписываемого Димитрию Герасимову (он же Дмитрий Толмач [XVI в.][5]) и неизвестным авторам XVII века[6]. Наша задача — не только показать методы работы Дмитрия и его продолжателей с «Грамматикой» Доната[7], но и выявить содержательные, смысловые и словесные параллели между исходным латинским оригиналом и рассматриваемым нами изложением о глаголе, если таковые имеются.

Текст, в котором содержится интересующий нас раздел о глаголе[8], издан И. В. Ягичем[9] и Витторио Томеллери[10]. В издании И. В. Ягича он

2 О Донате, времени его жизни и интеллектуальном окружении, см.: М. С. Петрова, «Донат: жизнь, эпоха и интеллектуальное окружение», *Диалог* со временем 22 (2008): 80–92.

3 О титулах Донатовой *Ars grammatica*, названиях ее частей (*Ars minor* и *Ars maior*), см.: М. С. Петрова, «О Донатовой *Ars grammatica* и названиях ее частей», Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем 5 (2020): 134–144.

4 См.: «Donati Grammatici Urbis Romae Ars grammatica. De verbo», in *Grammatici Latini*, ex. rec. H. Keilii, vol. 1 – 7 (1822–1894), vol. 4 (1864) [Далее — Keil (ed. 1864)], p. 359, v. 3 – p. 362, v. 13; «Ars Donati Grammatici Urbis Romae. 3. De verbo», in L. Holtz, *Donat et la Tradition de l'Enseignement grammatical* (Paris: Centre National de la Recherche Scientifique, 1981) [Далее — Holtz (ed. 1881)], p. 591, v. 4 – p. 595, v. 23.

5 Перечень работ о жизни и деятельности Дмитрия, см.: М. С. Петрова, «Восприятие латинского грамматического знания русской ученостью в XVI веке: на примере Дмитрия Герасимова и других», Диалог со временем 34 (2011): 311; Е. В. Бондарчук, Новгородский книжник Дмитрий Герасимов и культурные связи Московской Руси с Западной Европой в последней четверти *XV* – первой трети *XVI* в., дисс. к.и.н., спец. 07.00.02 (Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2015), 71-225. Об условности авторства Дмитрия рассматриваемого текста, см.: Петрова, «Восприятие…»: 311–317; 315, примеч. 26. Далее мы будем позиционировать это сочинение как принадлежащее Дмитрию (с учетом условности его авторства).

6 См.: И. В. Ягич, Разсужденія южнославянской и русской старины о церковно-славянскомъ языкэ, собралъ и объяснилъ И. В. Ягичъ (Санкт-Петербург, 1896) [Далее — Ягич (изд. 1896)], 528–623.

7 Этой теме мы уже посвятили отдельные исследования, в которых рассматривались разделы о буквах, частях речи в целом, имени, его падежных окончаниях и местоимении, см.: Петрова, «Восприятие…»: 322–359; Она же, «Установления грамматики Присциана в русской образовательной традиции», *Quaestio Rossica* 7, no 2 (2019): 492-506; Она же, «Дмитрий Герасимов и его последователи о местоимении», Новая и новейшая история 66, no 2 (2022): 145–169.

8 См.: Ягич (изд. 1896), 551–555.

9 Текст опубликован И. В. Ягичем по Казанской рукописи с учетом разночтений списка Основного собрания рукописей Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге [Далее — O2], согласно: И. В. Ягич, «Донатусъ въ русскомъ перевод\ Дмитрія Толмача и другихъ», в Разсужденія южнославянской и русской старины о церковно-славянскомъ языкэ, собралъ и объяснилъ И. В. Ягичъ (СПб., 1896) [Далее — Ягич], 526. См. также: Ягич, 527.

10 См.: *Der russische Donat: vom lateinischen Lehrbuch zur russischen Grammatik: historisch-kritische Ausgabe*, Hrsg. und kommentiert von Vittorio S. Tomelleri (Köln – Weimar – Wien: Böhlau, 2002) [Далее — Tomelleri (ed. 2002)], 308–327. В основу этого

озаглавлен как Донат с пояснением, что это «...грамматика и азбука, переведенная Дмитрием Толмачем с латинского языка...»[11]; в издании В. Томеллери он не содержит титула, начинаясь со вступления так: Книга, названная Донатом... (Книга глѣма- донатоу҃...)[12].

Ниже мы предлагаем читателю наш комментированный парафраз раздела о глаголе. При передаче терминологии латинского и русского (словенского)[13] языков мы намеренно ее сохраняем в первоначальном смысле и написании. Однако с целью ее прояснения мы, с одной стороны, указываем на соответствующие термины и определения из Грамматики Мелетия Смотрицкого (1648 г.), относительно близкой Дмитрию по времени[14], а с другой, — следуем той, что принята в современной грамматической науке. Пояснения И. В. Ягича к изданному им тексту Дмитрия приводятся в примечаниях (с указанием соответствующего места) с нашими дополнениями.

***

Раздел о глаголе [XVI][15] у Дмитрия следует после его рассуждения о местоимении (XIV–XV), завершающегося предложением ученику (или чита-

---

издания положен текст неизвестного ранее манускрипта конца XVI в., обнаруженного издателем в 1990-х гг. XX в. в *Архангельском собрании БАН*, № 476, XVI в. Л. 8–93. См.: Tomelleri (ed. 2002), 205.

11 Ягич, 528.

12 См.: Tomelleri (ed. 2002), F 8R (S. 219). Ранее мы уже отмечали, что сохранившиеся рукописи с текстом Дмитрия и его последователей следует рассматривать независимо друг от друга, несмотря на то, что они составляют блок текстов, принадлежащих одной грамматической традиции и демонстрирующих восприятие и усвоение латинского знания в России XVI–XVII вв., см.: Петрова, «Восприятие...», 313–314.

13 Здесь и далее мы употребляем этот термин, принимая во внимание сложность решения вопроса относительно того, на какой язык (церковно-славянский или русский) был выполнен перевод Дмитрием, см.: Н. Б. Мечковская, Ранние восточно-славянские грамматики, ред. А. Е. Супрун (Минск: Изд. Университетское, 1984), 34; В. М. Живов, «Славянские грамматические сочинения как лингвистический источник (О книге D. S. Worth. The origins of Russian grammar. Notes on the state of Russian philology before the advent of printed grammars. UCLA Slavic Studies. 5 Slavica. Columbus. 1983. 176 p.)», *Russian Linguistics* 10 (1986): 91; Д. Б. Захарьин, «О немецком влиянии на русскую грамматическую мысль», *Russian Linguistics* 15 / 3 (1991): 1–3. Мы полагаем, что рассматриваемый нами текст принадлежит обеим языковым и литературным традициям.

14 См.: Грамматика 1*648 г.*, предисл., науч. коммент., подг. текста и сост. указателей Е. А. Кузьминовой (Москва: МАКС-Пресс, 2007), 624 с. [Далее — Кузьминова (изд. 2007)]. Наш выбор этого текста также обусловлен и наличием у него статуса «официального издания московской грамотности», см.: Кузьминова (изд. 2007), 3.

15 Здесь и далее мы придерживаемся составленной нами ранее рубрикации разделов текста Дмитрия, см.: Петрова, «Восприятие...», 327–328; 330–359. Ниже фрагменты изложения Дмитрия от нашего расуждения и Донатова текста отделяются специальным знаком * * *.

телю) беседы о третьей части речи — СЛОВЕ[16]». У Доната такой переход отсутствует.

***

[БЕСЕДА ТРЕТЬЯ О СЛОВЕ[17]]

Здесь учитель[18], вкратце побеседовав о второй части речи, то есть о проимении[19], [обещает] с позволения Господа после о ней поговорить подробнее. Ныне [же], с Божьей помощью, он предлагает беседу о третьей части вещания[20], то есть СЛОВЕ, и о присущих ему свойствах, которых семь: качество[21], согласие, род, число, образ, время, лицо. И еще [о том, что] качество СЛОВНОЕ[22] есть в чинах и образах, и прочем[23], [о чем] также после этого [разъяснения] последует. Согласие[24] же есть уклонение; то есть, как в именах есть уклонение[25], так в СЛОВАХ есть согласие.

***

Текст, следующий ниже, имеет некоторое сходство с изложением Доната, хотя и весьма отдаленное. Так, у Дмитрия (и его продолжателей) мы читаем:

***

В[опрос]: Что есть СЛОВО?

О[твет]: Часть речи со временем и лицом, без падежа, [обозначающее] или какое-то действие, или страдание от него, и это* есть* претерпевание*[26],

---

16 Так Дмитрий передает латинский термин “verbum” (слово; глагол). Однако далее в тексте Дмитрия и его продолжателей этот термин относится и к части речи — глаголу, и части слова — слогу, префиксу, суффиксу и т. п. Для разделения этих понятий, ниже прописными буквами нами обозначена часть речи, строчными — часть слова.

17 Это заглавие имеется в рукописи О2. См.: Ягич (изд. 1896), 551, примеч. 8).

18 Чтение О2: **Магистеръ**. См.: Ягич (изд. 1896), 551, примеч. 9.

19 То есть местоимении (praenomen).

20 То есть части речи (partes orationes).

21 Чтение рукописи О2: **Качьство**. См.: Ягич (изд. 1896), 551, примеч. 10.

22 То есть глагольное, присущее глаголу.

23 Следующих далее слов до первого вопроса в рукописи О2 нет. См.: Ягич (изд. 1896), 551, примеч. 11.

24 То есть спряжение; у Доната — coniugatio; см., напр., Keil (ed. 1864), p. 359, v. 6, 12 et cet.

25 То есть склонение (у Доната — declinatio), изменение окончаний по падежам, в соответствии с родовой принадлежностью и числам. См. также: Keil (ed. 1864), p. 355, v. 26–27, где речь идет о склонении имен, местоимений и причастий.

26 Здесь и ниже отмеченных специальным знаком (*) слов в рукописи О2 нет. См.: Ягич (изд. 1896), 551, примеч. 12. В латинском тексте только: “...in modis et in formis”. См.: Keil (ed. 1864), p. 359, v. 7; Holtz (ed. 1981), p. 591, v. 9. Мы полагаем, что такие слова и фразы следует рассматривать как более поздние маргинальные глоссы, добавленные переписчиками и / или продолжателями «дела» Дмитрия, впоследствии вставленные в основной текст.

или же оба значения[27 / 28].

В.: У СЛОВА сколько признаков?

О.: Семь.

В.: Какие?

О.: Качество, согласие, род, число, образ, время, лицо.

В.: Качество СЛОВА в чем состоит?

О.: В чинах или* залогах* и образах.

В.: В чем суть чина или залога[29]?

О.: Указательный, как **ѵтѵ**; повелительный, как **ѵти**; желаемый, как **да бы**[x] **ѵелъ**. Сложный, как **егда ѵтоу**[30]; неокончальный[31], как **ѵести**. Безличный, как **ѵтетсѧ**[32].

В.: Образов у СЛОВА сколько?

О.: Четыре.

В.: Какие?

О.: Совершенный[33], как **ѵтѫ**; любомудрственный* или* поучательный*, или* прилежный*, или* поглумательный*[34], как* **да ѵтѫ***. Или[35] учащаемый, как **поѵитаю**. Начинательный, как **разгрѣюсѧ**[36], **согрѣваюсѧ**.

***

27 Вероятно, так Дмитрий и его последователи пытались описать неопределенную форму глагола.

28 Ср. определение глагола: Кузьминова (изд. 2007) 180 (с. 199).

29 Ср.: Кузьминова (изд. 2007), 182 (с. 201), где перечислено пять залогов глагола: действительный, страдательный, средний, отложительный и общий.

30 **Ѵтѵ** прибавлено сообразно с латинским текстом "...cum legam" и согласно O2. См.: Ягич (изд. 1896), 552, примеч. 1. См. также: Keil (ed. 1864), p. 359, v. 9; Holtz (ed. 1981), p. 591, v. 10.

31 **Неконѫчательныи** — O2. См.: Ягич (изд. 1896), 552, примеч. 2.

32 Ср.: Кузьминова (изд. 2007), 181об (с. 201), где перечислены девять свойств глагола (как последующие разделения): залог, начертание, вид, число, лицо, наклонение, время, род и спряжение. Далее сказано, что залогов — пять (см. выше, примеч. 28), а наклонений — шесть (изъявительное, повелительное, молительное, сослагательное, подчинительное и неопределенное. См. Ibidem 184об – 185, с. 204. Применительно к современной морфологии русского языка, здесь речь идет не только о залогах и наклонениях, но и о видах и формах глагола. Например, [я] чту — 1 лицо, настоящего времени от чтить — непереходного глагола несовершенного вида.

33 **Съвръшителныи** — O2. В латинском тексте: "...perfecta". См.: Ягич (изд. 1896), 552, примеч. 3. См. также: Keil (ed. 1864), p. 359, v. 10; Holtz (ed. 1981), p. 591, v. 12.

34 Развлекающий, соблазняющий. См.: Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: труд И. И. Срезневского: словарь (Санкт-Петербург: Типография Императорской акад. наук, 1902) [Далее — Срезневский], т. 2: Л–П, кол. 1014. — http://oldrusdict.ru/dict.html# (январь, 2023).

35 Вместо всех этих слов в O2 только: **блгоизвольное ꙗко ѵтѫ**. См.: Срезневский, т. 1, кол. 99. В латинском тексте: "...meditativa, ut lecturio; frequentativa, ut lectito; inchoativa, ut fervesco, calesco". См.: Ягич (изд. 1896), 552, примеч. 4. См. также: Keil (ed. 1864), p. 359, v. 10–12; Holtz (ed. 1981), p. 591, v. 12–13.

36 В O2: **разгрѣваю, согрѣваю**. См.: Ягич (изд. 1896), 552, примеч. 5.

У Доната:

Donatus [*Ars minor*] *De verbo* [Keil (ed. 1864), p. 359, v. 4-12; Holtz (ed. 1981), p. 591, v. 5-13]	Донат [Малая грамматика = Краткая наука о частях речи] О глаголе
— Verbum quid est?	— Что такое глагол?
— Pars orationis cum tempore et persona sine casu aut agere aliquid aut pati aut neutrum significans.	— Часть речи [изменяемая] по времени и лицам, без падежа, обозначающая что кто-то или совершает действие или претерпевает его, или ни то и не другое[37].
— Verbo quot accidunt?	— Сколько атрибутов у глагола?
— Septem.	— Семь.
— Quae?	— Какие?
— Qualitas coniugatio genus numerus figura tempus persona.	— Качество, спряжение, род, число, фигура, время, лицо.
— Qualitas verborum in quo est?	— В чем качество?
— In modis et in formis.	— В наклонениях и видах.
— Modi qui sunt?	— Какие существуют наклонения?
— Indicativus, ut *lego*, imperativus, ut *lege*, optativus, ut *utinam legerem*, coniunctivus, ut *cum legam*, infinitivus, ut *legere*, inpersonalis, ut *legitur*.	— Изъявительное, как *lego*, повелительное, как *lege*, желательное, как *utinam legerem*, сослагательное, как *cum legam*[38], неопределенное, как *legere*, безличное, как *legitur*[39].
— Formae verborum quot sunt?	— Сколько видов у глагола?
— Quattuor.	— Четыре.
— Quae?	— Какие?
— Perfecta, ut *lego*, meditativa, ut *lecturio*, frequentativa, ut *lectito*, inchoativa, ut *fervesco*, *calesco*.	— Совершенный, как *lego*, средний, как *lecturio*[40], учащательный, как *lectito*[41], начинательный, как *fervesco*, *calesco*[42].

37 Имеется в виду неопределенная форма глагола.

38 Многозначность латинского конъюнктива в известной степени объясняется тем, что он включает в себя (по значению и форме) два индоевропейских наклонения: сослагательное и желательное. Например, *cum legam* можно перевести так: когда я прочитал бы. Как видно из текста, Донат выделяет желательное наклонение (Modus Optativus). *Utinam legerem* — можно перевести так: о, как бы я хотел прочитать, или о, если бы я прочитал.

39 Форма 3 лица единственного числа, страдательного залога, в предложении с неназванным или неопределенным субъектом. *Legitur* — прочитанный [кем-то].

40 *Lecturio, ire* (desiderat. к *lego*). Значение этого глагола можно перевести описательно, напр., «иметь желание читать». Глаголы типа *lecturio* относятся к группе желательных (Verba Desiderativa), обозначающих желание или предрасположение к действию.

41 *Lectito, are* (intens. к *lego*) — усердно читать. Такие глаголы относятся к группе учащательных (Verba Frequentativa) и обозначают действие, повторяющееся или (иногда) только интенсивное.

42 *Fervesco, ere* (inchoat. к *ferveo*) — начинать кипеть, вскипать, закипать; *calesco, ere* (inchoat. к *caleo*) — нагреваться, разгорячаться. Такие глаголы относятся к группе начинательных (Verba Inchoativa), обозначающих начало действия или состояния.

Соответственно, терминологические сходства (ниже отмечены курсивом и знаком +) и различия (— знаком –) в тексте Доната и Дмитрия таковы (Табл. 1):

Табл. 1

Сходства (+) / отличия (–)	Донат	Дмитрий
Термин и определение	verbum	слово
Количество признаков, их порядок	7 + qualitas, coniugatio, genus, numerus, figura, tempus, persona (качество, спряжение, род, число, фигура [образ], время, лицо) +	7 + качество, согласие, рѡ̀, число, wбраꙁ, время, лице (качество, спряжение, род, число, образ, время, лицо) +
Качество (вид), его объяснение, примеры	в наклонениях и видах Наклонения: изъявительное lego (я читаю) + повелительное lege (читай!) + желательное utinam legerem (я хотел бы почитать; почитал бы) +/+ сослагательное cum legam (если бы я прочитал) –/+ неопределенное legere (читать) –/+ безличное legitur +/+ Виды: совершенный lego +/+ средний lecturio [выражение намерения, желания читать] –/+ учащательный lectito +/+ начинательный fervesco, calesco +/+	в чинах [залогах] и образах Чины: указательный ѹтꙋ + повелительный ѹти + желаемый да бꙑ^{х} ѹелѣ +/+ сложный егда ѹтоу –/+ некончальный ѹести –/+ безличный ѹтетсꙗ +/+ Образы: совершенный ѹтѹ +/+ любомудрственный / поучательный / прилежный / поглумательный да ѹтѹ = благоволящий ѹтѹ [выражение желания] –/+ учащаемый поуитаю +/+ начинательный ꙗꙁгоѣюсѧ, согоѣваюсѧ +/+

При сравнении текстов становится очевидным, что при передаче обозначающей свойства глагола латинской терминологии Дмитрию не всегда удается подобрать в своем языке соответствующий эквивалент. Однако примеры поясняют, что имеется в виду. И далее в тексте Дмитрия:

***

В.: Согласий СЛОВЕСЕН[43] сколько?
О.: Три.
В.: Какие?
О.: Первое на ѧ, второе на ѥ, третье на и.
В.: Первое какое?
О.: То, у которого в указательном чине[44], в настоящем времени, в числе единственном, во втором лице, в СЛОВЕ дельном[45] и посредственном[46] имеется а продолжное[47] перед последним словом[48] азбучным[49]. Но в терпельном[50] или в страдальном, общем и отложительном имеет [а продолжное] перед последним складом[51] с окончанием ѓисъ[52]. Как люблю, любишь, люблюсѧ, любишисѧ[53]. И грядущее время того же чина на слог ко и на склад коръ (оканчивается, как амо, амако, (а)моръ, амакоръ)[54].

***

43 Здесь речь идет о глагольных спряжениях.
44 То есть в изъявительном наклонении.
45 Речь идет о действительном (активном) залоге. См. ниже, примеч. 48.
46 Возможно, здесь имеется в виду медиальный (средний) залог, имеющий место в древнегреческом языке, когда подлежащее совершает действие над самим собой. См. также ниже, примеч. 48.
47 То есть долгая гласная.
48 Здесь под «словом» имеется в виду буква. См. также ниже, примеч. 48
49 У Доната: "...ante novissimam litteram" (перед последней буквой). Ср.: Ягич (изд. 1896), 552, примеч. 7. См. также: Keil (ed. 1864), p. 359, v. 14–15; Holtz (ed. 1981), p. 591, v. 16. Так Дмитрий передает латинский текст о глаголе 2 лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения действительного залога с основой на долгую гласную -а, относящемся к первому спряжению (пример: ama-s). Однако его фразу: «...перед последним словом азбучным», в которой «слово» означает слог, возможно «применить», например, и к неопределенной форме глагола настоящего времени (ama-*re*), и к 1, 2 и 3 лицам ед. числа и 3 лицу мн. числа прошедшего (Imperfectum Indicativi Activi), соответственно: ama-*ba*m, ama-*ba*s, ama-*ba*t... ama-*ba*nt.
50 То есть в страдательном (пассивном).
51 То есть слогом.
52 Это буквенное сочетание, передающее латинскую флексию страдательного залога -ris, внесено в Казанский список из О2. См.: Ягич (изд. 1896), 552, примеч. 8.
53 Здесь должны быть латинские формы, как в О2: амѡ, амасъ; в рукописи описки: моа, амаасѥ, амор, амарси. См.: Ягич (изд. 1896), 552, примеч. 9.
54 Слова, заключенные в скобки, в Казанском списке отсутствуют; пробел восполнен по О2. См.: Ягич (изд. 1896), 552, примеч. 10.

У Доната:

Donatus [*Ars minor*] *De verbo* [Keil (ed. 1864), p. 359, v. 12-17; Holtz (ed. 1981), p. 591, v. 14-19]	Донат [Малая грамматика = Краткая наука о частях речи] О глаголе
— Coniugationes verborum quot sunt?	— Сколько спряжений у глаголов?
— Tres.	— Три[55].
— Quae?	— Какие?
— Prima secunda tertia.	— Первое, второе, третье.
— Prima quae est?	— Первое, это какое?
— Quae indicativo modo tempore praesenti numero singulari secunda persona verbo activo et neutrali *-a* productam habet ante novissimam litteram, passivo communi et deponenti ante novissimam syllabam, ut *amo – amas*, *amor – amaris*; et futurum tempus eiusdem modi in *-bo* et in *-bor* syllabam mittit, ut *amo – amabo*, *amor – amabor*.	— В котором в изъявительном наклонении, настоящем времени, единственном числе, втором лице у действительного и среднего глаголов имеется долгая -а[56] перед самой последней буквой; у страдательного, общего и депонентного — перед самым последним слогом, как *amo – amas*, *amor – amaris*; в будущем времени в том же самом наклонении [такой глагол] меняет последний слог на *-bo* и на *-bor*, как *amo – amabo*, *amor – amabor*.

Далее, в тексте Дмитрия:

***

55 Варрон (116–27 гг. до н. э.), который, по-видимому, одним из первых занимался этим вопросом, различал по последней гласной глагола второго лица единственного числа изъявительного наклонения настоящего времени три спряжения: первое на -а (долгое), второе на -е (долгое), третье на -i (долгое или краткое). В императорскую эпоху третье спряжение разделилось на два в зависимости от количества гласной -i. Упоминание о четвертом спряжении впервые появляется у Сацердота (III в. –?), который, вероятно, позаимствовал его у своего предшественника Реммия Палемона. См.: Cl. Sac. *Art. gram.* I, 23, ed. I. Eichenfeld, St. Endlicher (1837), p. 5; Ibidem, *Grammatici Latini*, ex. rec. H. Keilii, vol. VI (1923), p. 434, v. 8: ...tertia producta quam quidam quartam vocant (третье, с долгой [гласной], которое также называется четвертым). В VI в. эта классификация распространилась благодаря Установлениям грамматики Присциана. Она используется и в наши дни с некоторыми дополнениями к третьему спряжению (тип *capio*, *facio*, *jacio* и др. — III спряжение на *-io*). См. также: А. Эрну, Историческая морфология латинского языка, пер. М. А. Бородиной, под ред. И. М. Тронского, предисл. Б. А. Серебренникова (Москва: Издательство иностранной литературы, 1950), 145–146.

56 Имеется в виду окончание инфекта.

В[опрос]: Второе [согласие] какое?

О[твет]: Оно в указательном чине[57], во времени настоящем, в числе единственном, во втором лице, в слове дельном и посредственном имеет е продолжное пред последним словом азбучным. В страдательном, общем и отложном имеет [е продолжное] перед последним складом (ѓисъ)[58], как доцеѡ, ѵѵиши, ѵѵюс-, ѵѵишис-, ѵѵю, наѵѵю, наѵѵюсѧ[59]. (И грядущее)[60] время того же чина на бо и на бор склады[61] посылает[62], как ѵѵю, наѵѵю, ѵѵюсѧ, наѵѵюсѧ[63].

В.: Третье [согласие] какое?

О.: У него в указательном чине[64], во времени настоящем, в числе единственном, во втором лице, в СЛОВЕ дельном и посредственном имеет[ся] и сокращенное[65] или и продолжное[66] в предпоследнем слове[67] азбучном. В страдательном, общем и отложном вместо и слова азбучного е сокращенное или и продолжное имеется перед последним складом[68] (ѓисѣ)[69], как ѵтѳ, ѵтеши, ѵтѳсѧ, ѵтешисѧ[70]. А грядущее время того же чина на амъ и на аръ[71] склад посылает, как ѵтѵ, поѵтѳ, ѵтѳсѧ, ѵести(сѧ вѣдѳ; слъышѳ), ѵслъышѳ, (слъышѳсѧ)[72].

***

57 То есть в изъявительном наклонении.

58 Прибавлено из О2. См.: Ягич (изд. 1896): 552, примеч. 11.

59 Ближе к латинскому в О2: как доцеѡ, доцесѣ, доцеѡръ, доцеристъ; в латинском тексте: "...ut doceo, doces, doceor, doceris". Вместо ѵѵиши в тексте ѵѵиша — см.: Ягич (изд. 1896), 552, примеч. 12. См. также: Keil (ed. 1864), p. 359, v. 20-21; Holtz (ed. 1981), p. 592, v. 1.

60 Эти слова добавлены в соответствии с латинским текстом и согласно О2: и во грѣдѫщее — Ягич (изд. 1896), 552, примеч. 13.

61 То есть слоги.

62 Послетъ — О2. См.: Ягич (изд. 1896), 552, примеч. 14.

63 Лучшее чтение в О2: ...как доцеѡ, доцеѥѳ, доцеѡръ, доцеѳ͡ѳ — Ягич (изд. 1896), 552, примеч. 15.

64 То есть в изъявительном наклонении.

65 То есть краткое.

66 То есть долгое.

67 То есть слоге.

68 То есть слогом (здесь и далее).

69 Согласно О2. См.: Ягич (изд. 1896), 553, примеч. 1.

70 Лучше чтение в О2: лего, легитъ, s (sic), легоръ, легеристъ; аоудиѡ, аоудистъ, аоудиѡръ, аоудиаръ (Sic! Вместо аоудиристъ). См.: Ягич (изд. 1896), 553, примеч. 2.

71 В Казанском списке: ѡръ; в О2 — ѥръ; то и другое ошибочно. См.: Ягич (изд. 1896), 553, примеч. 3.

72 Лучше чтение в О2: лего, легамъ, легоръ, легаръ (в рукописи — легеръ), аоудиѡ, аоудиамъ, аоудиѡръ, аоудиаръ — Ягич (изд. 1896), 553, примеч. 4.

У Доната:

Donatus [*Ars minor*] *De verbo* [Keil (ed. 1864), p. 359, v. 17-28; Holtz (ed. 1981), p. 591, v. 20 – p. 592, v. 3]	Донат [Малая грамматика = Краткая наука о частях речи] О глаголе
— Secunda quae est?	— Второе, это какое?
— Quae indicativo modo tempore praesenti numero singulari secunda persona verbo activo et neutrali *-e* productam habet ante novissimam litteram, passivo communi et deponenti ante novissimam syllabam, ut *doceo – doces*, *doceor – doceris*; et futurum tempus eiusdem modi in *-bo* et in *-bor* syllabam mittit, ut *doceo – docebo*, *doceor – docebor*.	— В котором в изъявительном наклонении, настоящем времени, единственном числе, втором лице у действительного и среднего глаголов имеется долгая *-e* перед самой последней буквой; у страдательного, общего и депонентного — перед самым последним слогом, как *doceo – doces*, *doceor – doceris*; в будущем времени в том же самом наклонении [такой глагол] меняет [последний] слог на *-bo* и на *-bor*, как *doceo – docebo*, *doceor – docebor*.
— Tertia quae est?	— Третье, это какое?
— Quae indicativo modo tempore praesenti numero singulari secunda persona verbo activo et neutrali *-i* correptam vel *-i* productam habet ante novissimam litteram, passivo communi et deponenti pro *-i* littera *-e* correptam vel *-i* productam habet ante novissimam syllabam, ut *lego – legis*, *legor – legeris*, *audio – audis*, *audior – audiris*; et futurum tempus eiusdem modi in *-am* et in *-ar* syllabam mittit, ut *lego – legam*, *legor – legar*, *audio – audiam*, *audior – audiar*.	— В котором в изъявительном наклонении, настоящем времени, единственном числе, втором лице у действительного и среднего глаголов имеется краткая *-i* или долгая *-i* перед самой последней буквой; у страдательного, общего и депонентного — вместо буквы *-i* имеется краткая *-e* или долгая *-i* перед самым последним слогом, как *lego – legis*, *legor – legeris*, *audio – audis*, *audior – audiris*; в будущем времени в том же самом наклонении [такой глагол] меняет [последний] слог на *-am* и на *-ar*, как *lego – legam*, *legor – legar*, *audio – audiam*, *audior – audiar*[73].

У Дмитрия далее:

***

73 В современной грамматической теории это спряжение делится на три самостоятельных — III, III на -io и IV. См. выше, примеч. 54.

В[опрос]: Где эти [СЛОВА] могут различаться.

О[твет]: В повелительном и некончательном[74] чине могут различаться; [когда они] или и слово[75] азбучное сокращенное имеют, или продолжное[76]; так и [само] СЛОВО азбучное сокращенное будет, [а его окончание] на ѥ изменится[77]. А если продолжное [и] будет [на конце], [то СЛОВО] не переменится[78]. Бывает, когда третье уклонение или* согласие*[79] грядущего времени не только на ѧмъ или на ѧтъ [завершается][80], а

74 Ранее употребляется термин «некончальный». См. *выше*, примеч. 30. Здесь, вероятно, речь идет о неопределенной форме глагола (инфинитиве) настоящего времени действительного залога или о его же форме в 3 лице среднего рода.

75 Здесь — буква, звук.

76 Смысл этого места могут прояснить флексии латинских глаголов третьего спряжения двух типов (собственно, третьего [tego, tegĕre] и третьего на -io [capio, capĕre]), а также четвертого (audi, audīre), согласно их разделению в современной латинской морфологии (в далеком прошлом эти спряжения рассматривались в качестве третьего, см. *выше*, примеч. 54). Так, латинские глаголы, относящиеся к третьему спряжению, имеют либо согласный в своей основе, к которой при спряжении присоединяются личные окончания (напр., в Praes. Ind. Act., 1 л., ед. ч.: teg-o; 3 л. ед. ч. teg-ĭ-t), либо они оканчиваются на ĭo (напр., capĭo… capit), где гласная i краткая (т. е. тематическая). Глаголы, относящиеся к четвертому спряжению, имеют в основе гласную i долгую (напр., audī-o… audī-t). Вероятно, Дмитрий полагает, что основа латинского глагола третьего спряжения, завершающаяся на согласную, может составлять самостоятельный слог. Например, у глагола teg-o, teg-ĕ-re (покрывать) — основа (и самостоятельный слог) teg-. При спряжении этого глагола к его основе (teg-) присоединяются флексии по лицам и числам (напр., в 1 лице ед. ч. Praes. Ind. Act.: teg-o). Формы таких глаголов в повелительном наклонении 2 л. мн. ч. следующие (Imperat. Praes. Act.): teg-ĭ-te!; cap-ĭ-te!; audī-te! Соответстсующие формы во 2 л. ед. числа: teg-ĕ!; cap-ĕ!; audī!

77 Очевидно, имеется в виду завершающаяся на согласную букву основа глагола третьего спряжения (напр., teg-) и форма его повелительного наклонения во 2 лице единственного числа (teg-ĕ! — см. *выше*, примеч. 75). Возможно, речь идет о немногих глаголах, относящихся к 3 спряжению, у которых формы повелительного наклонения (Imperat. Praes. Act.) во 2 л. ед. ч. совпадают с формой основы (напр., duc! — веди! dic! — говори). См. также *ниже*, примеч. 77.

78 Форма повелительного наклонения глаголов четвертого спряжения настоящего времени, активного залога (Imperativus Praesenti Activi) во 2 л. ед. ч.: audī! В отношении фразы «…слово азбучное сокращенное будет…» можно предположить, что здесь автор имеет в виду меньшее количество слогов формы глагола в повелительном наклонении по сравнению с его неопределенной формой (ср.: tegĕ! — tegĕre; capĕ! — capĕre; audī! — audīre) и формой повелительно наклонения во 2 л. мн. ч. (соответственно: tegĭte! capĭte! audīte!).

79 Этих слов, помеченных специальными знаками (*) в О2 нет. См.: Ягич (изд. 1896), 553, примеч. 5.

80 Имеются в виду флексии Futurum Primum латинских глаголов III, III-io, IV спряжений в действительном и страдательном залогах изъявительного наклонения. Напр.: 1л. ед. ч. teg-am — teg-ar; audi-am — audi-ar.

еще и на ѣѡ и на ѣѽ склад пошлет[81]; тогда и СЛОВА азбучного сокращенного [оно] никогда не имеет, но [имеет] продолжное, как ѥѡ, исъ, иѣѡ; кѵѥѡ, кѵи᷑, кѵиѣо; ѥамъ или[82] кѵѥамъ[83].

***

У Доната:

Donatus [*Ars minor*] *De verbo* [Keil (ed. 1864), p. 359, v. 29-34; Holtz (ed. 1981), p. 591, v. 20 – p. 592, v. 3]	Донат [Малая грамматика = Краткая наука о частях речи] О глаголе
Haec in imperativo et in infinitivo statim discerni possunt, utrum *-i* littera correpta sit an producta. Nam correpta *-i* littera in *-e* convertitur; producta si fuerit, non mutatur.	Это четко проявляется [у глаголов] в повелительном наклонении и в неопределенном [в зависимости от того] является ли *-i* краткой или долгой. Ибо краткая буква *-i* меняется на *-e*, если [же] *-i* была долгой, то она не меняется[84].
— Quando tertia coniugatio futurum tempus non in *-am* tantum sed etiam in *-bo* mittit?	— В каких случаях в третьем спряжении [глагол] в будущем времени имеет не только [слог] *-am*, но и [слог] *-bo*?
— Interdum. Cum *-i* litteram non correptam habuerit sed productam, ut *eo*, *is*, *ibo*; *queo*, *quis*, *quibo*.	— Иногда. Когда у глагола не краткая буква *-i*, а долгая, как *eo*, *is*, *ibo* [и] *queo*, *quis*, *quibo*[85].

У Дмитрия далее:

***

81 В латинском языке такие окончания имеют глаголы, относящиеся к I и II-му спряжениям в будущем (I) времени изъявительного наклонения действительного и страдательного залогов. Напр.: 1л. ед. ч. orna-*bo* — orna-*bor*; doce-*bo* — doce-*bor*.

82 Последнее слово латинское — vel. См.: Ягич (изд. 1896): 553, примеч. 6.

83 Ср. у Доната (*ниже*, примеч. 84), где речь идет о неправильных глаголах.

84 Здесь имеется в виду тематический гласный глаголов III спряжения и гласная, входящая в основу глаголов IV спряжения.

85 Речь идет о неправильных глаголах: *eo* (inf. — *ire*), *queo* (inf. — *ire*). Их особенность — чередование основы инфекта: *-e* (краткой) перед гласной буквой, *-i* — перед согласной. Формы Futurum Primum Indicativi Activi у таких глаголов образуются по лицам при помощи суффикса *-b*, как у глаголов I и II спряжений. В архаической латыни и изредка в классическую эпоху встречались формы будущего времени глаголов IV спряжения, также образованные при помощи суффикса *-b*, например: *audi-b-o*).

В[опрос]: Родов[86] у СЛОВА сколько есть?
О[твет]: Пять.
В.: Какие?
О.: Дельный[87], страдальный, посредственный, отложный и общий.
В.: Дельный какой?
О.: [СЛОВО в нем] также на / оканчивается и, принимая р, от себя слово азбучное производит страдальное, как легѹ[88].
В.: Страдальный какой?
О.: [СЛОВО в нем] также на р оканчивается. И от него, (отняв)* р, в слово азбучное и в дельный [род] (перейдет)*[89], как оутѹсѧ, оутѹ[90].
В.: Посредственный какой?
О.: [СЛОВО в нем] также на / оканчивается, как в дельном, но принимая ѕ, слово азбучное латинское не получится, так идѣже стою, стоѧуи, текѹуи не говорится[91]. Есть впрочем[92] у них посредственный страдальный [род], как радѹюсѧ, радѹешисѧ, воꙁрадовакѕ҃ѧ; навъыкаю, навъыкаеши, навъыкохъ; вѣд; вѣдеши, къ҃и, е́смъ; тѹжѹ, т;жиш҃и, т;жи[ѕ][93].
В.: А отложный какой?
О.: [СЛОВА в нем] тоже на р оканчиваются, как в страдальном, но отнявши ѕ от них, латинского СЛОВА азбучного не будет, как ворюсѧ, гл҃юсѧ, послѣ^ствѹюсѧ, ражаюсѧ, восхожѹ[94] [т.е. ворюсѧ, гл҃ю, послѣдѹю].

86 То есть залогов. Ср. изложение о роде глагола: Кузьминова (изд. 2007), 187 – 187об (с. 206–207).
87 То есть действительный залог (или активный).
88 В рукописи О2 предшествует: легѡ́хъ, читай легѡ҆ — Ягич (изд. 1896), 553, примеч. 7.
89 Чтение по О2. См.: Ягич (изд. 1896), 553, примеч. 8.
90 Лучше О2: легѡ́ѕ, легѡ — Ягич (изд. 1896), 553, примеч. 9.
91 Здесь текст перепутан; правильнее в О2: тако сто, кѹрро (в рукописи — неразб. [М. П.]) сто... коурроръ не гл҃е́тсѧ. В латинском тексте: ut: sto, curro; nam stor, curror non dicitur. См. также: Ягич (изд. 1896), 553, примеч. 10.
92 (҃и) прочєнъ — О2. Здесь речь идет о verba neutropassiva — Ягич (изд. 1896), 553, примеч. 11, или verba semideponentia (полуотложительных глаголах, которые во временах системы инфекта имеют формы действительного залога, а во временах системы перфекта — страдательного, или наоборот).
93 Здесь (а также в О2) сохранился след латинской формы только в гаоу́десъ. В латинском тексте так: “...sunt praeterea neotropassiva, ut: gaudeo, gaudes, gavisus sum; soleo, soles, solitus sum; fio, fis, factus sum; mereo, meres, mestus sum”. См.: Ягич (изд. 1896), 554, примеч. 1.
94 Лучшее чтение в О2 без перевода: лекторъ, ло́кворъ (в рукописи: ло́кворъ), секворъ, нашкоръ, є ториръ (следует читать: et orior!). В Казанском списке к переведенному подлиннику вторично прибавлен перевод. См.: Ягич (изд. 1896), 554, примеч. 2.

В.: Каков[95] же общий?
О.: [В нем СЛОВА] тоже на р оканчиваются, как [СЛОВА] отложного [рода], но [они] в двух образах окажутся, стражущего и дающего.
В.: Как же это?
О.: Как **цѣлꙋюсѧ, бесꙋествꙋюсѧ**[96]. Говорят (?) **wскꙋлѡ҃ (тѧ, wшк;лорь ѿ тебе. криминоръ)**[97].
В.: Чисел у СЛОВА сколько?
О.: Два.
В.: Какие?
О.: Единственное[98], как **ѵтъ**. Множественное, как **ѵтемъ**.
В.: Образов СЛОВНЫХ сколько?
О.: Два.
В.: Какие?
О.: Единородные, как **ѵтъ**. Сложные, как **небрегъ**.
В.: Времен СЛОВНЫХ сколько?
О.: Три.
В.: Какие?
О.: Настоящее, как **ѵтъ**; минувшее, как **ѵтохъ**; грядущее, как **поѵтъ**.
В.: Сколько есть времен в уклонении СЛОВНОМ?
О.: Пять.
В.: Какие?
О.: Настоящее, как **ѵтъ**; минувшее несовершенное, как **поѵтохъ**; минувшее совершенное, как **поѵтохъ**[99]; минувшее пресовершенное, как **ѵитахъ**; грядущее, как **по҃тъ**.
В.: Сколько лиц СЛОВНЫХ есть?
О.: Три.
В.: Какие?
О.: Первое, как **ѵтъ**; второе, как **ѵтеши** и третье, как **ѵтетъ**.

***

95 Этого слова в О2 нет; оно оказывается лишним с точки зрения латинского текста. См.: Ягич (изд. 1896), 554, примеч. 3.
96 В О2 **wшкѣлworъ, криминоръ** — Ягич (изд. 1896), 554, примеч. 4.
97 Здесь в Казанском списке пропуск, восполненный словами из О2. Согласно латинскому тексту, можно было бы ожидать после **криминоръ** еще: **тѧ, криминоръ ѿ тебе.** В Казанском списке первое слово написано **wскꙋдѡ҃**, в О2: **wшкѣ тѧ** (sic), **wшкѣлorъ ѿ тебе** — Ягич (изд. 1896): 554, примеч. 5.
98 **Є҆диноро҃дныи́** — О2. См.: Ягич (изд. 1896), 554, примеч. 6.
99 В О2: **ѵтѣ҃** — Ягич (изд. 1896), 554, примеч. 7.

Релевантный текст Доната:

Donatus [*Ars minor*] *De verbo* [Keil (ed. 1864), p. 359, v. 33 – p. 360, v. 14; Holtz (ed. 1981), p. 591, v. 20 – p. 592, v. 3]	Донат [Малая грамматика = Краткая наука о частях речи] О глаголе
— Genera verborum quot sunt?	— Сколько родов у глаголов?
— Quinque.	— Пять.
— Quae?	— Какие?
— Activa passiva neutra deponentia communia.	— [Глаголы бывают] действительными, страдательными, средними, отложительными, общими.
— Activa quae sunt?	— Какие [глаголы] действительные?
— Quae in *-o* desinunt et accepta *-r* littera faciunt ex se passiva, ut *lego – legor*.	— Которые оканчиваются на *-o* и становятся страдательными, посредством присоединения к себе буквы *r*, как *lego – legor*[100].
— Passiva quae sunt?	— Какие страдательные?
— Quae in *-r* desinunt et ea dempta redeunt in activa, ut *legor – lego*.	— Которые оканчиваются на *-r* и возвращаются в действительные, отвергая эту [букву], как *legor – lego*[101].
— Neutra quae sunt?	— Какие средние?
— Quae in *-o* desinunt, ut activa, sed accepta *-r* littera Latina non sunt, ut *sto – curro*: *stor – curror* non dicimus.	— Которые оканчиваются на *-o*, как действительные, но в латинском языке они не употребляются с буквой *-r*, [например], как *sto* [и] *curro*. Мы не говорим *stor* [и] *curror*[102].
— Deponentia quae sunt?	— Какие отложительные?
— Quae in *-r* desinunt, ut passiva, sed ea dempta Latina non sunt, ut *luctor*, *loquor*.	— Которые оканчиваются на *-r*, как страдательные, но в латинском языке они не употребляются без этой буквы, как *luctor*, *loquor*[103].

100 Это переходные глаголы (Verba Transitiva).

101 Глагол в страдательном залоге имеет безличное значение, когда нет указания на действующий субъект, а также значение, которое показывает, что субъект заинтересован (или не заинтересован) в действии, выраженном глаголом.

102 Непереходные глаголы (Verba Intransitiva), которые не имеют формы страдательного залога и обозначают действие или состояние, не переходящее на другой предмет: *sto* — стою; *curro* — бегу. Ср. в русском языке: стоять, бежать (также непереходные).

103 Отложительные глаголы, имеющие значение действительного глагола или близкое к нему. Здесь: *luctor* — борюсь, *loquor* — говорю, рассказываю. Ср. в русском языке: нравлюсь, смеюсь, боюсь.

— Communia quae sunt?
— Quae in *-r* desinunt, ut deponentia, sed in duas formas cadunt, patientis et agentis, ut *osculor*, *criminor*: dicimus enim *osculor te* et *osculor a te*, *criminor te* et *criminor a te*.

— Какие общие?
— Которые оканчиваются на *-r*, как отложительные, но они совпадают, в двух формах, [и обозначают] претерпевающего и осуществляющего [действие], как *osculor*, *criminor*. Ибо мы говорим *osculor te* и *osculor a te*, *criminor te* и *criminor a te*[104].

— Numeri verborum quot sunt?
— Duo.
— Qui?
— Singularis, ut *lego*; pluralis, ut *legimus*.

— Сколько чисел у глаголов?
— Два.
— Какие?
— Единственное, как *lego*; множественное, как *legimus*.

— Figurae verborum quot sunt?
— Duae.
— Quae?
— Simplex, ut *lego*; conposita, ut *neglego*.

— Сколько фигур у глаголов?
— Две.
— Какие?
— Простая, как *lego*; составная, как *neglego*.

— Tempora verborum quot sunt?
— Tria.
— Quae?
— Praesens, ut *lego*; praeteritum, ut *legi*; futurum, ut *legam*.
— Quot sunt tempora in declinatione verborum?
— Quinque.
— Quae?
— Praesens, ut *lego*, praeteritum inperfectum, ut *legebam*, praeteritum perfectum, ut *legi*, praeteritum plusquamperfectum, ut *legeram*, futurum, ut *legam*.

— Сколько времен у глаголов?
— Три.
— Какие?
— Настоящее, как *lego*, предшествующее, как *legi*, будущее, как *legam*.
— В каких временах спрягаются глаголы?
— В пяти.
— В каких?
— В настоящем, как *lego*, в предшествующем незаконченном, как *legebam*, в предшествующем законченном, как *legi*, предшествующем предпрошедшем, как *legeram*, будущем, как *legam*.

— Personae verborum quot sunt?
— Tres.
— Quae?
— Prima, ut *lego*, secunda, ut *legis*, tertia, ut *legit*.

— Сколько лиц у глаголов?
— Три.
— Какие?
— Первое, как *lego*; второе, как *legis*; третье, как *legit*.

104 Osculor a te; *criminor a te*, a te — Abl. Auctoris.

Далее у Дмитрия:

***

Здесь[105] учитель[106] побеседовал вкратце о третьей части вещания, то есть о СЛОВЕ, и если Бог, кто всех благ податель и всякому началу блага свершитель, дарует время, [то] и учитель предложит беседы вкратце и о прочих пяти частях вещания[107], то есть о предлоге СЛОВА и о причастии, и о союзе, и о представлении[108], и о различии[109]. И если Бог еще возжелает и будет время продолжить так он о всех этих выше изложенных [частях вещания, он] и в ином порядке подробнее побеседует. Он же с Божьей помощью предлагает вкратце беседу о четвертой части вещания, то есть о предлоге СЛОВА, и о том, какие [свойства] еще к нему относятся; их же есть три: знаменование, прилагание[110] и третье — образ, и [о] прочем, что с ним согласуется.

***

У Доната же приведены примеры глагола lego, legĕre (читаю, читать), относящегося к III спряжению, изменяющегося по временам, наклонениям, видам, формам, лицам и числам. Но Дмитрий из-за невозможности «приложимости» таких изменений к аналогичному глаголу своего языка завершает свое изложение.

У Доната:

Donatus [*Ars minor*] *De verbo* [Keil (ed. 1864), p. 360, v. 15 – p. 362, v. 13; Holtz (ed. 1981), p. 591, v. 20 – p. 592, v. 3]	Донат [Малая грамматика = Краткая наука о частях речи] О глаголе
— Da declinationem verbi activi.	— Приведи спряжение действительного глагола.

105 В O2 предшествует заглавие: «Беседа четвертая о предлоге». См.: Ягич (изд. 1896), 554, примеч. 8.

106 Магистер — O2. См.: Ягич (изд. 1896), 554, примеч. 9.

107 Лучшее чтение в O2: вещаниѧ — Ягич (изд. 1896), 554, примеч. 10.

108 То есть наречии, относящемуся к глаголу.

109 То есть о междометии.

110 Прилагание — O2. См.: Ягич (изд. 1896), 555, примеч. 1.

— *Lego* verbum activum indicativo modo dictum temporis praesentis numeri singularis figurae simplicis personae primae coniugationis tertiae correptae, quod declinabitur sic: *lego*, *legis*, *legit* et pluraliter *legimus*, *legitis*, *legunt*: eodem modo tempore praeterito inperfecto *legebam*, *legebas*, *legebat* et pluraliter *legebamus*, *legebatis*, *legebant*: eodem modo tempore praeterito perfecto *legi*, *legisti*, *legit* et pluraliter *legimus*, *legistis*, *legerunt* vel *legere*: eodem modo tempore praeterito plusquamperfecto *legeram*, *legeras*, *legerat* et pluraliter *legeramus*, *legeratis*, *legerant*: eodem modo tempore futuro *legam*, *leges*, *leget* et pluraliter *legemus*, *legetis*, *legent*.

— *Lego* — действительный глагол, в изъявительном наклонении, настоящем времени, единственном числе, простой по фигуре, первого лица, третьего спряжения, с краткой [гласной] будет спрягаться так: [в единственном числе] — *lego*, *legis*, *legit* и во множественном числе — *legimus*, *legitis*, *legunt*[111]. В том же наклонении в предшествующем незаконченном времени [в единственном числе] — *legebam*, *legebas*, *legebat* и во множественном числе — *legebamus*, *legebatis*, *legebant*[112]. В том же наклонении в предшествующем законченном времени [так]: [в единственном числе] — *legi*, *legisti*, *legit* и во множественном числе — *legimus*, *legistis*, *legerunt* или *legere*[113]. В том же наклонении в предшествующем предпрошедшем времени [так]: [в единственном числе] — *legeram*, *legeras*, *legerat* и во множественном числе — *legeramus*, *legeratis*, *legerant*[114]. В том же наклонении в будущем времени [так]: [в единственном числе] — *legam*, *leges*, *leget* и во множественном числе — *legemus*, *legetis*, *legent*[115].

Imperativo modo tempore praesenti ad secundam et tertiam personam *lege* vel *legas*, *legat* et pluraliter *legamus*, *legite* vel *legatis*, *legant*: eodem modo tempore futuro *legito* vel *legas*, *legito* vel *legat* et pluraliter *legamus*, *legitote* vel *legatis*, *legant* vel *legunto*, vel *leguntote*.

В повелительном наклонении в настоящем времени для второго и третьего лица [единственного числа — так]: *lege* — или *legas*, *legat* и во множественном числе — *legamus*, *legite* или *legatis*, *legant*. В том же наклонении в будущем времени [для единственного числа] *legito* или *legas*, *legito* или *legat* и для множественного числа — *legamus*, *legitote* или *legatis*; *legant* или *legunto* или *leguntote*[116].

111 Praesens Indicativi Activi.
112 Imperfectum Indicativi Activi.
113 Perfectum Indicativi Activi.
114 Plusquamperfectum Indicativi Activi.
115 Futurum Primum Indicativi Activi.
116 Донатом приводятся формы повелительного наклонения в сочетании с формами сослагательного наклонения (Praesens Coniunctivi Activi).

Optativo modo tempore praesenti et praeterito inperfecto *utinam legerem*, *legeres*, *legeret* et pluraliter *utinam legeremus*, *legeretis*, *legerent*: eodem modo tempore praeterito perfecto et plusquamperfecto *utinam legissem*, *legisses*, *legisset* et pluraliter *utinam legissemus*, *legissetis*, *legissent*: eodem modo tempore futuro *utinam legam*, *legas*, *legat* et pluraliter *utinam legamus*, *legatis*, *legant*.

В желательном наклонении настоящего времени и предшествующем незаконченном, [так]: [в единственном числе] — *utinam legerem*, *legeres*, *legeret* и во множественном числе — *utinam legeremus*, *legeretis*, *tegerent*[117]. В том же наклонении в предшествующем законченном времени и предшествующем предпрошедшем [так]: [в единственном числе] — *utinam legissem*, *legisses*, *legisset* — и во множественном числе — *utinam legissemus*, *legissetis*, *legissent*[118]. В том же наклонении в будущем времени [так]: [в единственном числе] — *utinam legam*, *legas*, *legat* и во множественном числе — *utinam legamus*, *legatis*, *legant*[119].

Coniunctivo modo tempore praesenti *cum legam*, *legas*, *legat* et pluraliter *cum legamus*, *legatis*, *legant*: eodem modo tempore praeterito inperfecto *cum legerem*, *legeres*, *legeret* et pluraliter *cum legeremus*, *legeretis*, *legerent*: eodem modo tempore praeterito perfecto *cum legerim*, *legeris*, *legerit* et pluraliter *cum legerimus*, *legeritis*, *legerint*: eodem modo tempore praeterito plusquamperfecto *cum legissem*, *legisses*, *legisset* et pluraliter *cum legissemus*, *legissetis*, *legissent*: eodem modo tempore futuro *cum legero*, *legeris*, *legerit* et pluraliter *cum legerimus*, *legeritis*, *legerint*.

В сослагательном наклонении настоящего времени [так]: [в единственном числе] — *cum legam*, *legas*, *legat* и во множественном числе — *cum legamus*, *legatis*, *legant*[120]. В том же наклонении в предшествующем незаконченном времени [так]: [в единственном числе] — *cum legerem*, *legeres*, *legeret* и во множественном числе — *cum legeremus*, *legeretis*, *legerent*. В том же наклонении в предшествующем законченном [так]: [в единственном числе] — *cum legerim*, *legeris*, *legerit* и во множественном числе — *cum legerimus*, *legeritis*, *legerint*[121]. В том же наклонении в предшествующем предпрошедшем [так]: [в единственном числе] — *cum legissem*, *legisses*, *legisset* и во множественном числе — *cum legissemus*, *legissetis*, *legissent*. В том же наклонении в будущем времени [так]: [в единственном числе] — *cum legero*, *legeris*, *legerit* и во множественном числе — *cum legerimus*, *legeritis*, *legerint*[122].

117 Imperfectum Coniunctivi Activi.
118 Plusquamperfectum Coniunctivi Activi.
119 Praesens Coniunctivi Activi.
120 Также Praesens Coniunctivi Activi. Донат различает желательное и сослагательное наклонения, приводя соответствующие союзы, например, *utinam legam* (о, если бы я прочитал) и *cum legam* (когда бы я прочитал).
121 Perfectum Coniunctivi Activi.
122 Futurum Secundum (Exactum) Indicativi Activi.

Infinitivo modo numeris et personis tempore praesenti et praeterito inperfecto *legere*, praeterito perfecto et plusquamperfecto *legisse*, futuro *lectum iri* vel *lecturum esse*.

В неопределенном наклонении во [всех] числах и лицах в настоящем времени и в предшествующем незаконченном — *legere*[123], предшествующем законченном и предшествующем предпрошедшем — *legisse*[124], в будущем — *lectum iri* или *lecturum esse*[125].

Verbo inpersonali tempore praesenti *legitur*, praeterito inperfecto *legebatur*, praeterito perfecto *lectum est* vel *lectum fuit*, praeterito plusquamperfecto *lectum erat* vel *lectum fuerat*, futuro *legetur*.

В безличном наклонении в настоящем времени — *legitur*, в предшествующем незаконченном — *legebatur*, в предшествующем законченном — *lectum est* или *lectum fuit*, в предшествующем предпрошедшем — *lectum erat* или *lectum fuerat*, в будущем — *legetur*.

Gerundi vel participialia verba sunt haec, *legendi*, *legendo*, *legendum*, *lectum*, *lectu*.

Герундий или глаголы, схожие с причастием, такие: *legendi*, *legendo*, *legendum*[126], *lectum*, *lectu*[127].

Participia trahuntur a verbo activo duo, praesentis temporis et futuri, praesentis *legens*, futuri *lecturus*.

Два причастия получаются от действительного глагола: [причастие] настоящего времени и будущего, [например], настоящего — *legens*[128], будущего — *lecturus*[129].

123 Infinitivus Praesentis Activi.
124 Infinitivus Perfecti Activi.
125 Infinitivus Futuri Passivi et Activi.
126 Gerundi Modus, т. е. наклонение действия (gerundi — от глагола *gero* (действовать) с архаической формой суффикса *-und*). Термины Gerundium и Gerundivum — позднего происхождения.
127 Supinum (супин). Можно сравнить супин в Асс. с достигательным наклонением, имеющим окончание -ть в древнерусском языке. В некоторых северорусских говорах до сих пор сохраняются выражения, типа «иду пахать».
128 Participium Praesentis Activi.
129 Participium Futuri Activi.

Legor verbum passivum indicativo modo dictum temporis praesentis numeri singularis figurae simplicis personae primae coniugationis tertiae correptae, quod declinabitur sic: *legor*, *legeris* vel *legere*, *legitur* et pluraliter *legimur*, *legimini*, *leguntur*: eodem modo tempore praeterito inperfecto *legebar*, *legebaris* vel *legebare*, *legebatur* et pluraliter *legebamur*, *legebamini*, *legebantur*: eodem modo tempore praeterito perfecto *lectus sum*, *es*, *est* et pluraliter *lecti sumus*, *estis*, *sunt*; et ulteriore modo *lectus fui*, *fuisti*, *fuit* et pluraliter *lecti fuimus*, *fuistis*, *fuerunt* vel *fuere*: eodem modo tempore praeterito plusquamperfecto *lectus eram*, *eras*, *erat* et pluraliter *lecti eramus*, *eratis*, *erant*; et ulteriore modo *lectus fueram*, *fueras*, *fuerat* et pluraliter *lecti fueramus*, *fueratis*, *fuerant*: eodem modo tempore futuro *legar*, *legeris* vel *legere*, *legetur* et pluraliter *legemur*, *legemini*, *legentur*.

Imperativo modo tempore praesenti ad secundam et tertiam personam *legere* vel *legaris*, *legatur* et pluraliter *legamur*, *legimini* vel *legamini*, *legantur*. Eodem modo tempore futuro *legitor* vel *legaris*, *legitor* vel *legatur* et pluraliter *legamur*, *legimini* vel *legiminor*, *legantur* vel *leguntor*.

Legor — страдательный глагол, в изъявительном наклонении, произнесенный в настоящем времени, единственном числе, простой по фигуре, первого лица, третьего спряжения, с краткой [гласной] будет спрягаться так: [в единственном числе] — *legor*, *legeris* или *legere*, *legitur* и во множественном — *legimur*, *legimini*, *leguntur*[130]. В том же наклонении в предшествующем незаконченном времени так: [в единственном числе] — *legebar*, *legebaris* или *legebare*, *legebatur* и во множественном числе — *legebamur*, *legebamini*, *legebantur*[131]. В том же наклонении в предшествующем законченном времени так: [в единственном числе] — *lectus sum*, *es*, *est* и во множественном числе — *lecti sumus*, *estis*, *sunt*[132] и таким способом: [в единственном числе] — *lectus fui*, *fuisti*, *fuit* и во множественном числе — *lecti fuimus*, *fuistis*, *fuerunt* или *fuere*. В том же наклонении в предшествующем предпрошедшем [так]: [в единственном числе] — *lectus eram*, *eras*, *erat* и во множественном — *lecti eramus*, *eratis*, *erant*[133] и таким образом: [в единственном числе] — *lectus fueram*, *fueras*, *fuerat* и во множественном числе — *lecti fueramus*, *fueratis*, *fuerant*. В том же наклонении будущего времени [так]: [в единственном числе] — *legar*, *legeris* или *legere*, *legetur* и во множественном числе — *legemur*, *legemini*, *legentur*[134].

В повелительном наклонении в настоящем времени для второго и третьего лица, [в единственном числе] — *legere* или *legaris*, *legatur* и во множественном числе — *legamur*, *legimini* или *legamini*, *legantur*[135].

130 Praesens Indicativi Passivi.
131 Imperfectum Indicativi Passivi.
132 Perfectum Indicativi Passivi.
133 Plusquamperfectum Indicativi Passivi.
134 Futurum Primum Indicativi Passivi.
135 Здесь вместе с формами повелительного наклонения Донат приводит и формы сослагательного (Praesens Coniunctivi Passivi), которые также могут употребляться при передаче повеления.

В том же наклонении в будущем времени [так]: [в единственном числе] *legitor* или *legaris*, *legitor* или *legatur* и во множественном числе — *legamur*, *legimini*[136] или *legiminor*, *legantur* или *leguntor*.

Optativo modo tempore praesenti et praeterito inperfecto *utinam legerer*, *legereris* vel *legerere*, *legeretur* et pluraliter *utinam legeremur*, *legeremini*, *legerentur*: eodem modo tempore praeterito perfecto et plusquamperfecto *utinam lectus essem*, *esses*, *esset* et pluraliter *utinam lecti essemus*, *essetis*, *essent*; et ulteriore modo *utinam lectus fuissem*, *fuisses*, *fuisset* et pluraliter *utinam lecti fuissemus*, *fuissetis*, *fuissent*: eodem modo tempore futuro *utinam legar*, *legaris* vel *legare*, *legatur* et pluraliter *utinam legamur*, *legamini*, *legantur*.

В желательном наклонении в настоящем времени и предшествующем незаконченном, [в единственном числе] — *utinam legerer*, *legereris* или *legerere*, *legeretur* и во множественном числе — *utinam legeremur*, *legeremini*, *legerentur*[137]. В том же наклонении в предшествующем законченном и предшествующем предпрошедшем [так]: [в единственном числе] — *utinam lectus essem*, *esses*, *esset* и во множественном числе — *lecti essemus*, *essetis*, *essent*[138] и таким образом: [в единственном числе] — *utinam lectus fuissem*, *fuisses*, *fuisset* и во множественном числе — *utinam lecti fuissemus*, *fuissetis*, *fuissent*. В том же наклонении в будущем времени [так]: [в единственном числе] — *utinam legar*, *legaris* или *legare*, *legatur* и во множественном числе — *utinam legamur*, *legamini*, *legantur*[139].

Coniunctivo modo tempore praesenti *cum legar*, *legaris* vel *legare*, *legatur* et pluraliter *cum legamur*, *legamini*, *legantur*: eodem modo tempore praeterito inperfecto *cum legerer*, *legereris* vel *legerere*, *legeretur* et pluraliter *cum legeremur*, *legeremini*, *legerentur*: eodem modo tempore praeterito perfecto *cum lectus sim*, *sis*, *sit* et pluraliter *cum lecti simus*, *sitis*, *sint*; et ulteriore modo *cum lectus fuerim*, *fueris*, *fuerit* et pluraliter *cum lecti fuerimus*, *fueritis*, *fuerint*: eodem modo tempore praeterito plusquamperfecto *cum lectus essem*, *esses*, *esset* et pluraliter *cum lecti essemus*, *essetis*, *essent*; et ulteriore

В сослагательном наклонении в настоящем времени [в единственном числе] — *cum legar*, *legaris* или *legare*, *legatur* и во множественном числе — *cum legamur*, *legamini*, *legantur*[140]. В том же наклонении — в предшествующем незаконченном времени, [в единственном числе] — *cum legerer*, *legereris* или *legerere*, *legeretur* и во множественном — *cum legeremur*, *legeremini*, *legerentur*[141]. В том же наклонении в предшествующем законченном, [в единственном числе] — *cum lectus sim*, *sis*, *sit* и во множественном числе — *cum lecti simus*, *sitis*, *sint*[142] и таким образом, [в единственном числе] — *cum lectus fuerim*, *fueris*, *fuerit*

136 *legamini* — согласно Codex Berolinensis Santenii 66.4.
137 Imperfectum Coniunctivi Passivi.
138 Plusquamperfectum Coniunctivi Passivi.
139 Praesens Coniunctivi Passivi.
140 Praesens Coniunctivi Passivi.
141 Imperfectum Coniunctivi Passivi.
142 Perfectum Coniunctivi Passivi.

modo *cum lectus fuissem*, *fuisses*, *fuisset* et pluraliter *cum lecti fuissemus*, *fuissetis*, *fuissent*: eodem modo tempore futuro *cum lectus ero*, *eris*, *erit* et pluraliter *cum lecti erimus*, *eritis*, *erint* et ulteriore modo *cum lectus fuero*, *fueris*, *fuerit* et pluraliter *cum lecti fuerimus*, *fueritis*, *fuerint*.	и во множественном числе — *cum lecti fuerimus*, *fueritis*, *fuerint*. В том же наклонении предшествующего предпрошедшего времени, [в единственном числе] — *cum lectus essem*, *esses*, *esset* и во множественном — *cum lecti essemus*, *essetis*, *essent*[143] и таким образом, [в единственном числе] — *cum lectus fuissem*, *fuisses*, *fuisset* и во множественном числе — *cum lecti fuissemus*, *fuissetis*, *fuissent*. В том же наклонении в будущем времени [так]: [в единственном числе] — *cum lectus ero*, *eris*, *erit* и во множественном числе — *cum lecti erimus*, *eritis erint*[144] и таким образом, [в единственном числе] — *cum lectus fuero*, *fueris*, *fuerit* и во множественном — *cum lecti fuerimus*, *fueritis*, *fuerint*.
Infinitivo modo numeris et personis tempore praesenti et praeterito inperfecto *legi*, praeterito perfecto et plusquamperfecto *lectum esse* vel *fuisse*, futuro *lectum iri*.	В неопределенном наклонении у [всех] чисел и лиц в настоящем времени и в предшествующем незаконченном — *legi*[145]; в предшествующем законченном и предпрошедшем — *lectum esse* или *fuisse*[146], в будущем — *lectum iri*[147].
Participia trahuntur a verbo passivo duo, praeteriti temporis et futuri, praeteriti *lectus*, futuri *legendus*.	Два причастия получаются от страдательного глагола: [причастие] прошедшего времени и будущего, [например], в прошедшем — *lectus*[148], в будущем — *legendus*[149].
Activi verbi regulam neutrale verbum sequitur, passivi commune et deponens.	Средний глагол следует правилу действительного глагола, общий и отложительный — страдательному.

Таким образом, изложение о глаголе не следует рассматривать как перевод релевантного раздела из Донатовой *Ars grammatica* (*Ars minor*: *De verbo*). Скорее, Дмитрий и его продолжатели, следуя западноевропейской традиции, предприняли попытку «приложить» его к родному языку, то есть подобрать соответсвующую относящуюся к глаголу терминологию, показать его сходства и различия в сравнении с глаголом латинского языка. Вполне возможно, что этот текст мог быть приспо-

143 Plusquamperfectum Coniunctivi Passivi.
144 Futurum Secundum Indicativi Passivi.
145 Infinitivus Praesenti Passivi.
146 Infinitivus Perfecti Passivi.
147 Infinitivus Futuri Passivi.
148 Participium Perfecti Passivi.
149 Gerundivum.

соблен для обучения латинскому языку, более продуктивного, легкого и, вероятно, более понятного его усвоения, по сравнению с традиционной методикой зазубривания, бытовавшей в западноевропейских школах.

References

Arkhangel'skoe sobranie Biblioteki Akademii Nauk (BAN) [*Arkhangelsk Collection of the Library of the Academy of Sciences* (BAN)]. No 476. XVI v. L. 8–93 (Sankt-Peterburg).

«Ars Donati Grammatici Urbis Romae. 4. De verbo» [The Art of Donatus the Grammarian of the City of Rome. Book 4: On the Verb], in Louis Holtz, *Donat et la Tradition de l'Enseignement grammatical* (Paris: Centre National de la Recherche Scientifique, 1981), p. 591, v. 4 – p. 595, v. 23.

E. V. Bondarchuk, *Novgorodskii knizhnik Dmitrii Gerasimov i kul'turnye sviazi Moskovskoi Rusi s Zapadnoi Evropoi v poslednei chetverti XV – pervoi treti XVI v.* [Novgorod Scribe Dmitry Gerasimov and Cultural Ties of Muscovite Rus´ Cultural Ties with Western Europe in the Last Quarter of the 15th – First Third of the 16th Centuries], diss. k.i.n., spets. 07.00.02, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet (Sankt-Peterburg, 2015), 290.

Der russische Donat: vom lateinischen Lehrbuch zur russischen Grammatik: historisch-kritische Ausgabe [The Russian Donat: From the Latin Textbook to the Russian Grammar: A Historical-Critical Edition], Hrsg. und kommentiert von Vittorio S. Tomelleri (Köln – Weimar – Wien: Böhlau, 2002), 199–501.

*«Donati Grammatici Urbis Romae Ars grammatica: De verbo» [*Donatus, the Grammarian of the City of Rome: The Art of Grammar - On the Verb], in *Grammatici Latini*, ex. rec. Heinrich Keilii, vol. I–VII (1822–1894), vol. 4 (1864), p. 359, v. 3 – p. 362, v. 13.

A. Ernu, *Istoricheskaia morfologiia latinskogo iazyka* [A Historical Morphology of the Latin Language], per. M. A. Borodinoi, pod red. I. M. Tronskogo, predisl. B. A. Serebrennikova (Moskva: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1950), 324.

Grammatici Latini [Latin Grammarians], ex. rec. Heinrich Keilii, vol. 1 – 7 (1822–1894).

Grammatika 1648 g. [Grammar 1648], predisl., nauch. komment., podg. teksta i sost. ukazatelei E. A. Kuzminova (Moskva: MAKS-Press, 2007), 624.

I. V. Iagich, «Donat v russkom perevode Dmitriia Tolmacha i drugikh» [Donatus in Russian Translation by Dmitry Tolmach and Others], v *Rassuzhdeniia iuzhnoslavianskoi i russkoi stariny o tserkovno-slavianskom iazyke*, sobral i ob"iasnil I. V. Iagich (Sankt-Peterburg, 1896): 524–528.

I. V. Iagich, *Rassuzhdeniia iuzhnoslavianskoi i russkoi stariny o tserkovno-slavianskom iazyke* [Discourses in the South Slavic and Russian Antiquity on the Church Slavonic Language], sobral i ob»iasnil I. V. Yagich (Sankt-Peterburg, 1896): 528–623.

Materialy dlia slovaria drevnerusskogo iazyka po pis'mennym pamiatnikam: trud I. I. Sreznevskogo: slovar' [Materials for a Dictionary of the Old Russian Language According to Written Monuments: The Work of I. I. Sreznevsky: Dictionary] (Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoi akad. nauk, 1893–1902), t. 1: A–K, 771 s.; t. 2. L–P, 919 s. — http://oldrusdict.ru/dict.html (Accessed January 2023).

N. B. Mechkovskaia, *Rannie vostochno-slavianskie grammatiki* [Early East Slavic Grammars], red. A. E. Suprun (Minsk: Izdatel'stvo Universitetskoe, 1984), 160.
M. S. Petrova «Dmitrii Gerasimov i ego posledovateli o mestoimenii» [Dmitry Gerasimov and His Followers on the Pronoun], *Novaia i noveishaia istoriia* 66, no 2 (2022): 145–169. https://doi.org/10.31857/S013038640018574-9
M. S. Petrova, «Donat: zhizn', epokha i intellektual'noe okruzhenie» [Donatus: His Life, Epoch and Intellectual Environment], *Dialog so vremenem* 22 (2008): 80–92.
M. S. Petrova, «O Donatovoi *Ars grammatica* i nazvaniiakh ee chastei» [*Donati Ars grammatica* and the Names of Its Parts], *Intellektual'nye traditsii v proshlom i nastoiashchem* 5 (2020): 134–144.
M. S. Petrova, «*Ustanovleniia grammatiki Pristsiana* v russkoi obrazovatel'noi traditsii» [*Prisciani Institutiones Grammaticae* in the Russian Educational Tradition], *Quaestio Rossica* 7, no 2 (2019): 492-506. https://doi.org/10.15826/qr.2019.2.389
M. S. Petrova, «Vospriiatie latinskogo grammaticheskogo znaniia russkoi uchenost'iu v XVI veke: na primere Dmitriia Gerasimova i drugikh» [Perception of Latin Grammatical Knowledge by Russian Scholarship in the 16th Century: Dmitry Gerasimov and Others], *Dialog so vremenem* 34 (2011): 311–364.
D. B. Zakhar''in, «O nemetskom vliianii na russkuiu grammaticheskuiu mysl'» [On the German Influence on Russian Grammatical Thought], *Russian Linguistics* 15/3 (1991): 1–29.
V. M. Zhivov, «Slavianskie grammaticheskie sochineniia kak lingvisticheskii istochnik (O knige D.S. Worth. The Origins of Russian Grammar. Notes on the State of Russian Philology Before the Advent of Printed Grammars. UCLA Slavic Studies. 5 Slavica. Columbus. 1983. 176 p.)» [Slavic Grammatical Compositions as a Linguistic Source (On the Origins of Russian Grammar. Notes on the State of Russian Philology Before the Advent of Printed Grammars by Dean S. Worth. UCLA Slavic Studies. 5 Slavica. Columbus. 1983. 176 p.)], *Russian Linguistics* 10 (1986): 73–113. https://doi.org/10.1007/BF02551595

Opuscula Prima

MARTA CYUŃCZYK

GRIGORY G. GAGARIN'S 19TH-CENTURY FRESCOES AND DECORATION IN THE SIONI CATHEDRAL IN TBILISI[1]

This paper presents the 19th-century project to decorate the interior of the Sioni Cathedral interior in Tbilisi with a fresco designed by Grigory G. Gagarin. This plan was implemented in the 1850s by order of the tsarist administration of the Caucasus Viceroyalty, which was led by Mikhail Vorontsov, a leading politician of the Russian Empire during Tsar Nicholas I's reign. The project is significant for several reasons. Firstly, the Sioni Cathedral in Tbilisi is considered one of the most important temples for members of the Georgian Orthodox Church – it is where the relic of St. Nino's cross is kept, an artefact particularly revered by Georgian Christians. Secondly, the repainting of the temple was part of Tbilisi's expansion, which was part of the 19th-century tsars' policy towards the Caucasus. The main goal was to transform it from an Asian city on the outskirts of tsarist Russia into a modern European metropolis. The administration planned to make Tbilisi the most important centre in the region and one of the most important places on the Russian Empire's map. Thirdly, and perhaps most interestingly, is the style of Gagarin's project. The frescoes, referred to by the author as Neo-Byzantine, exemplify the stylistic shifts that occurred in Russian painting during the 19th century, especially in Orthodox art and its Europeanisation. With reference to the aspects mentioned above, this paper analyses the iconography of the Dogmatic, the Saints, and the Marian Cycles, but its primary focus is on the Hagiographic Cycle. This cycle was a crucial part of Gagarin's project to decorate the Sioni Cathedral's interior. He had relative freedom in choosing the iconography, which allowed him to include particular local cults. Gagarin used the figures of saints such as St. Nino, St. Ketevan the Martyr, and the Thirteen Assyrian Fathers. He also adapted specific architectural parts of the temple to present and emphasise the saints' importance to Georgians. This paper aims to place Gagarin's project in a broader historical, cultural, and religious context. It attempts to understand Gagarin's respect for Georgian traditions and cults.

Keywords: Tbilisi, Grigory G. Gagarin, Sioni Cathedral, Georgia, South Caucasus, Orthodox art, Neo-Byzantine style

Marta Cyuńczyk – PhD in Art History at University of Gdansk. E-mail: cyunczyk.marta@gmail.com. ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6807-7117

1 The project is financed by the National Science Centre (Poland). The project's number is 2019/33/N/HS2/01436.

Citation: Marta Cyuńczyk, "Grigory G. Gagarin's 19th-Century Frescoes and Decoration in the Sioni Cathedral in Tbilisi", *RussianStudiesHu* 6, no. 1 (2024): 215–235. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2024.6.p.1

DOI: 10.38210/RUSTUDH.2024.6.p.1

The Sioni Cathedral, located in Tbilisi, is one of the most important religious sites for members of the Georgian Orthodox Church. It is the resting place of St. Nino's cross[2] and the burial site for distinguished Georgians. The cathedral's construction lasted for several centuries and was finally completed in the 7th century during the reign of Adarnasius I of Iberia. However, the final form of the cathedral was not achieved until several hundred years later, during the reign of David IV the Builder at the turn of the 11th and 12th centuries.[3] It became a temple in the central plan (a Greek cross) with a conical dome on a high tholobate[4] typical of Georgian sacral medieval architecture from the 10th to the 15th centuries. The cathedral's interior plan utilises the cross-dome system, with the most significant area being the space under the dome. The arms of the cross are highly vaulted, and low rooms with a shed roof are located in the space between them.[5] However, even in the 16th and 17th centuries, the building underwent continuous reconstructions and modifications, resulting in its current form.[6]

The Sioni Cathedral, located in the heart of the historical part of Tbilisi, known as Old Tbilisi, has faced numerous invasions by neighbouring countries throughout history. The interior of the church has been plundered and destroyed many times by aggressors; for example, during the Ottoman occupation of the city in the first half of the 18th century, there was an idea of converting the temple into a mosque.[7] The cathedral suffered significant losses during the Persian attack on the city in 1795, where the interior was set on fire and destroyed. This fire destroyed the wooden gallery and iconostasis and covered the historic medieval

2 St. Nino (also Nina or Nona) – the saint patron of Georgia and a saint of the Catholic, Armenian and Orthodox churches; according to the hagiography, thanks to her, King Mirian III adopted Christianity in 337 as the state religion of the Kingdom of Iberia (also called Caucasian Iberia; at present part of Georgia), thus, Georgia became the second Christianized country in world history (after Armenia).

3 П. И. Иоселиани, *Описание древностей города Тифлис* (Тбилиси: Въ типоггафии главнаго управлении намъстника кавкаскаго, 1866).

4 The most significant examples of Georgian sacred architecture of the medieval times are Bagrat's Cathedral in Kutaisi from 1003 (Imereti region), Svetitskhoveli Cathedral in Mtskheta from 1029 (Mtskheta-Mtianeti region) and the cathedral church at the monastery in Alaverdi from approx. 1040 (Kakheti region); Shalva Amiranashvili, *Sztuka gruzińska* (Warsaw: Państwowe Wydawnictwo Naukowe 1973), 255.

5 Amiranashvili, *Sztuka gruzińska*, 255.

6 მამია დუმბაძე, *თბილისის ისტორია: 3 ტომად: ტომი 1: თბილისი უძველესი დროიდან XVIII საუკუნის ბოლომდე* (*თბილისი: მეცნიერება*, 1990), 285.

7 დუმბაძე, *თბილისის ისტორია*, 310.

frescoes with thick soot. The first attempts to renew the church's interior were made at the beginning of the 19th century.[8] However, the real turning point in the fate of the Sioni Cathedral was Grigory G. Gagarin's artistic activities in its interior in the 1850s.

The new interior decoration of the temple was one of the numerous elements of Tbilisi's modernisation policy that took place in the 19th century. With the annexation of the Kingdom of Kartli and Kakheti in 1801 to the Russian Empire[9], the tsarist administration decided to change the city's character from an Asian city on the outskirts of Russia into a European capital of the Caucasus region. As part of their urban planning efforts, architects undertook the expansion of Tbilisi beyond its historical centre and implemented measures to connect both banks of the Kura River. This policy intensified in particular from the 1840s when Mikhail Vorontsov took over the leadership of the administration of the newly created Caucasus Viceroyalty.[10] The newly built buildings running along the frontages of the broad avenues gave Tbilisi an elegant and Western European style, transformed according to the Russian perception. The city grew, and its trendy neighbourhoods attracted foreign residents.[11] The expansion of Tbilisi through the introduction of multistorey tenement houses by the tsar's administration and architects was a remarkable feat that transformed the urban landscape and improved the lives of citizens. Tsarist architects planned and designed buildings according to the most popular and fashionable style at the time in the major cities of the 19th-century Russian Empire. Initially, they were created in the spirit of Russian Neo-Classicism, while the intensification of urban development in the 1840s brought an eclectic character to the architecture of Tbilisi. During the 19th century, tenement houses in Tbilisi were designed in the Neo-Renaissance or Neo-Baroque style, featuring elements from Islamic or Gothic architecture. Later on in the city's development, Art Nouveau style buildings also started to appear.[12] The newly constructed facades of

8 Ю. Д. Анчабадзе, Н. Г. Волкова, *Старый Тбилиси: город и горожане в XIX в.* (Москва: Наука, 1990), 44.

9 Donald Rayfield, *Edge of Empires* (London: Reaktion Books Ltd., 2019).

10 Hubertus Jahn, "The Bronze Viceroy: Mikhail Vorontsov's Statue and Russian Imperial Representation in the South Caucasus in the Mid-Nineteenth Century," *Russian History* 41, no. 2 (2014): 163-188.

11 Ronald Suny, "The Mother of Cities: Tbilisi/Tiflis in the Twilight of Empire," in *City Culture and City Planning in Tbilisi: Where Europe and Asia Meet*, ed. Kristof Van Assche, Joseph Salukvadze, Nick Shavishvili (Lewiston: The Edwin Mellen Press, 2009), 17–58.

12 Maia Mania, *European Architects in Tbilisi* (Tbilisi: European Commission 2006), 9.

these tenement houses in the 19th century presented a stark contrast to the historic, low-rise residential houses of old districts like Kala or Isani, as well as the buildings around the sulphur baths of Old Tbilisi.

Thanks to the selection of Tbilisi as the capital of the Caucasus Viceroyalty and its architectural and industrial development, the city became an important centre of tsarist life in the North and South Caucasus.[13] The families of Georgian aristocracy began to stay in the city more often, something which was connected to the fact that the members of the Georgian upper class (e.g., the Orbeliani family or the Chavchavadze family) held high official and military positions in the Russian Empire. Moreover, in the 19th century, Tbilisi gained new inhabitants from other parts of the Russian Empire – Russians, Poles, and other Europeans came to the city. The tsarist administration constructed a railway connecting Tbilisi, Poti and Batumi in the second half of the 19th century,[14] significantly impacting the region's quality of life and socio-cultural development.

Several specialists from Petersburg and Moscow were sent to work in Vorontsov's administration in Tbilisi, including Prince Grigory G. Gagarin.[15]

13 Rayfield, *Edge of Empires*, 284–291.

14 Marika Pirveli, "Tbilisi – etapy urbanistycznego rozwoju miasta," *Studia Regionalne i Lokalne* 31, no. 1 (2008): 33-38.

15 Prince Grigory Grigorievich Gagarin was born on in St. Petersburg on 11th May 1810 (29th April according to the Julian calendar) into one of the most prominent families of the 19th-century Russian Empire, whose history dates back to the times of the Rurik dynasty. As the eldest son of one of the tsar's diplomats and statesman – Grigory Ivanovich Gagarin – he spent most of his youth in the Western European cities of Rome, Siena, Verona and Paris, where he was not only brought up and educated but also developed his artistic passions. The Gagarin family's diplomatic work in Rome also allowed the young prince to study with Karłł Brullov, who was staying in the Italian capital as part of a foreign scholarship from the Imperial Academy of Arts in St. Petersburg. At last, together with the entire Gagarin family, Grigory Grigorievich returned to St. Petersburg at the age of 22 (1832). There, he began working in the Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire. Apart from administrative work, Gagarin also took part in two significant foreign delegations to Istanbul and Munich, where he spent several years. It is significant, however, that along with the development of his professional career in the administration of the Russian Empire, the young prince continued to deepen his artistic talent. In 1855, after years of work in the Caucasus Viceroyalty's administration, he returned to St. Petersburg, where he was appointed vice-president of the Tsar's Academy of Fine Arts by the Grand Duchess Maria Nikolaevna. He held this position until 1872, during which time he founded the Museum of Christian Antiquities and reformed the teaching and administrative systems. However, also he was one of the professors responsible for the so-called Revolt of the Fourteen.
А. В. Корнилова, *Григорий Гагарин. От романтизма к русско-византийскому стилю* (Москва: Искусство, 2001).

After participating in the Caucasian War, the prince gained knowledge of the region's culture. In 1847,[16] he published his findings in his French-Russian language publication, "Le Caucase Pittoresque. Dessiné d'après nature par le prince Grégoire Gagarine, avec une introduction et un texte explicatif par le Cte Ernest Stackelberg"[17] In 1848, he arrived in Tbilisi,[18] where his experience led the tsarist administration to entrust him with cultural and artistic responsibilities. One of his main tasks in Vorontsov's administration in the Caucasus Viceroyalty was to create new fresco decorations for the interior of Sioni Cathedral.

On 4th October 1851, the administration of the Caucasus Viceroyalty initiated talks with the Georgian Exarchate Isidore regarding the commissioning of new frescoes for the revered Sioni Cathedral. However, work on the design of the new decoration of the interior lasted probably until 20th March 1852 because at that time tsarist officials, on behalf of Vorontsov, asked the Georgian Exarch to write appropriate letters to the Holy Synod in St. Petersburg requesting permission to begin work inside the cathedral in Tbilisi.[19] In the same year, on 10th June, Gagarin began his artistic activities, and artists were hired from the region and beyond it by the tsarist administration to assist with his work on Sioni's interior, e.g., Greek artists who lived in Tbilisi were responsible for removing the plaster from the temple's interior walls, while artists from the Imperial Academy of Arts in St. Petersburg were responsible for the later stages of work. Moreover, at Gagarin's request, the tsarist administration in Tbilisi ordered gold leaf from Moscow for 400 rubles (in silver), which the prince used for the new interior decoration of the temple.[20] Two years later, on 4th October 1853, at Gagarin's urging, the committee responsible for supervising the process of creating new decorations in the interior of the Sioni Cathedral interior sent a letter requesting the payment of an

16 Grigoriy Gagarin, *Le Caucase pittoresque* (Paris: Plon Frères, 1847).

17 The publication "Le Caucase pittoresque. Dessine d'après nature Gregoire Gagarine, avec une introduction et texte explicatif Ernest Stackelberg") was published in Paris in 1848 by the Plon Frères publishing house. The illustrative part contains 80 lithographs depicting genre scenes, landscapes, costumes, monuments of architecture and art. The text part, on the other hand, discusses and explains ethnographic, geographical and social issues.

18 Корнилова, *Григорий Гагарин*, 154.

19 National Archives of Georgia (hereinafter NAG), Central Historical Archive (hereinafter CHA), inv. no. 488, sign. 16009, 1–2, 13–14.

20 NAG, CHA, inv. no. 488, sign. 16009, 17–18, 21, 68.

additional 1,600 rubles (in silver) for the continuation of his works in the temple – a request that was granted.[21]

Additionally, the committee's notes reveal that the prince decided to dismantle the triforium, which was installed in the temple following the Persian invasion of 1795, leaving the north wall bare.[22] Gagarin also came up with a proposal to replace the iconostasis, which, like the triforium, was installed in the temple at the beginning of the 19th century and replace it with an object that the prince would design. Grigory Grigorievich argued that the wooden iconostasis, decorated with arabesques, did not match the Neo-Byzantine style of his frescoes inside the Cathedral.[23] Thus, he proposed creating a new, single-row iconostasis made of plaster and alabaster with silver ornamentation. Gagarin justified his choice of form by referring to the architectural tradition of early Christian temples. Additionally, the design of the new iconostasis included two additional vestibules on both sides (north and south).[24] The cost of realising the iconostasis was estimated at a total of 3,200 or 4,000 rubles (in silver) depending on whether the building of the side vestibules was approved. The additional elements of the iconostasis were not approved, however, and the final cost of the new iconostasis came to 3,200 rubles (in silver).[25]

Gagarin based his design for the new interior decoration of the Sioni Cathedral on a canonical descending hierarchy.[26] One can easily spot the

21 NAG, CHA, inv. no. 488, sign. 16009, 127.

22 NAG, CHA, inv. no. 488, sign. 16009, 36.

23 In archival documents, Gagarin uses the term "Byzantine style," consistent with the narrative about the architecture of the Russian Empire of the time. Currently, architectural methodology refers to this stylistic variant as the Neo-Byzantine style. It should also be remembered that in the 19th century several varieties of national architectural styles developed, which, depending on the rule of individual tsars, were used in official state policy. Thus, chronologically, one should mention the Russian-Byzantine style, e.g., The Cathedral of Christ the Saviour in Moscow designed by Konstantin Thon – a style dominant during the reign of Tsar Nicholas I; the Neo-Byzantine style, e.g., The Cathedral of St. Volodymyr in Kyiv designed by Alexander Beretti dominant during the reign of Tsar Alexander II; and the Neo-Russian style, e.g., The Church of the Saviour on the Spilled Blood designed by Alfred Parland, dominant during the reign of Tsar Alexander III and Nicholas II. Evgenia Kirichenko, *The Russian Style* (London: Lawrence King, 1991).

24 NAG, CHA, inv. no. 488, sign. 16009, 66, 68.

25 NAG, CHA, inv. no. 488, sign. 16009, 79.

26 Constantine Cavarnos, *Orthodox Iconography* (Belmont: The Institute for Byzantine and Modern Greek Studies, 1977); Constantine Cavarnos, *Guide to Byzantine Iconography* (Belmont: The Institute for Byzantine and Modern Greek Studies, 1993); Gheorghe Gîrbea, "The iconographic canon of Orthodox churches: History, Evolution, Symbolism," *International E-Journal of Advances in Social Sciences* 5, no. 14 (2019): 779-789; Elena Draghici-Vasilescu, "Development of Eastern Christian Iconography," *Transfor-*

Dogmatic Cycle, the Saints and Marian cycles, and the Hagiographic Cycle on the temple walls. According to the canon, the first of the mentioned cycles (the Dogmatic Cycle) is located in the highest storey of the temple with an image of Christ Pantocrator in the dome and the Virgin Mary in the apse. Moreover, the dome's pendentives are dedicated to depicting the choirs of angels, the images of the four evangelists during work at the lectern and their attributes. Gagarin's project is fully adapting the rules of descending hierarchy, as a consequence of which, the dome of the temple is covered with the fresco with Christ Pantocrator in blue and red robes, and also with images of angels and the four evangelists: St. Luke with an ox and St. Matthew with a man (on the north side), St. John with an eagle and St. Mark with a lion (on the south side).

Below, Gagarin used rich floral and geometric patterns to decorate the vault of the presbytery, which he also adorned with gold. He also added architectural elements to the design, including a colonnade with arcaded arches, creating a trompe-l'œil style effect of infinite space above it. Under each arch of the colonnade, the prince planned full-figure representations of the apostles, framing the image of the enthroned Christ, which was located on the central axis. Additionally, Gagarin placed a trompe-l'œil style balustrade above the colonnade, behind which appeared an image of a heavenly garden. In this garden, he positioned a Maestà-type image of the enthroned Virgin Mary, together with Archangels Michael and Gabriel and the Old Testament prophets and patriarchs Moses, Aaron, Abraham, and King David (on the north side), along with Isaiah, Ezekiel, Daniel, and Jacob (on the south side). Gagarin used the architectural structure of the temple to showcase images of the Virgin Mary, the archangels, King David, and Jacob in the presbytery's conch. By doing so, he separated these images from the line of other Old Testament figures, which can be interpreted as Gagarin's artistic tribute to the Georgian nation – King David of the Old Testament was traditionally considered the ancestor of the Georgian royal family, the Bagrationi. Additionally, the figure of Jacob as an Old Testament patriarch, can be perceived as the progenitor of the Israelites and humanity. Moreover, a painting imitating a dark blue, starry sky covered part of the temple vault, which creates a beautiful contrast with the gold used by Gagarin to decorate the presbytery's surface by Gagarin.

---

mation 27, no. 3 (2010): 169-185; И. В. Шахова, «Специфика церковной живописи XIX - начала XX вв», *Вестник славянских культур* 40, no. 2 (2016): 225-232.

When it comes to the Hagiographic Cycle, there is noticeable freedom in selecting images of the saints and the blessed, which largely depends on regional and local cults. In his design for the new interior decoration of the Sioni Cathedral in Tbilisi, Gagarin created a pantheon of saints whom Georgians especially revere because they influenced the fate of Christianity in the region. The prince decided to cover the surface of the four main pillars under the giant dome with full-figure images of saints and martyrs whom members of the Georgian Orthodox Church endowed with particular faith. Next to the temple's iconostasis, on the north side, Gagarin put the image of St. Nino, and on the south side, St. Ketevan the Martyr.[27] On the opposite side are figures of two East Georgian martyrs – St. Luarsab II the Martyr[28] (on the north side) together with St. Archil the Martyr[29] (on the south side). Gagarin also decided to decorate two other pillars at the junction of the space under the dome and the central nave. For this, he used images of St. George (on the north) and St. Alexandra of Rome the Martyr (on the south). Moreover, as part of his project, Grigory Grigorievich also adapted the surface of the pillars' architraves next to the main temple's nave. There, Gagarin placed four tondos with the busts of St. Hope and St. Faith (on the north side) and the images of St. Charity together with St. Sophia (on the south side).

Furthermore, Gagarin had envisioned adorning the rib vaulting of the Sioni Cathedral with tondos depicting the Thirteen Assyrian Fathers. These saints played a pivotal role in initiating monasticism in the regions of the early medieval Kingdom of Iberia, also referred to as Caucasian Iberia.[30] Looking at the rib vault above the central nave, we can find images of (starting from the north to the south): St. Abibos of Nekresi, St. Joseph of Alaverdi, St. Stephen of Khirsa, St. Zenon of Ikalto and St. Anton of Martkopi. Similarly to the mentioned rib vault, the vaulting located above the transept is also decorated with portraits of saints: St. Jesse of Tsilkani, St. Shio of Mgvime, St. David of Gareja and St. John of Zedazeni

27 St. Ketevan the Martyr (c. 1565-1624) – a queen consort of Kakheti, a kingdom in eastern Georgia, from the Bagrationi dynasty. She was a saint and the great martyr of the Georgian Orthodox Church, which canonised her in the 17th century.

28 St. Luarsab II the Martyr (1592-1622) – a king of Kartli, a kingdom in eastern Georgia, from the Bagrationi dynasty. A saint and martyr of the Georgian Orthodox Church.

29 St. Archil the Martyr (8th c.) – a prince of Kakheti, a kingdom in eastern Georgia. A saint and martyr of the Georgian Orthodox Church.

30 The Kingdom of Iberia (also called Caucasian Iberia) was a state existing in eastern Georgia between the 5th and the 6th centuries B.C. During Classical Antiquity and the Early Middle Ages, it was a significant monarchy in the Caucasus region.

(on the north side), together with: St. Michael of Ulumbo, St. Pyrrhus of Breti, St. Thaddeus of Stepantsminda and St. Isidor of Samtavisi (on the south side).

As part of his project, Gagarin placed images of St. Nino and St. Ketevan the Martyr on the most exposed pillars, flanking the iconostasis. The location of the representations of these saints and their selection can be interpreted as Grigory Grigorievich's homage to the Georgian Christian tradition. St. Nino, widely recognised as the patroness of Georgia, is also seen as the progenitor of the Christianization of Caucasian Iberia during the rule of King Mirian III in the 4th century.[31] Moreover, her characteristic attribute – a cross whose falling beams are tied with a strand of the saint's hair, has become Georgia's national symbol. Regarding the image of St. Ketevan the Martyr, it is crucial to understand that her depiction embodies Georgian resistance against the violent Persian invasions. St. Ketevan hailed from the Bagrationi dynasty and ruled Kakheti during the 16th and 17th centuries. After ten years of captivity with Shah Abbas I (called the Great), she rejected the demands of the Persian ruler that she abandon the Christian faith and convert to Islam. This resulted in her martyrdom.[32] It is important, therefore, to understand the message conveyed by the placement of the images of both saints in Gagarin's project. The temple was planned so that as the faithful entered Sioni Cathedral, the first thing they saw would be St. Nino and St. Ketevan the Martyr, whose full-figure images form an iconographic whole with the depiction of the enthroned Mother of God surrounded by angels and King David and Jacob located in the presbytery. Thus, the correlation between the saints not only indicates that both women followed the path marked out by the Virgin Mary but also their connection with King David, who, as already mentioned above, is traditionally considered to be the progenitor of the Bagratids and St. Ketevan the Martyr, a member, therefore, of this royal family.

Furthermore, the images of St. Luarsab the Martyr and St. Archil the Martyr, which Gagarin's project placed on opposite pillars to St. Nino and St. Ketevan the Martyr, have a symbolic meaning not only in terms of nationality but also in connection with the centuries-long attempts to repel neighbouring invaders. Understanding the symbolic meaning behind

31 Jarosław Charkiewicz, *Gruzińscy święci* (Warsaw: Warszawska Metropolia Prawosławna, 2015), 9-19.

32 Ibid., 127–131.

using the image of St. Archil in Gagarin's project is essential. It should be noted that St. Archil is considered to be the ancestor of King Mirian III, the first Christian ruler of the Kingdom of Iberia. St. Archil died a martyr's death during the Arab occupation of the Kartli and Kakheti territories in the 8th century.[33] A similar fate befell St. Luarsab the Martyr, who ruled the Kingdom of Kartia in the 17th century as that of King Luarsab II from the Bagrationi dynasty. As a result of the Persian invasion of his kingdom, he was taken captive by Shah Abbas I (called the Great) and spent seven years being held in Persia. Similarly to St. Ketevan the Martyr, the Kartlian ruler rejected the demands of Shah Abbas I (the Great) that he convert to Islam through him, and he died a martyr.[34] More importantly, however, Georgian theologians see an almost identical similarity in the fate of both martyr-kings in terms of their sacrifice for the Christian faith. Moreover, their images very often appear together not only in fresco paintings but also in icon art. Due to the decision of the Georgian Orthodox Church, the feast day of both martyrs, St. Luarsab the Martyr and St. Archil the Martyr, falls on the same day in the liturgical year.

The symbolism of placing the images of holy rulers in the temple is worth noticing. The images situated in the higher storeys of the building – Christ Pantocrator and the enthroned Virgin Mary, together with angels and Old Testament prophets – represent the heavenly world and embody the promise of eternal life after death. At the same time, the holy rulers are a bridge between the sacred and the profane. Their images have been elevated to tower over the members of the Orthodox community visiting the temple.[35] However, at the same time, Gagarin did not place them in the highest architectural storey of the building. It is also significant that the rulers depicted were martyrs who gave their lives for their faith while they were put to the test and tortured to abandon Christianity for Islam. Their images can be treated as a visual representation of fulfilled prayers and the salvation of their souls. As a group, St. Ketevan the Martyr, St. Luarsab the Martyr, St. Archil the Martyr and St. Nino can be understood to represent not only the rulers but also the Georgian nation, along with the saints who were responsible for the Christianization of their homeland. Thus, the faithful of the Georgian Orthodox Church who gathered in the

33 Ibid., 63–65.

34 Ibid., 123–126.

35 Antony Eastmond, *Royal Imagery in Medieval Georgia* (University Park, PA: The Pennsylvania State University, 1998), 200.

temple saw not only their canonised historical rulers but also the saints who led their nation out of paganism. This is essential because the role of Christianity in shaping Georgian national identity and nationalism has been significant and has continued to endure since the 19th century.[36]

Gagarin's new fresco decoration of the Sioni Cathedral's interior, as already mentioned, also included structural elements: pillars and their archivolts located in the central nave of the temple. Grigory Grigorievich placed images of St. George and St. Alexandra of Rome, the Martyr, on the surfaces of the two pillars. Both full-figure representations are located at the same height as the other saints described earlier – St. Nino, St. Ketevan the Martyr, St. Luarsab the Martyr and St. Archil the Martyr. In order to comprehend the symbolism of St. George in Gagarin's project, it is important to acknowledge that the saint is not only traditionally canonised as a relative of St. Nino (who, according to tradition, was his cousin) but is also regarded as the patron saint of Georgia. Moreover, it is not surprising that St. George's image is positioned opposite that of St. Alexandra of Rome the Martyr, as her conversion to Christianity was strongly influenced by his missionary work. Next to images of St. George and St. Alexandra of Rome the Martyr, Gagarin put tondos with portraits of St. Sophia of Rome with her three daughters: the Saints Faith, Hope and Charity. The prince's choice of these particular saints and their location can be interpreted as a wish to create a transition between the central nave space – where he located the personifications of universal and fundamental Christian virtues – and the space under the temple's dome, where he located the figures of the essential Georgian saints who are particularly worshipped by members of the Georgian Orthodox Church. Furthermore, St. George – a great martyr and a knight who defeated even the dragon – and St. Alexandra of Rome the Martyr his devoted disciple with unwavering faith in Christ, represent this symbolic transition.

The new frescoes in the interior of Sioni Cathedral also used images of the Thirteen Assyrian Fathers, who significantly influenced the development of the Christian faith in the Caucasian territories. They came to the Kingdom of Iberia in the 6th century, and their missionary activity contributed to the inhabitants of the early medieval cradle of Georgia abandoning the cult of fire and replacing it with monasticism.

36 Stephen Jones, "Georgia – A Political History Since Independence" in *After Independence: Making and Protecting the Nation in Postcolonial and Postcommunist States*, ed. Lowell Barrington (Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006), 248-276.

One surprising fact is that Grigory Grigorievich placed the image of St. Stephen of Khirsa in the central position, at the main point of the ribbed vaulting above the temple's central nave. Gagarin's choice is astonishing, even though Christian hagiography calls the saint "the culmination of strength and knowledge,"[37] because this would seem a more suitable location for the portrait of St. John of Zedazeni, who was considered the spiritual leader and teacher of the other Assyrian monastic missionaries.

An analysis of Gagarin's new interior decoration project for the Sioni Cathedral yields three strongly noticeable issues. Firstly, the style in which Gagarin created the new frescoes – the green and blue paintings contrast with golden decorative motifs together with floral and geometric ornaments. In his notes and letters, the prince emphasised that his primary aim behind the creation of the project was to design a structure in the spirit of Neo-Byzantinism (referred to as "Byzantinism" in his surviving correspondence). Additionally, 19th-century residents of Tbilisi who had the opportunity to admire the finished temple also noted the "ascetic spirit of the Byzantine style" in his design of the temple's interior.[38] However, looking at the decoration of the interior of the Sioni Cathedral, it should be said that Grigory Grigorievich created the frescoes in the Western European style and was influenced not only Byzantine art, taking decorative motifs from the Byzantine Empire's architecture, e.g., horseshoe arches, but also Gothic styles, e.g., imitating medieval floral finials. Moreover, the decorative elements utilized by Gagarin in his project were derived from Medieval Georgian art, which was classified as a subdivision of Byzantine art in the 19th century. The prince employed different types of braids that can be found in adornments on the walls of medieval religious structures, including the external facades. As a result, the Sioni Cathedral's interior decoration by Gagarin is a complex example of the mutual penetration of Western European and so-called Oriental art in the 19th century. Grigory Grigorievich's passion for European art is, above all, visible in the style of the saints' figures, for which the main factor was Renaissance Italian art. However, Gagarin was not the only artist to be strongly influenced by this artistic period. The educational system of the Imperial Academy of Arts in St. Petersburg, where the most

37 Charkiewicz, *Gruzińscy święci*, 40–41.

38 Tamar Khosroshvili, "Zwizualizowany imperializm i narodowa identyfikacja. Kilka przykładów kościelnego malarstwa w Gruzji od 1801 do 1918 roku," *Przegląd Nauk Historycznych* 18, no. 2 (2019): 250–251.

talented students could gain scholarships, allowed them to spend time in Italy (mainly Rome) for their artistic research abroad. Also, thanks to this, they were able to interact directly with key artworks by the most significant Renaissance artists – Raphael's work was especially admired by members of the artistic community of the Russian Empire. This had a critical influence on Russian art in the 19th century. especially religious art, which began to be Europeanized after the reforms of Peter the Great, including, e.g., the closure of the icon art workshop operating within the Kremlin Armoury (Oruzheynaya palata).[39] While creating the Sioni Cathedral's new decoration, Gagarin used linear perspective and the play of light, both elements unfamiliar to Orthodox art before the reforms of Peter the Great. However, the prince did not wholly follow the trends dominant in Russian religious art of that era – he used identifying inscriptions of the saints (which he made using the Early Cyrillic alphabet) and the traditional gold colour.

Secondly, while analysing Gagarin's decoration of the Sioni Cathedral, another issue also appears, that of the rich Georgian heritage and culture. It can be said that Grigory Grigorievich tried to create a space where the inhabitants of Tbilisi would feel respect for local cults and traditions. The prince created a real pantheon of saints endowed with a particular faith and love by the members of the Georgian Orthodox Church, e.g., St. Nino, St. Luarsab II the Martyr or Thirteen Assyrian Fathers. Gagarin supplemented their images with scenes from the life of Mary the Virgin and Christ, obligatory for every Orthodox temple's interior, and with saints' figures from the Dogmatic Cycle, together with universal Christian iconography like the portraits of St. Sophia and her daughters – the Saints Faith, Hope and Charity. Furthermore, not only is the iconography of the hagiographic cycle evidence of Gagarin's respect for the traditions and heritage of the region, his placing of the figure of King David on the right side of the enthroned Mary the Virgin in the Dogmatic Cycle is a symbolic reference to the history of Georgia and its royal family – the Bagrationi dynasty. It is also worth noting that Gagarin dressed all the saints' figures Gagarin in historical costumes, which he made appropriate for the era in which each individual lived. Thus, he portrayed St. Nino in a simple, light beige gown, St. George in the armour of a Roman legionary, and St. Ketevan the Martyr in a royal costume from the 17th century. As mentioned above,

39 Barbara Dąb-Kalinowska, "Rosyjskie malarstwo religijne w XIX wieku", *Artium Quaestiones*, no. 3 (1986): 87–91.

Gagarin also used ornaments and decorative motifs characteristic of the region. These elements are connected with Georgian national identity and heritage. Georgian artists had used these to decorate religious buildings (their interiors and exteriors) since early medieval times. Arts like stone sculpture, manuscripts or goldsmithing were also important. Moreover, the richness of Georgian ornaments was already being studied by art historians of the 19th century such as Nikodim Kondakov, and at the beginning of the 20th century, such as Jurgis Baltrušaitis.[40]

Thirdly, Gagarin's replacement of the iconostasis in the Sioni Cathedral should also be considered as part of the prince's desire to complete the work entrusted to him as best as possible. Surviving archives about the works in the temple show that in deciding to introduce this new artefact Gagarin aimed to create a better aesthetic coherence with his Neo-Byzantine-style frescos. It must be admitted that the iconostasis from the 19th century, inspired by early Christian art, does form a coherent whole with these frescoes. Unfortunately, sketches or designs of the earlier iconostasis from the beginning of the 19th century have not survived. According to archival notes from the 1850s, the Sioni Cathedral housed a wooden iconostasis decorated with intricate arabesque patterns. This information is valuable for anyone seeking to understand the history of the cathedral and its furnishings.[41]

Although Gagarin carried out work inside the Sioni Cathedral in Tbilisi on behalf of the tsarist administration of the Caucasus Viceroyalty, it can be said that during his activities, he tried to respect the heritage of the region: its art, architecture and traditions, which he had already explored. Grigory Grigorievich's solid knowledge of this subject is evidenced by his aforementioned publication "Le Caucase pittoresque," published in 1847. Furthermore, Gagarin also published several other publications about the Caucasus region, e.g., the French language "Scènes paysages, moeurs et costumes du Caucase" (1850), and two Russian language works published already after the prince's return to St. Petersburg "Памятники древней письменности и искусства. Происхождение пятиглавых церквей" [Pamyatniki drevney pis'mennosti i iskusstva. Proiskhozhdeniye pyatiglavykh tserkvey] (1881) together with "Собрание византийских, грузинских и древнерусских орнаментов и памятников архитектуры" [Sobraniye vizantiyskikh, gruzinskikh i drevnerusskikh ornamentov

40 Marina Tevzaia, *Georgian Ornament* (Lublin: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2018).
41 NAG, CHA, inv. No. 488, sign. 16009, 78.

i pamyatnikov arkhitektury] (1897). The books comprising this collection showcase the cultural heritage of the Caucasus region through an array of graphic illustrations augmented by descriptions and explanatory text. These publications offer an unparalleled insight into the multifaceted nature of the region's cultural legacy, providing a captivating visual window into the richness of its historical and artistic heritage.

The decision to commission new frescoes for the temple was unrelated to any desire to commemorate a significant political event in the Russian Empire's history in this region, unlike the construction of the Alexander Nevsky Cathedral in Tbilisi (in the second half of the 19th century), which was intended as a "thanksgiving" gift for the Russian victory in the Caucasian War. The tsarist administration of the Caucasus Viceroyalty ordered Gagarin to design new frescoes for the Sioni Cathedral because of the poor condition of the building, which was the consequence of setting fire to its interior in 1795 during the Persian attack on Tbilisi. Furthermore, Gagarin's design played an important role in transforming Tbilisi from an Asian city on the outskirts of Tsarist Russia into the most important city of the Caucasus Viceroyalty and one of the most significant in the Russian Empire. The tsarist authorities allocated appropriate funds to carry out activities which, as understood at the time, were to be of a conservatory nature, and the issue of the new interior of the Sioni Cathedral, to be designed by a Russian, was so crucial in the tsarist policy in the Caucasus that there is evidence in the archives that the progress of Grigory Grigorievich's work was discussed even with members of the Romanov family.

Interestingly, Georgians also referred to Gagarin's artwork in the Sioni Cathedral with undisguised satisfaction, as exemplified by the comment of the 19th-century Georgian historian Platon Ioseliani: "Prince Gagarin, who took upon himself the enormous effort of renovating the interior of the Cathedral [...]. Combining the knowledge of a painter, an architect and a connoisseur of ornaments, he carefully studied all branches of art, science and visual studies. The ancient temples, with which the Caucasus abounds, were an opportunity for constant reflection, mathematical conclusions, and tireless improvement for the zealous artist so that his well-known talent only fully developed, consolidated and took its present form here [...]. Prince Gagarin's talent requires space [...]. He creates monumental buildings and combines painting with architecture on a grand, majestic scale".[42]

42 Иоселиани, *Описание древностей города Тифлис*, 103.

Gagarin's use of the neo-Byzantine style in the design of the new temple decoration can be justified, among others, by the prince's knowledge of the heritage of the region – especially the South Caucasus, which was shaped under the strong influence of Byzantine culture, but also the political situation. Numerous monuments of medieval art in which the region abounds, e.g., the mosaics in the Jvari monastery (6th century), the gospel from the Gelati monastery (12th century), or frescoes from the church of St. George in the Ubisi Monastery (14th century) show the interpenetration of Byzantine and Caucasian cultures and also reflect the heritage of the region. Gagarin must have been aware of how important the heritage of the Byzantine Empire was, not only among the region's inhabitants but also among the Russians, and that it is an element connecting both cultural circles.

Therefore, Gagarin's project to design the Sioni Cathedral's new interior decoration should be considered in terms of the internal policy of the Caucasus Viceroyalty and the tsars' international policy, together with the creation of the image of their empire. A watershed in the iconography used by the tsarist's administration is the coronation of Tsar Alexander II[43] in 1856 and its commemorative visual publications. This ceremony occurred several years after Gagarin's activities in the Sioni Cathedral (and generally in the Caucasus region). However, the fact that the prince acted on Vorontsov's instructions is crucial. Mikhail Semyonovich, as commander-in-chief and viceroy of the Caucasus, was famous for his progressive, liberal policies.[44] Because of this, Grigory Grigorievich's project can be assumed to reflect Vorontsov's attitude towards the region, which during his rule developed significantly in economic and social terms[45] – including the new-European character of Tbilisi. What is more, at that time, representatives of the region's elite cooperated with the tsarist administration of the Viceroyalty of the Caucasus – among them Georgians, e.g,. Grigol Orbeliani, and Armenians, e.g., the Catholicos of the Armenian Apostolic Church – Nerses V.[46]

43 Richard Wortman, "Vignettes of Empire: 'Asiatic Peoples' at Nineteenth-Century Imperial Russian Coronations," in *Picturing Russian Empire*, ed. Valerie Kivelson, Sergei Kozlov, Joan Neuberger (New York: Oxford University Press, 2023), 171–178.

44 Rayfield, *Edge of Empires*, 284–291.

45 Suny, *The Making of the Georgian Nation* (Bloomington, IN: Indiana University Press, 1994), 63-95.

46 Ф. М. Кулиев, «Религия и власть в России: Роль Наместника Кавказа М. С. Воронцова в реализации религиозной политики Российской Империи на Кавказе в середине XIX в.», *Вестник Экспертного Совета*, no. 1 (2022): 105–109.

Under the rule of the tsars, the Russian Empire was a diverse nation in terms of ethnicity, culture, and religion. This diversity was also reflected in the official expeditions of the Romanovs to the Caucasus region, which took place during the reigns of Nicholas I, Alexander II, Alexander III, and Nicholas II. These expeditions covered both the northern and southern areas of the region.[47] Thus, depending on the ruler and his policy, the attitude of 'the ruler of all Russians' like, e.g., Alexander II or the autocratic 'old-Russian tsar' like, e.g. Alexander III, was represented.[48] Moreover, as early as the beginning of the 18th century the Russian elite had a strong sense of being the bearer and representative of European culture in Asia. This idea was almost messianic and gained particular notoriety in the early 19th century It escalated in the 1840s when the belief that the Russians were to carry out a special mission to Europeanize Asia began to take effect.[49] Also, gaining strength at that time was the conviction about the anointing of the Russian Empire as a state whose aim was to play a unique role in the European and world political arena, as well as the idea of the Romanovs as protectors of all Orthodox nations – the institution of the Orthodox Church became the main bridge between the tsar and his subjects. This resulted from the Russian image of its nation as a possessor of extraordinary virtues that would testify to its uniqueness and superiority against other European nations – similar messianic beliefs are also noticeable in French and Polish social movements of that time. However, in 19th-century Russia, this concept had a robust reception.[50]

47 Hubertus Jahn, "Visits of tsars to the Caucasus as Representations of Empire", in *Identities and Representations in Georgia from the 19th Century to the Present*, ed. Hubertus Jahn (Oldenbourg: De Gruyter, 2021), 169–184.

48 Endre Sashalmi, "Façades of a Multi-Ethnic Empire Presenting and Publicizing the Coronation of the 'All-Russian Emperor,' Alexander III (1883)", in *Inter-Ethnic Relations and the Functioning of Multi-Ethnic Societies: Cohesion in Multi-Ethnic Societies in Europe from c. 1000 to the Present*, ed. Przemysław Wiszewski (Turnhout: Brepols Publishers, 2022), 321–338.

49 Vera Tolz, *Russia's Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods* (New York: Oxford University Press, 2011), 26–31.

50 Mark Bassin, *Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865* (Cambridge: Cambridge University Press, 1999), 37–68.

Illustration 1. General Research Division, The New York Public Library. "*Stennaia zhivopis' v Sionskom sobore, v Tiflise, ispolnennaia v 1853–1854 g. Poperechnyi razrez sobora*" New York Public Library Digital Collections. Accessed May 2, 2024. https://digitalcollections.nypl.org/items/510d47de-7b0c-a3d9-e040-e00a18064a99

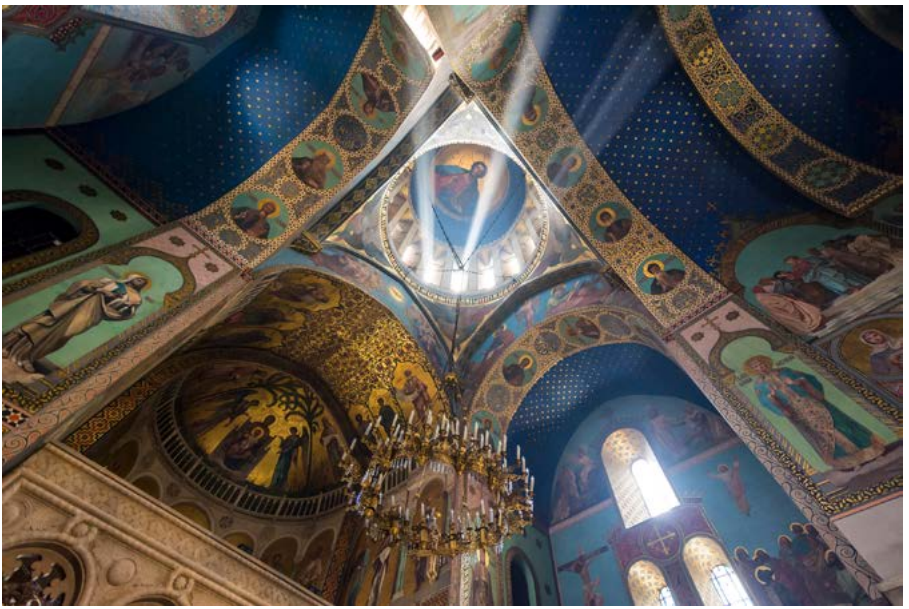

Illustration 2. *Interior of the Sioni Cathedral in Tbilisi;* Wikimedia Commons https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Sioni_Cathedral_Tbilisi.jpg#file

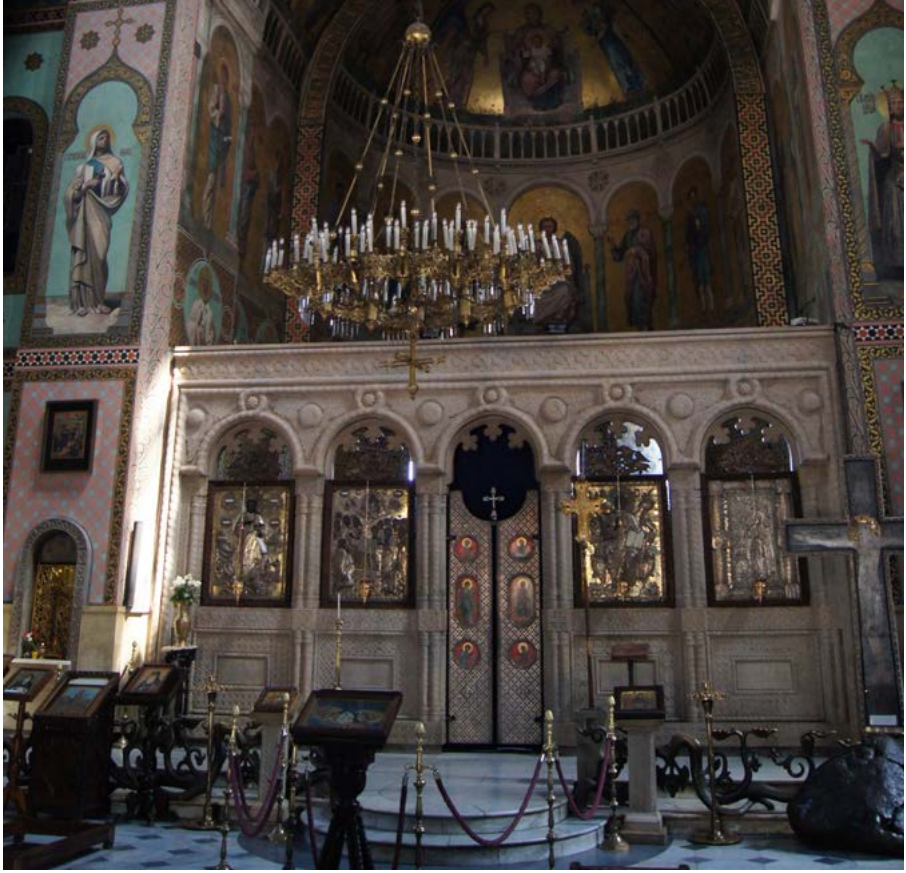

Illustration 3. *Iconostasis of the Sioni Cathedral in Tbilisi;* Marta Cyuńczyk's archival collection

Illustration 4. General Research Division, The New York Public Library. *"Stennaia zhivopis' v Sionskom sobore, v Tiflise, ispolnennaia v 1853–1854 g. Poperechnyi razrez sobora"* New York Public Library Digital Collections. Accessed May 2, 2024. https://digitalcollections.nypl.org/items/510d47de-7b0b-a3d9-e040-e00a18064a99

References

Shalva Amiranashvili, *Sztuka gruzińska* [Georgian Art] (Warsaw: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1973).
Y. D. Anchabadze, N. G. Volkova, *Staryi Tbilisi: gorod i gorozhane v XIX v.* [Old Tbilisi: City and Citizens in the 19th Century] (Moscow: Nauka, 1990).
Mark Bassin, *Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865* (Cambridge: Cambridge University Press, 1999). https://doi.org/10.1017/CBO9780511493638
Constantine Cavarnos, *Guide to Byzantine Iconography* (Belmont: The Institute for Byzantine and Modern Greek Studies, 1993).
Constantine Cavarnos, *Orthodox Iconography* (Belmont: The Institute for Byzantine and Modern Greek Studies, 1977).
Jarosław Charkiewicz, *Gruzińscy święci* [The Georgian Saints] (Warsaw: Warszawska Metropolia Prawosławna, 2015).
B. Dąb-Kalinowska, "Rosyjskie malarstwo religijne w XIX wieku," [Russian Religious Painting in the 19th Century], *Artium Quaestiones*, no. 3 (1986): 87–91.
Elena Draghici-Vasilescu, "Development of Eastern Christian Iconography," *Transformation* 27, no. 3 (2010): 169-185. https://doi.org/10.1177/0265378810370303
M. Dumbadze, *Tbilisis ist'oria: 3 t'omad: t'omi 1: Tbilisi udzvelesi droidan XVIII sauk'unis bolomde* [A History of Tbilisi in 3 Volumes: Volume 1: Tbilisi from Ancient Times to the End of the 18th Century] (Tbilisi: Metsniereba, 1990).
Antony Eastmond, *Royal Imagery in Medieval Georgia* (University Park, PA: The Pennsylvania State University, 1998).
Grigoriy Gagarin, *Le Caucase pittoresque* [The Picturesque Caucasus] (Paris: Plon Frères, 1847).
Gheorghe Gîrbea, "The Iconographic Canon of Orthodox Churches: History, Evolution, Symbolism," *International E-Journal of Advances in Social Sciences* 5, no. 14 (2019): 779-789. https://doi.org/10.18769/ijasos.592292
P. I. Ioseliani, *Opisanie drevnostei goroda Tiflis* [A Description of the Antiquities of Tifilis City] (Tbilisi: V" tipoggafii glavnago upravlenii nam"stnika kavkaskogo, 1866).
Hubertus Jahn, "The Bronze Viceroy: Mikhail Vorontsov's Statue and Russian Imperial Representation in the South Caucasus in the Mid-Nineteenth Century," *Russian History* 41, no. 2 (2014): 163-188. https://doi.org/10.1163/18763316-04102004
Hubertus Jahn (ed.), "Visits of Tsars to the Caucasus as Representations of Empire," in *Identities and Representations in Georgia from the 19th Century to the Present* (Oldenbourg: De Gruyter, 2021), 169–184. https://doi.org/10.1515/9783110663600-013
Stephen Jones (ed.), "Georgia – A Political History Since Independence," in *After Independence: Making and Protecting the Nation in Postcolonial and Postcommunist States* (Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006), 248-276.
Tamar Khosroshvili, "Zwizualizowany imperializm i narodowa identyfikacja. Kilka przykładów kościelnego malarstwa w Gruzji od 1801 do 1918 roku" [Visualized Imperialism and National Identification: Some Examples of Church Painting in Georgia from 1801 to 1918], *Przegląd Nauk Historycznych* 18, no. 2 (2019): 250–251. https://doi.org/10.18778/1644-857x.18.02.11

E. Kirichenko, *The Russian Style* (London: Lawrence King, 1991).
A. V. Kornilova, *Grigorii Gagarin. Ot romantizma k russko-vizantiiskomu stiliu* [Grigory Gagarin : From Romanticism to the Russian-Byzantine Style] (Moscow: Iskusstvo, 2001).
F. M. Kuliev, "Religiia i vlast' v Rossii: Rol' Namestnika Kavkaza M.S. Vorontsova v realizatsii religioznoi politiki Rossiiskoi Imperii na Kavkaze v seredine XIX v." [Religion and Power in Russia: The Role of the Viceroy of the Caucasus M.S. Vorontsov in the Implementation of the Religious Policy of the Russian Empire in the Caucasus in the Middle of the 19th Century], *Vestnik Ekspertnogo Soveta*, no. 1 (2022): 105–109.
Maia Mania, *European Architects in Tbilisi* (Tbilisi: European Commission, 2006).
Marika Pirveli, "Tbilisi – etapy urbanistycznego rozwoju miasta" [Tbilisi – Stages of Urban Development of the City], *Studia Regionalne i Lokalne* 31, no. 1 (2008): 33-38.
Donald Rayfield, *Edge of Empires* (London: Reaktion Books Ltd., 2019).
Endre Sashalmi (ed.), "Façades of a Multi-Ethnic Empire Presenting and Publicizing the Coronation of the 'All-Russian Emperor,' Alexander III (1883)," in *Inter-Ethnic Relations and the Functioning of Multi-Ethnic Societies: Cohesion in Multi-Ethnic Societies in Europe from c. 1000 to the Present* (Turnhout: Brepols Publishers, 2022), 321–338. https://doi.org/10.1484/M.EER-EB.5.132158
I. V. Shakhova, "Spetsifika tserkovnoi zhivopisi XIX – nachala XX vv" [Specifics of Church Painting of the 19th – Early 20th Centuries], *Vestnik slavianskikh kul'tur* 40, no. 2 (2016): 225-232.
Ronald Suny, *The Making of the Georgian Nation* (Bloomington, IN: Indiana University Press, 1994).
Ronald Suny (ed.), "The Mother of Cities. Tbilisi/Tiflis in the Twilight of Empire," in *City Culture and City Planning in Tbilisi: Where Europe and Asia Meet*, (Lewiston: The Edwin Mellen Press, 2009), 17–58.
Marina Tevzaia, *Georgian Ornament* (Lublin: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2018).
Vera Tolz, *Russia's Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods* (New York: Oxford University Press, 2011).
Richard Wortman (ed.), "Vignettes of Empire: 'Asiatic Peoples' at Nineteenth-Century Imperial Russian Coronations," in *Picturing Russian Empire* (New York: Oxford University Press, 2023), 171–178.

Review articles

Обзоры

Szemle

KATALIN SCHREK

POWER AND STATE – RECONSIDERED (A REVIEW)[1]

This review aims to introduce a newly published volume in Russian historical research. The monograph by Endre Sashalmi, entitled *Russian Notions of Power and State in a European Perspective, 1462–1725 – Assessing the Significance of Peter's Reign*, was published only a year ago and has already earned the recognition of scholars of Russian studies both in Hungary and abroad. The book sheds new light on the development of early modern Russian political thought, its specific characteristics and its significance in the European context. Drawing on a diverse source base and a wide range of theoretical knowledge, the author's conceptual approach rethinks the framework for interpreting the early modern forms of Russian state and power.

Keywords: Russian state, power, idea of politics, Peter the Great, Early Modern Age

Katalin Schrek – PhD, Senior Lecturer, Institute of History, Department of World History, University of Debrecen. E-mail: schrek.katalin@arts.unideb.hu ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8601-6382

1 *Citation:* Katalin Schrek, "Power and State – Reconsidered (A Review)", *Russian-StudiesHu 6*, no. 1 (2024): 237–245. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2024.6.11

DOI: 10.38210/RUSTUDH.2024.6.11

The place and role of Russia in Europe is a question that has been of interest for centuries, not only to Russian historians but also to historians abroad. There are many theories and concepts in the traditional East–West debate and in the interpretation of the direction of the history of Russian development. One of the main questions is whether Russia can be interpreted as a great power in Eastern Europe trying to catch up with Western tendencies, or rather as an expansionist empire tending towards Asia. This dilemma has its roots in old traditions and has determined the evolution of Russian ideas and political history. The Petrine reforms and the need to build an empire were fundamentally concerned with catching up culturally with European society. It is another question how Peter was able to apply the traditions and cultural values and even political concepts typical of Europe to an authentic Russian milieu that was averse to any radical change. Understanding this transformation, perceiving the subtle changes in the periods preceding the Petrine Era and comprehending their significance – this is the basis of a modern approach to history. For this very reason, a political-historical approach to the study of the early modern Russian state is no longer sufficient; the inclusion of other fields such as the history of ideas is also required.

Bearing all this in mind, research into political thought and the history of ideas is perhaps one of the most dynamically developing trends in recent Russian studies. In the last few decades, a number of volumes have been published that have laid new foundations for the history of political thought in early modern Russia, such as the works of Gary M. Hamburg,[2] Maureen Perrie,[3] Daniel B. Rowland[4] or Gyula Szvák[5] to name but a few (without claiming to be exhaustive). Endre Sashalmi, whose latest monograph boldly sheds new light on the turning points of early modern Russian political thinking and its ideological background fits neatly into this list. His book, published by Academic Studies Press at the end of 2022, quickly won the recognition of the professional community, and Endre Sashalmi became the first Hungarian researcher to win the Eighteenth-

2 Gary M. Hamburg, *Russia's Path toward Enlightenment: Faith, Politics, and Reason, 1500–1801* (New Haven: Yale University Press, 2016).

3 Maureen Perrie, "Popular Monarchism: The Myth of the Ruler from Ivan the Terrible to Stalin", in *Reinterpreting Russia*, ed. Geoffrey Hosking (London: Arnold, 1999), 156-169.

4 Daniel B. Rowland, *God, Tsar, and People: The Political Culture of Early Modern Russia* (Ithaca: Cornell University Press, 2020).

5 Gyula Szvák, *Russkaia paradigma. Rusofobskie zapiski rusofila* (St. Petersburg: Aleteia, 2010).

Century Russian Studies Association's Marc Raeff Book Prize in 2023. The great international interest this book has attracted is no coincidence, as Endre Sashalmi's work explores a complex topic with great thoroughness and extensive knowledge of sources, the comprehensive and cross-period analysis of which few have undertaken. This volume can therefore rightly be regarded as a pioneering endeavour.

Endre Sashalmi is a professor at the Institute of History at the University of Pécs, head of the Research Workshop on the History of Russia at the University of Public Service, a member of the Russian–Hungarian Joint Committee and of the editorial board of the journal "RussianStudiesHu". His research is concerned with the historical development of Russian statehood, the transformation of the concept of the Russian state and its historical interpretation, and this is the core subject of his latest monograph. This book has two very important historiographical antecedents. The first is the author's work *From the Human Body to the Clockwork: Metaphors of State and Changes in the Nature of the State in Western Christendom, 1300–1800,* published in 2015; the second is entitled *The Problematics of Power and State in Russia between 1462–1725 from a European Perspective,* which came out in 2020.[6] Both books, published in Hungarian, are precursors of this new monograph from different aspects. The former focused on conceptual-philological analyses related to the concept of the early modern state, primarily based on the Western European context. At the same time, this volume was a very important foundational work, as it provided the definitional and conceptual background from which Sashalmi could continue his research. In his next work, he examined not only the meanings of the concept of the state, but also how these meanings could be interpreted in Europe and beyond in the Russian context. In addition, Sashalmi's in-depth analysis focuses on Russian autocracy, more precisely the emergence of autocracy as a political system, and the interpretation of so-called *"proprietary dynasticism."*[7] *Russian Notions of Power* can be seen as the third stage in this organic process of research and creation, not only combining these two subfields, but also introducing many new elements, analytical aspects and a much broader vision of Russian political thought.

6 Endre Sashalmi, *Az emberi testtől az óraműig. Az állam metaforái és formaváltozásai a nyugati keresztény kultúrkörben 1300–1800* (Pécs: Kronosz Kiadó, 2015).

7 Endre Sashalmi, *A hatalom és az állam problematikája Oroszországban 1462–1725 között európai perspektívából* (Budapest: Dialóg Campus, 2020).

The book is divided into five major sections: an introductory treatise, three main chapters forming separate thematic units and an epilogue which draws parallels with the present. Regarding this division, it is worth noting that although the first and last parts are not specifically highlighted in the volume – as the book focuses on the three major central units – they are, in my opinion, at least as important as the main chapters because they provide a coherent interpretation for the main thrust of the volume. The first part – *"Introduction: Explanation of Aims, Genre and Terminology"* – is an introductory section, which clearly sets out the points of analysis that define the themes and formal characteristics of the volume. As Sashalmi himself openly states, he did not set out to write a history of Russian political thought. His main aim was to present the trends of political thought in a transitional period, when the Russian political vocabulary was being transformed by European influences and specific Russian features. In terms of methodology, Sashalmi explores the shifts in the notions of Russian political thinking with almost philological thoroughness, organising them around conceptual and terminological issues.

The three main chapters elaborate the concepts of state and power and how these changed from the 15th century to the time of Peter the Great, partly building on each other and partly running in parallel. In the first section, entitled *"Russia and Europe: Clarification of Terms and the Problem of State,"* Sashalmi focuses on laying down the theoretical foundations and establishing the definitions on which he later builds the language of his whole argument. And it is precisely one of the greatest merits of this volume that the author takes the time to explain the concepts and interpret the European (and especially Western European) terms in an authentic Russian context. This is particularly important since, as Sashalmi points out, these terms – transposed into a specific Russian environment – have different or rather more nuanced meanings than those traditionally used in European circumstances. The integration of the notions of state and power into Russian political thought and culture was part of a complex process, and Sashalmi's presentation of this process also highlights the ideological background in which these terms acquired their own special meaning. The importance of the mythical and real ancestors of the ruling dynasty, i.e., the descent from Emperor Augustus (augmented by the story of the Monomakh regalia), Ivan III's marriage to the niece of the last Byzantine emperor respectively, and the relationship between the ruler and God – the strong presence of the Tsar as the earthly vicegerent of God

– are also presented as crucial elements in the development of Russian political thought.

Sashalmi examines simultaneously the main elements of early modern Russian political thinking while reflecting on changes in the organization and the structural modifications of the European states of the period. The author's reflection on the differences between the political systems of Russia and the European states is particularly interesting, as he sheds light on the dynamics of political thinking as well as on diplomatic events. Russia gradually became integrated into the changing inter-state relations that followed the Thirty Years' War, although the process of catching up was more intense during the Petrine Era. Sashalmi points out the importance of two major international treaties, the treaties of Westphalia and Utrecht, and shows their impact on international law. By analysing Shafirov's treatise (1717), written to justify the Russian position on the causes of the Great Northern War and consequently to achieve recognition of Russia as a European state, he proves that Russia adapted well to the standards of the age in the field of inter-state relations.

The second section of the book focuses on state and power. In this chapter, Sashalmi first rethinks the interpretation of *"proprietary dynasticism,"* taking as his starting point Richard Pipes' book *Russia under the Old Regime* and bringing a new perspective to the question of the succession of power. In his argument, he consistently uses the term *"proprietary dynasticism"* in the sense that (public) power in Russia is held by the dynasty and that the Russian Tsar essentially regards the state as his own property. The author understands the Russian ideology of power and political structure as a patrimonial system, in which the tsars establish their possession of power on the basis of divine right, and thus the phenomenon of the Russian ruler as the owner of the country.

At this point it is worth noting that Sashalmi distinguishes between different kinds of rulership based on proprietary, office, and divine right principles. Another decisive aspect is the transformation of the notion of *gosudarstvo* in the 16th and 17th centuries, which, although it takes on a new meaning, is not entirely free from the meanings determined by the *Moskovskoe gosudarstvo* in the previous centuries. In the 17th century, however, the concept had already advanced considerably, a claim which the author supports with contemporary source material and documents, one example being the Law Code of 1649. An extremely important finding that features in the book regarding the Russian–Western comparison is that not only *state and power* show a regionally changing picture in political

thinking, but also the concept of *"common good and commonwealth"* – or more precisely its existence (in Western Europe) or non-existence (in Russia). In this respect, Sashalmi clearly argues that in Russia the *"common"* approach was barely present, and that the concept of commonwealth only became established in Russian political thinking in the second half of the 18th century, during the reign of Catherine II.

The author discusses the different interpretations and manifestations of *"Divine Right"* in Russia and Europe in a separate sub-chapter, again based on the differences between East and West. At this stage of the analysis, Sashalmi also seeks to reinforce these distinctions by using different terminology *(Divine Right of Kings - Divine Right of Tsars)*. The ideology of power in early modern Russia was monolithic, and there were no diverse and multifaceted concepts as in the West. Sashalmi believes that this analysis must take into account not only the origin of power, but also its purpose and the question of its inheritance. One of the most important differences between divine right as it pertained to tsars as opposed to kings is precisely the way in which power was transmitted. While in Western Christianity the order of succession was fixed, in Muscovy it was completely different. According to custom, the eldest surviving sons were preferred to succeed to the throne, but there were occasions when this tradition seemed to be overturned and suitability for the throne was given greater weight (for example after 1682). A more significant change in the succession of power came with the the tsar's statute in 1722, which both formalized and loosened the succession. It declared that the ruler had the right to name a candidate for the throne, but the candidate no longer had to be a grand prince or another immediate family member, and therefore dynastic descent as a whole was not a requirement any longer.

The third major unit of the book revolves around a key figure in Russian political thought, Feofan Prokopovich. The career of this monk is presented in detail, and the portrait seems to deviate from the scheme of the history of ideas pursued by Sashalmi, but this deviation also has a well thought-out function: the changes in Feofan Prokopovich's personality and career had a strong impact on his literary activity and political thinking. Sashalmi presents the relationship between state and power through analysing the writings of Prokopovich. Before examining the Prokopovich texts, however, Sashalmi summarizes in a separate subsection aspects essential to the study of his works, thus helping readers to understand a language that deviated from the usual, even in Prokopovich's own time. The *"language acts"* used by Prokopovich were intended to change and adapt

to the demands of Peter the Great as well as to the new cultural politics. Moving slightly away from the Prokopovich analysis, but also within the same chapter, we encounter the ways in which the notion of the Russian state appeared in visual and written sources in the 18th century. A new image of power emerged through the works of Prokopovich, and this was gradually reflected in symbolic representations through the allegorical personification of Russia as a female figure. This was also reflected in the period after 1725, when the Russian Empire was led predominantly by female rulers.

The final section of the volume is a curiosity for the whole monograph. Moving from the early modern period to the modern era, it shows how the concepts of state and power are manifested. The aim of the author in this epilogue was to create a kind of *longue durée* interpretation of the notions of state and power. Sashalmi draws on two sets of sources for his analysis: the Russian Constitution of 1993 and Vladimir Putin's speeches. Examining the use of terms in the preamble of the Constitution, Sashalmi concludes that there is an overlap between the rhetorical elements that became crucial under Peter the Great and the terms used in the text (*gosudarstvo, Rossiia, otechestvo* for instance), and that this shows a strong continuity in the use of terms related to the state and power across historical periods. As far as Vladimir Putin's texts are concerned, his Millennium Manifesto and his later speeches also establish a characteristic link with the Petrine Era.

This monograph draws on a considerable body of literature and provides valuable guidance for researchers interested in the subject. Mention should also be made of the large number of contemporary sources used, of which Martin Schmeizel's Latin-language work from 1722 is very interesting, since it was written to justify Peter the Great's imperial title. Given that this source is less known in professional circles, its introduction into the historical canon is also an important merit of the book. In addition to all of this there are many other aspects of the work of Endre Sashalmi (among them the parallel use of visual and written sources) that deserve to be described and highlighted, but we will refrain from doing so here. Firstly, because a book review simply cannot reflect the complexity of this work, in which Sashalmi's arguments are presented in a convincing and effortless manner and his comprehensive knowledge is evident. Secondly, for the very reasons outlined above, this volume also covers fields of research that are distant from each other, giving it, therefore, a wide range of uses. On the whole, I believe that this new

book by Endre Sashalmi is a worthy culmination of the author's research activities in recent years and will be an essential read for both young and experienced scholars of Russian Studies.

Endre Sashalmi, *Russian Notions of Power and State in a European Perspective, 1462–1725 – Assessing the Significance of Peter's Reign.* (Boston, Academic Studies Press, 2022), p. 508.

References

Gary M. Hamburg, *Russia's Path toward Enlightenment: Faith, Politics, and Reason, 1500–1801* (New Haven: Yale University Press, 2016). https://doi.org/10.12987/yale/9780300113136.001.0001

Daniel B. Rowland, *God, Tsar, and People: The Political Culture of Early Modern Russia* (Ithaca: Cornell University Press, 2020). https://doi.org/10.7591/cornell/9781501752094.001.0001

Maureen Perrie, "Popular Monarchism: The Myth of the Ruler from Ivan the Terrible to Stalin", in *Reinterpreting Russia*, ed. Geoffrey Hosking (London: Arnold, 1999), 156–169.

Endre Sashalmi, *Az emberi testtől az óraműig. Az állam metaforái és formaváltozásai a nyugati keresztény kultúrkörben 1300–1800* [From the Human Body to Clockwork: Metaphors of State and Changes in the Nature of the State in Western Christendom 1300–1800] (Pécs: Kronosz Kiadó, 2015).

Endre Sashalmi, *A hatalom és az állam problematikája Oroszországban 1462–1725 között európai perspektívából* [The Problem of Power and the State in Russia between 1462 and 1725 from a European Perspective] (Budapest: Dialóg Campus, 2020).

Gyula Szvák, *Russkaia paradigma. Rusofobskie zapiski rusofila* [The Russian Paradigm] (St. Petersburg: Aleteia, 2010).

A folyóirat az Eötvös Loránd Tudományegyetem Bölcsészettudományi Kara
és az ELTE Folyóiratfejlesztési Alap támogatásával jelenik meg

The journal is published with the support of the Eötvös Loránd University
Faculty of Humanities and the ELTE Fund for Journal Development

ALEXANDER I. FILYUSHKIN
DEBATE ON RUSSIAN SAINTS IN EUROPEAN NARRATIVES ABOUT SIXTEENTH-CENTURY MUSCOVY

PAWEŁ ŻMUDZKI
DID PRINCE LEV WISH TO BECOME DUKE OF KRAKÓW IN 1280?

SERGEY M. RYABOV
RUSSIAN-FRENCH TRADE IN THE BALTIC SEA DURING THE SWEDISH BLOCKADE OF THE "NARVA NAVIGATION" IN THE 1570S

IGOR O. TYUMENTSEV
THE COSSACKS AND FOREIGN SOLDIERS UNDER THE BANNERS OF IMPOSTORS IN THE TIME OF TROUBLES OF THE EARLY 17TH CENTURY

BRIGITTA SCHVÉD
"TO PRESERVE THAT BALANCE OF POWER ON WHICH THE HAPPINESS AND PROSPERITY OF EUROPE DEPEND" – DISCOURSE ON THE FIRST PARTITION OF POLAND AND THE EUROPEAN BALANCE OF POWER IN LONDON NEWSPAPERS (1771–1774)

SÁNDOR GEBEI
THE HISTORICAL ROOTS OF THE POLISH-RUSSIAN CONFRONTATION: ITS ORIGIN (16TH CENTURY) – ITS DEEPENING (17TH CENTURY) – ITS IRRECONCILABILITY (18TH CENTURY)

GYULA SZVÁK
RUSSIAN HISTORY WRITING AND ITS PERIODISATIONS

ENDRE SASHALMI
COMMAND AND CONTRACT IN RUSSIA FROM THE MID-16TH CENTURY TO 1725: CONTRACTOR STATE, PRIVATE ENTREPRENEURS(HIP), AND SUPPLYING THE RUSSIAN ARMED FORCES

MAYA S. PETROVA
DMITRY GERASIMOV AND HIS FOLLOWERS ON THE VERB

MARTA CYUŃCZYK
GRIGORY G. GAGARIN'S 19TH-CENTURY FRESCOES AND DECORATION IN THE SIONI CATHEDRAL IN TBILISI

KATALIN SCHREK
POWER AND STATE – RECONSIDERED (A REVIEW)